

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

ЗОЛОТАЯ ПЕТЛЯ

ЧАСТЬ I

Детектив с историей (1С)

Вячеслав Каликинский

Агасфер. Золотая петля. Том 1

«1С-Паблишинг»

2021

Каликинский В. А.

Агасфер. Золотая петля. Том 1 / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2021 — (Детектив с историей (1С))

Главный герой – Михаил Берг, известный любителям жанра по роману «Посол». Бывший блестящий офицер стал калекой и оказался в розыске из-за того, что вступился за друга – японского посла. Берг долго скрывался в стенах монастыря. И вот наконец-то находит себе дело: становится у истоков контрразведки России и с командой единомышленников противодействует агентуре западных стран и Японии. В четвёртой книге Агасфер уже действует в новой исторической реальности, наступившей после революции в России. Герою предстоит поучаствовать в поиске пресловутого золотого запаса Империи.

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Пролог	7
Глава первая	12
Глава вторая	21
Глава третья	33
Глава четвертая	43
Глава пятая	57
Глава шестая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вячеслав Каликинский

Агасфер. Золотая петля. Том 1

От автора

Всякий раз, выбирая тему для общения с читателем, я стараюсь найти в лабиринтах истории наиболее интересное и увлекательное. Белых пятен в нашей истории, увы, хватает: говорю об этом как литератор по образованию и историк по складу инстинктов. Много из нашей истории по чьему-то убеждению или забывчивости носит до сих пор гриф секретности или ограничения в пользовании. Часто в наше время источники «раскрывают», но происходит это как-то столь незаметно, что о возможности прикоснуться к этому источнику не знают не только любители чтения, но и специалисты.

В своих книгах я стараюсь как можно часто использовать именно такие источники – ограниченного доступа или только что открытые для широкой публики. В этом мне помогает чутье архивиста: почти 10 последних лет, вплоть до отставки я работал в архивной службе.

Книга «Золотая петля», которую ты, читатель, сейчас держишь в руках, посвящена, на первый взгляд, непреходящему интересу людей к кладоискательству. Признаюсь: это небольшая хитрость автора. За авантюрной историей поиска «рассыпанного» по просторам России в 1918–20 годах золотого запаса Империи, волею случая попавшего в руки адмирала Колчака, скрыто множество человеческих судеб и трагедий. Многие из них мало известны даже профессиональным историкам. Или «недостойны» их внимания. Собирая по крупицам материалы для этой книги, я не раз сталкивался с недоумением или возмущением таких профессионалов: зачем, мол, читателю это «грязное белье» нашей истории?

Практически все действующие лица и события, описанные в «Золотой петле», имеют под собой реальную основу. Был, к сожалению, и пресловутый «поезд смерти» народного комиссара по военным и морским делам (читай: главкома Красной армии) Троцкого. И вагоны для этого поезда были закуплены за серьезную валюту за рубежом – в то время как большая часть населения России буквально умирала с голода. Мелькнет в моей книге и Сталин – но не как общеизвестный «палач народов», а серьезный поклонник всякого рода оккультизма на грани шаманства.

Часть повествования посвящена одной из загадочных личностей в истории России – маршалу Блюхеру. Истинный герой революции и Гражданской войны? Но как же тогда быть с задокументированным одобрением маршала и орденоносца деятельности «вождя партизанского движения» на Дальнем Востоке Тряпицына, своим бесовством уничтожившего практически все население Николаевска-на-Амуре? Сжигшего, по сути, весь город? Во время бесчинств Тряпицына в Николаевске в аптеках этого города стояли очереди. Очереди за ядом, который люди предпочли грядущим пыткам и издевательствам. И фармацевты без рецептов отпускали яды всем желающим спасти себя и своих близких от мучений «освободителя» от японской оккупации...

Но все же «Золотая петля» – не политический памфлет или детектив. Вместе с громкими именами в книге живут и вымышленные, собирательные персонажи. Именно благодаря им автор попытался собрать в небольшую команду настоящих «двигателей» истории России, ее истинных патриотов. Они представлены в четвертом, предпоследнем романе литературного проекта «Агасфер» такими, какими их видит автор. Не идеалами для безусловного подражания, а людьми, чьи поступки тоже не всегда укладывались в рамки патриотизма.

Автору не стыдно признаться и в том, что, стараясь строго следовать исторической хронологии событий, ему иногда все же приходилось сознательно передвигать время действия,

«оперировать» датами и фактами встреч тех или иных героев романа. Это сделано не по причине исторической безграмотности, а для максимальной концентрации книги, боязни потери читателя на полпути... Это – право автора книги, жанру которой трудно подобрать емкое и всеохватывающее определение. Профессиональные книготорговцы называют такие произведения ретро-детективами. Может быть, они правы?

С уважением к читателям, В. Каликинский

Часть первая

Пролог (Шанхай, 1905 год)

Осама, покидая Шанхай после разгрома окопавшихся в генеральном консульстве Японии коррупционеров, обещал, что семья Агасфера вернется к нему максимум через две-три недели. Так в конечном итоге почти получилось... Получив весточку о скором приезде жены и сына, Берг с головой погрузился в радостные хлопоты. Три недели пролетели для него в ожидании встречи.

Мистер Кеннет из Шанхайского Бюро недвижимости сумел угодить клиенту, подобрав для него весьма удобный дом с большим участком в престижном Британском сэттльменте. Двор, обнесенный высоким каменным забором, был абсолютно пуст, не считая небольшого флигелька в дальнем углу, – со временем Агасфер рассчитывал поселить там будущую прислугу. Пустота двора только порадовала Агасфера: разбить сад в Шанхае, при наличии денег, не было проблемой. Тот же Кеннет, воодушевленный солидными комиссионными, подсказал ему адрес садоводческой фирмы.

С теми, как и с мебельщиками, удалось быстро договориться, и одновременно с мебельными подводами к дому на Бабблинг-роуд потянулись повозки с плодородной землей, саженцами растений и деревьями-крупномерами. Соседи-англичане только фыркали, удивляясь невиданным темпам работ землекопов и садоводов, трудившихся у нового соседа с утра до поздней ночи. Зато и двор уже через несколько дней было не узнать: там появился декоративный пруд с рыбками, причудливые дорожки, засыпанные песком, пышные кустарники, обещающие обильное цветение уже в будущем году и даже несколько южных деревьев.

И когда из Нагасаки пришла долгожданная депеша от Настеньки, дом и сад были практически готовы... Узнав точную дату и час прибытия долгожданного парохода, Агасфер поспешил в порт.

* * *

...Грузо-пассажирский пароход из Нагасаки, как это обычно водится, опоздал часа на три. Вооружившись биноклем, Агасфер увидел название долгожданной посуды еще до того, как ее взяли «в оборот» два трудолюбивых буксира.

А вот Насти с сынишкой Агасфер, сколько ни старался, разглядеть среди небольшой кучки пассажиров на палубе не мог. Да и то сказать: пароход явно был больше «грузовиком», нежели пассажирским судном. Практически вся палуба была заставлена ящиками, бочками, кипами мешков. Агасфер покачал головой: куда смотрел портовый инспектор в Нагасаки? Случись в пути даже небольшой шторм, вся эта мешанина груза посыпалась бы за борт...

Тем временем буксиры развернули судно, и, упершись носами в его левый борт, дружно выбросили из труб клубы дыма. Поглядев по сторонам, Агасфер определил место, куда буксиры приткнул пароход. Как раз там вспыхнул взрыв ругани: портовый инспектор крыл почем зря машиниста парового крана, припоздавшего перенести подальше от края причала огромную кипу мешков. Машинист, наполовину высунувшись из кабины, отругивался.

Между тем полоса грязной воды с плавающим мусором между причалом и приближающимся бортом парохода неуклонно уменьшалась. И тут Агасфер увидел Настю: держа сынишку на руках, она махала Бергу рукой и показывала малышу отца.

Вот пароход коснулся кормой причала. И в этот момент Агасфер услышал предостерегающий крик портового инспектора. Обернувшись, он увидел, что крановщик, в нарушение всех правил, пытается сдвинуть кипу мешков на причале стрелой. Зубчатые колеса крана скрежещали и готовы были вырваться из направляющих рельсов. Труба крана отчаянно дымила, двигатель ревел и тряся, а стрела, сдвинув лишь верхушку кипы, дрожала от напряжения.

Агасфер тоже помахал улыбающейся Насте и сыну и вдруг увидел, как исказилось ее лицо, повернутое куда-то в сторону. Одновременно он услышал душераздирающий скрежет металла и звон лопнувшего на кране бокового троса. Его оборванный конец с хищным жужжанием пронесся над головами встречающих и хлестнул по пирамиде бочек на корме только что причалившего парохода. Одновременно борт парохода с треском ударился о край причала.

Время словно резко замедлило свой бег. Бочки на борту парохода от удара троса и толчка медленно качнулись, затрещала и стала лопаться удерживающая их сеть. И так же неестественно медленно пирамида дрогнула и стала рассыпаться – в нескольких саженях от женской фигуры с ребенком на руках у фальшборта.

– Настя-а-а! – закричал Агасфер, отчаянно показывая на падающие цилиндры бочек, и отрешенно понимая, что бежать-то жене, собственно, некуда.

Поняла это и Настя, отступая по узкой палубе от накренившейся в ее сторону смертельной пирамиды.

Сеть звонко лопнула, и тяжелые бочки с грохотом начали сыпаться на палубу, сметая все на своем пути. Удерживая одной рукой сынишку, Настя рвала тяжелый клинкет¹ палубной надстройки – но тот поддавался слишком медленно, первая бочка была уже у ее ног. Настя надломлено вскрикнула. И, падая, успела вбросить тело сына в спасительную щель приоткрывшегося клинкета.

– Настя-а-а!

Но Насти уже не было видно. А по палубе, где она только что стояла, тяжело прыгали и сталкивались огромные цилиндры. Несколько бочек, сломав фальшборт, рухнули на причал – от одной Агасфер едва успел увернуться. Это словно разбудило его – он ринулся к борту, попытался вскарабкаться на пароход. Кто-то оттаскивал его, что-то предостерегающе крича. Агасфер, не оборачиваясь, ударил назад тяжелым протезом левой руки.

Каким-то образом ему все же удалось забраться на палубу, и он рванулся к груде бочек, накрывшей Настю. Здоровой рукой он принялся сдвигать тяжеленные бочки, используя протез левой кисти как рычаг. Часть бочек треснула, из них что-то текло... Теперь в Агасфера вцепилась опомнившаяся палубная команда – еще не понимая беснующегося мужчину, его оттаскивали, били, ругали. Подскочивший боцман сунул в лицо Агасферу револьвер. Не обращая на оружие внимания, Берг рычал и продолжал раздвигать бочки.

И только когда из-под очередной бочки показалась раздавленная рука и легкая прядь пепельно-белокурых, перепачканных мазутом волос, команда притихла и после минутной паузы стала помогать Агасферу освобождать из-под смертельной тяжести разломанное тело его погибшей жены...

Бочки откатывали, сбрасывали, сдвигали. С каждой убранной бочкой тело Насти открывалось все больше и больше. Один раз ему даже показалось, что ее нога шевельнулась, и он рванулся вперед, но боцман, положив на плечи Агасфера тяжелые ладони, удержал его на месте. Шепнул:

– Крепитесь, сэр... Осталось две бочки, и вы сможете увидеть ее лицо. Только я, сэр, настоятельно рекомендую вам не смотреть!

---

¹ Клинкет – водонепроницаемые двери на кораблях, которые двигаются в особых направляющих рамах.

Но отворачиваться Агасфер не стал. И, увидев смятое, раздавленное лицо Насти, он дико закричал, рванулся вперед, попытался поднять тело за плечи. Его с трудом оттащили, загорая живая мертвое тело.

Услыхав где-то совсем неподалеку детский плач, Агасфер тут же вспомнил о сыне. Он резко обернулся, определил источник крика, отпихнул клинкет, выхватил Андрейку из чьих-то рук, торопливо ощупал руки, ноги, прижал к себе и без сил опустился на палубу. А сынишка рвался из рук. Звал маму, отпихивал Агасфера...

А тот словно выключился. Он не мог потом вспомнить, как сошел на берег, как вместе с сыном уселся прямо на причал, оказавшись рядом с подлетевшей каретой скорой помощи. Доктор с санитарями пытались отнять у него сына – осмотреть, убедиться, что ребенок цел. Медики с опаской поглядывали на изломанный в борьбе с бочками протез левой руки мужчины, из которого хищно торчал надломленный стержень.

Иногда Агасфер поднимал голову и пытался разглядеть палубу корабля, где его Настю уже накрыли брезентом, безучастно поглядывал по сторонам на собравшуюся толпу. Потом из этой толпы появилось чье-то знакомое лицо – он долго не мог вспомнить, кто это? Человек со знакомым лицом решительно раздвинул толпу, уселся рядом. Обнял за плечи, легонько потрянул:

– Вы не узнаете меня, мистер Берг? Я Форрест, Гарри Форрест. Мы недавно работали с вами в японском консульстве... Позвольте увезти вас отсюда, мистер Берг!

– Я никуда не пойду, – помотал головой Агасфер. – Здесь моя жена, моя Настенька...

– Я знаю, мистер Берг. И приношу вам самые искренние соболезнования. Но вам надо уйти отсюда – у вас еще есть сын. Вы позволите мне взять его на руки? Вам это... гм, будет трудно, – Форрест смущенно кивнул на изуродованный протез. – Кроме того, вы можете поранить разбитым протезом мальчонку!

– Помогите мне встать, – попросил Агасфер. – Андрейку я понесу сам...

– Как скажете, мистер Берг. Куда вас отвезти? У меня тут автомобиль.

– Домой... Я купил для жены дом... Туда...

– Домой, очень хорошо. А где ваш дом? Скажите мне адрес. Адрес. Понимаете?

– А Настя? Погодите, я не могу оставить ее тут! Я никуда не поеду без нее!

– Не волнуйтесь. Мистер Берг, мы все сделаем. Поможем. Со мной мои люди, они сделают все, как надо...

Форрест помог Агасферу встать. Придерживая ребенка, повел сквозь толпу к автомобилю. С тревогой посматривая на мальчишку – тот словно окостенел на здоровой руке отца, – махнул рукой доктору, велел сесть в автомобиль рядом с Агасфером. Доктор из службы скорой помощи слегка поморщился: у него была своя работа. Однако он не решился спорить с человеком из Британской Ост-Индской компании – это было бы неосторожно.

Когда автомобиль остановился у нужного дома на Бабблинг-роуд, Форрест уже без спроса взял потерявшего сознание мальчишку на руки, занес в дом. Агасфер кивнул на лестницу: детскую комнату для сынишки он обустроил на втором этаже, рядом со своей спальней.

В доме еще чувствовался легкий запах краски и новой мебели. Форрест положил мальчика на кровать, оглянулся на доктора, уступил ему место.

Через несколько минут доктор разогнулся, щелкнул замком саквояжа:

– У ребенка нет видимых повреждений – если не считать пары царапин, не опасных для жизни. Однако совершенно очевидно, что мальчонка перенес глубокий шок. Я напишу вам адрес здешнего детского доктора – он очень хороший специалист. Очевидно также, что ребенку нужен постоянный присмотр – сиделка или сестра милосердия...

Агасфер тупо покачал головой:

– У меня в Шанхае никого нет, доктор. Может, вы порекомендуете кого-нибудь?

– Попробуйте обратиться в Католическую миссию, сэр. Это близко. Вы ведь католик?

Агасфер отрицательно покачал головой:

– Православный...

– Я не думаю, что в Шанхае есть православный приход, мистер, – задумался доктор. – Впрочем, какая разница? Кстати, вот визитная карточка похоронного бюро. Свяжитесь с ними, и они все сделают в надлежащем виде. Вашу супругу... ее тело отвезли в морг больницы святого Иосифа. Но прежде, повторяю, вам нужно позаботиться о сыне. Я сделал ему инъекцию легкого снотворного, часа три он проспит. К моменту пробуждения желательнее решить вопрос с сиделкой и, конечно, с детским доктором. Вам бы тоже не помешал врачебный осмотр, мистер: вы весь в крови, на правой кисти видны глубокие раны.

– Не надо... Потом.

– Займитесь им, доктор! – приказал Форрест. – А вы помолчите, мистер Берг: хотите потерять вторую руку? Этим вы мало поможете своему сыну!

Доктор заставил Агасфера снять сюртук и сорочку, отстегнуть протез. Он наложил несколько швов на самые глубокие порезы на правой руке, остальные залепил пластырем.

– Культь левой руки тоже надо показать хирургу, – он покачал головой. – Не пристегивайте пока протез – культь сильно опухла. Возможны трещины в лучевой кости. Да и сам протез, боюсь, уже отслужил свое...

– Я провожу вас, доктор! – вызвался Форрест.

Когда он вернулся наверх, Агасфер так и сидел на краешке кровати сына, бездумно глядя в окно.

– Пойдемте вниз, – предложил Форрест. – Я тоже немножко понимаю в медицине и вижу, что вам нужна добрая порция виски и сигара для прочищения мозгов. В доме есть спиртное?

В столовой Форрест безошибочно достал из буфета нетронутую бутылку бренди, два бокала. Поискав лед, махнул рукой, налил Агасферу и плеснул на дно себе.

– Пейте до дна, – велел он. – Считайте это лекарством...

– Значит, у вас в Шанхае нет ни друзей, ни хороших знакомых, – констатировал Форрест, поставив пустой стакан. – Это плохо... Хотя, учитывая ваш род деятельности, ничего другого, собственно, трудно ожидать. Вы ведь как-то связаны с японской разведслужбой? Можете не отвечать, мистер Берг: события в японском консульстве², в которых я принимал участие, говорят сами за себя. Мне, собственно, все равно – на кого вы работаете. Я оказался на причале волею случая и помог вам как белый человек белому человеку. Вы мне симпатичны, мистер Берг, но это, к сожалению, не означает, что я готов бросить свою службу в БОИК³ и сделаться вашей сиделкой – даже на первое время. Моему начальству это не понравится, я уверен. Так что вам придется брать себя в руки и решать свои проблемы самому, мистер Берг!

– Я знаю...

Форрест встал, чтобы снова наполнить бокалы, мимоходом глянул в окно.

– А что за китайчонок отирается возле вашего дома, мистер Берг? – неожиданно спросил он. – Когда мы приехали, он сидел прямо на крыльце – а сейчас, гляжу, перебрался к дому напротив, но не спускает с вашей двери глаз.

Агасфер равнодушно глянул в окно, пожал плечами:

– Понятия не имею...

– Ну и черт с ним, – решил Форрест. – Итак, подводим наши невеселые итоги. Сейчас я покину вас, но по дороге в свою контору заеду к докторам – детскому и хирургу. Обеспечу их визиты. И конечно же, заскочу в Католическую миссию, насчет сиделки. Не думаю, чтобы в миссии согласились на постоянный присмотр, но несколько дней я вам могу гарантировать.

---

² См. роман «В полном отрыве».

³ БОИК – Британская Ост-Индская компания. В Шанхае отделение этой компании с ведома правительства Англии и под его покровительством занималось поставкой опиума из Индии.

Поговорю кое с кем из приятелей – может, у них есть на примете приличная белая женщина. Но и вы тоже ищите сиделку, мистер Берг: белые порядочные женщины не рыщут по Шанхаю в поисках работы!

– Спасибо, мистер Форрест...

– Можно просто Гарри, если не возражаете. Теперь похороны вашей супруги... Ну-ну, мистер Берг, возьмите себя в руки, черт побери! – Форрест грубовато похлопал Агасфера по плечу. – Слезами горю не поможешь, увы! Так вот, похороны: позвоните по телефону в похоронное бюро – я думаю, все решится с их помощью. Удивляюсь, что эти стервятники до сих пор сами не нагрянули сюда – обычно они дежурят в больницах и моргах... Ага, звонок в дверь! Готов поспорить, что это из похоронного бюро! Я сам открою, мистер Берг!

Форрест вернулся с неким господином в черном фраке, с профессионально-скорбным выражением лица.

– Ну, не буду вам мешать, мистер Берг! – засобиравшись Форрест. – Я оставляю на столе свою визитную карточку – звоните, если что...

Перед уходом он плеснул Агасферу еще бренди и многозначительно убрал бутылку в буфет.

С гробовщиком Агасфер договорился быстро. Получив полный карт-бланш на организацию похорон, господин в черном фраке несколько повеселел. Пряча аванс, он лишь поинтересовался:

– Дорогой сэр! Мистер... э... Берг, если не ошибаюсь? Соберитесь с духом: у меня к вам не слишком деликатный вопрос. Дело в том, что лицо вашей супруги сильно пострадало во время несчастного случая. Ее, конечно, можно похоронить в закрытом гробу – либо нашим бальзамировщикам придется изрядно потрудиться, восстанавливая лицо. Что потребует не только дополнительных расходов, но и времени, как вы понимаете. Так как прикажете, мистер Берг?

– Я не хочу, чтобы мою Настю заколачивали в ящик! Я хочу увидеть ее!

– Понимаю, сэр. В таком случае, я попросил бы вас дать мне фотографию вашей несчастной супруги... У вас нет фотографии? Что ж, наши специалисты попробуют справиться без нее. У вас не будет больше пожеланий, сэр?

Агасфер покачал головой, но когда гробовщик уже начал с поклонами пятиться к двери, вдруг вспомнил:

– Ах да! Настенька... Моя жена очень любила березы. Возможно ли, подобрать место на кладбище под березой?

– Все что угодно, сэр! Это не проблема! Наша фирма добудет вам березку, даже если людям придется ограбить императорский сад. Не волнуйтесь, сэр!

Выпроводив гробовщика, Агасфер снова поднялся к сыну. Убедившись, что тот крепко спит, он принялся бесцельно ходить по дому, который сегодня был готов к тому, чтобы принять радостную счастливую семью...

В дверь опять позвонили: как оказалось, одновременно прибыли вызванные Форрестом детский доктор и хирург. Профессор-педиатр, сновито отдуваясь, прописал мальчику покой, постоянный присмотр и какие-то успокаивающие порошки. Хирургу не понравился вид культи у Агасфера. Он долго щупал ее, корил пациента за неосмотрительность и под конец прописал какую-то мазь.

Последним визитером была монахиня из Католической миссии. Узнав, что в доме католиков нет, она совсем было собралась уходить, однако крупный гонорар за неделю беспокойства сделал ее более веротерпимой.

Глава первая Запах золота (Казань – Омск, 1918 год)

5 августа 1918 года на окраине Казани шел жестокий бой. Мощная артиллерийская канонада перекрывала бесконечный треск винтовочных выстрелов и стоны раненых, брошенных прямо в поле. В самом городе жители попрятались по подвалам и без крайней надобности не выходили на улицу, опасаясь угодить под снаряд или случайно «поймать» пулю. Прислушиваясь к угрожающей оружейной пальбе, горожане гадали: удержат ли красные город или сдадут его восставшим чехам?

У красных был явный перевес в силах, но во многих частях царила анархия. Своеволие революционной поры, когда решение – идти в атаку или нет? – принималось не командиром, а полковым собранием, еще давало о себе знать. «Железный» нарком Троцкий только-только начинал вводить в молодой армии суровую дисциплину, и его тяжелая рука пока не дотянулась до волжских берегов.

Противники красных полков чувствовали себя увереннее: чехам терять было нечего. Совсем недавно небольшой чехословацкий корпус одним ударом захватил почти весь Великий сибирский путь – Транссиб⁴. Внезапный успех окрылил вчерашних военнопленных.

Рядом с чехами наступали добровольческие отряды молодого офицера Каппеля.

Первую мировую войну Владимир Каппель начал как обер-офицер для поручений в штабе армейского корпуса. На должности старшего адъютанта служил в штабах казачьих и кавалерийских дивизий и корпусов. В августе 1916 года был произведен в подполковники и стал помощником начальника оперативного отделения.

На этой должности Каппель и встретил Февральскую революцию. Будучи кадровым офицером и монархистом по убеждениям, он тяжело воспринял эту реальность. Но Каппель руководствовался принципом: армия должна находиться вне политики. И потому он присягнул на верность новой власти – Временному правительству.

В октябре 1917 года Каппель взял отпуск и уехал в Пермь. Уже у себя дома он пережил Октябрьскую революцию, разгон Учредительного собрания, демобилизацию Русской армии, заключение позорного Брестского мира, первые шаги военного коммунизма. Для Каппеля развал страны и начавшаяся смута стали личной трагедией.

В мае 1918 года в Самаре произошло восстание Чехословацкого корпуса. Красный режим там пал, в городе образовалось новое правительство Комуча, которое начало создание собственной армии. Командовать этой армией, а поначалу – небольшим отрядом в три сотни штыков – никто из старших офицеров не рвался. Подполковник Каппель взял эту тяжкую и мало-перспективную ношу на себя.

Первые месяцы боевых действий были успешными. Настолько, что большевистский штаб отдельным приказом назначил за голову Каппеля премию, 50 тысяч рублей. Отряд Каппеля освободил ряд городов и взял Казань. Благодаря военным успехам, отряд численно вырос. В августе 1918 года за победу под Симбирском приказом Комуча № 254 Каппель был произведен в полковники.

---

⁴ Великий сибирский путь (историческое название) – железная дорога через Евразию, соединившая Москву с крупнейшими восточносибирскими и дальневосточными промышленными городами России. Длина магистрали 9288,2 км – это самая длинная железная дорога в мире. Исторически Транссибом является лишь восточная часть магистрали, от Миасса (Южный Урал, Челябинская область) до Владивостока. Её длина – около 7 тыс. км. Именно этот участок был построен с 1891 по 1916 годы. – *Здесь и далее примечания автора.*

У офицеров-добровольцев Каппеля не хватало оружия, обмундирование обветшало, но дисциплина была отменной и дрались они лихо.

* * *

К вечеру 6 августа части красного командующего Вацетиса⁵ покинули Казань. Две тысячи белочехов и добровольцев Белого движения при четырех орудиях стали хозяевами древнего города. Офицеры Каппеля заняли стратегические узлы – телеграф, вокзалы и банк.

В банке полковник приказал осмотреть хранилища – не предполагая, впрочем, обнаружить там ничего ценного. Все понимали: если в банке что-то и было, отряды Вацетиса явно забрали это с собою.

На следующий день Каппель был занят обычными заботами – обследовал захваченные оружейные склады, улаживал очередные конфликты своих добровольцев с чехами. Внезапно перед полковником появился тяжело дышавший, запыхавшийся от быстрого бега вестовой. Каппель глянул на него, и тотчас понял: случилось нечто чрезвычайное.

– Говори, не тяни! – резко бросил он вестовому.

Но тот облизнул сухие губы и, ничего не говоря, выразительно посмотрел на окружение командира. Полковник понял и нетерпеливо махнул стоявшим вокруг него офицерам. Когда те разошлись, вестовой фамильярно прильнул к самому уху командира и стал что-то торопливо шептать.

Пока он говорил, Каппель усиленно тер руками виски, чтобы скрыть от посторонних усиливающееся волнение. Когда вестовой закончил, полковник медленно опустился прямо на землю, обхватил колени руками и шумно выдохнул, пытаясь успокоиться. Новость ошеломила его: в хранилищах казанского банка обнаружено золото павшей Империи.

Как оно сюда попало? В армейских частях ходили слухи, что перевезти петроградское и московское золото из казны империи на Волгу еще до своего отречения распорядился Николай II – на случай прорыва фронта германскими войсками. По другой версии, золотой запас, еще остававшийся в обеих столицах, был перевезен в Казань по приказу красного правительства.

Если это было так, то надо признать: большевики действовали вполне логично. В наследство от старой власти им достался разваленный фронт и разложившаяся армия. Германцы стояли у порога. Переговоры с немцами в любую минуту могли прерваться. Если бы армия кайзера начала масштабное наступление, то, скорее всего, ни Питер, ни Москву удержать бы не удалось.

Однако судьба сыграла с Лениным и Троцким злую шутку: германское наступление так и не началось... И полковник Каппель в августе 1918 года оказался самым могущественным военачальником Белого движения и самым богатым человеком в мире. В его распоряжении оказалось порядка 500 тонн золота, платины и серебра. Это были слитки и полосы драгоценного металла, украшения, церковная утварь. По оценкам экспертов – на сумму в 1 миллиард 300 миллионов золотых рублей.

Но золото нужно было срочно увозить: прибывший на Волгу наркомвоенмор Троцкий быстро восстановил порядок и боевой дух в красных частях – еще вчера усталая и унылая большевистская армия приободрилась с появлением главного идеолога красного террора, приободрилась, остановила чехов и белогвардейцев, а после город за городом стала отвоевывать Поволжье. Красные полки ускоренным маршем, не считаясь с потерями, приближаясь к Казани.

---

⁵ Иоаким Вацетис – латышский, советский военачальник. После Октябрьской революции вместе со своим полком перешел на сторону большевиков. Командарм 2-го ранга. С июля 1918 года – командующий Восточным фронтом, позже главнокомандующий всеми Вооруженными Силами РСФСР.

Пароходы стояли на волжской пристани Казани. На них до Каспия и Ирана было, как говорится, рукой подать. Вот она, граница! Будь умнее... Этим нужно владеть одному...

Но Каппель в те минуты решил задачу просто. Он отдал команду отправить ценности в Самару, под особой охраной. А в Самаре в ту пору собрались уполномоченные всей Россией депутаты разогнанного большевиками Учредительного собрания. Именно этим депутатам монархист-полковник посчитал самым правильным и логичным передать попавшее волею случая в его руки царские сокровища.

Позже, когда под натиском большевиков пришлось отступать из Самары, Каппель контролировал отправку ценностей в Омск: депутаты решили передать золото империи Верховному правителю адмиралу Колчаку.

Получив в свое полное и бесконтрольное подчинение золотой запас, Колчак приступил к вооружению своей новой Сибирской армии. Он не желал оставаться в Омске и строить «самостоятельное» Сибирское государство – он хотел непременно начать поход на Москву и освободить Россию от красного ига.

Омск был назначен столицей Сибири, и в эту столицу потянулись тысячи богатых купцов и промышленников со всей России. Многие привезли сюда свои конторы. За миллионщиками в Омск приехали многочисленные комиссионеры, подрядчики и представители концессий и фирм. Колчак разрешил создавать в городе структуры власти, аналогичные дореволюционным. В результате Военное министерство и Главный штаб адмирала распухли до чудовищных размеров.

В Омске сосредоточилось большое количество военных и мужчин призывного возраста, занятых штабной и гражданской работой. Всем им нужно было жилье. Военные власти разрывались в поисках помещений для штабов, воинских частей и формирующихся соединений, учреждений, для командного состава.

Многие страны мира в сибирской столице были представлены высокими комиссарами, консулами, миссиями, представительствами. На Непроезжей улице обосновалось шведское консульство, а на 2-м Взвозе – датское. Атаманская улица приютила у себя чехов и словаков. На Любинском проспекте расположилась японская военная миссия, штаб которой состоял из 26 офицеров во главе с генералом МUTO. В ноябре 1918 года в Омск прибыл Высокий комиссар Франции Эжен Луи Жорж Реньо. Резиденция Высокого эmissара Великобритании сэра Эллиота находилась на ул. 2-й Взвоз. Американское консульство в Омске требовало предоставить помещения для продолжительного пребывания генерального консула США Джорджа Гарриса. Осчастливила своим присутствием город и китайская военная миссия, прибывшая с генерал-лейтенантом Чжен Син Линем.

Уже через два месяца после прихода к власти Верховный правитель стал расходовать доставшееся ему золото. За восемь месяцев запасы уменьшились более чем на 235 миллионов рублей, что составило 36 процентов доставшейся ему казны империи. Сохранившиеся архивы свидетельствуют о том, что до бегства из Омска Колчак успел отправить во Владивосток и далее семь крупных партий драгоценного металла. Первая отправка произошла в марте 1919 года, когда на восток ушли 1236 ящиков. Следующие отправки датированы 19 и 20 июля, 8 и 26 сентября, 8 и 18 октября 1919 года.

Сам адмирал, безусловно, был честным человеком. Но администратором Верховный правитель России оказался никуда не годным. Колчак-Полярный, прекрасный флотоводец, на суше, увы, оказался полным банкротом. В многочисленных комитетах и отделах его правительства, в разбухших штабах расплодилось неимоверное количество мздоимцев, казнокрадов и откровенных авантюристов. Не упускали своего японские и западные советники, представители и подрядчики отечественных и зарубежных компаний и фирм. На первых колчаковских закупках наживались все, кто только мог.

В Омске, казалось, царил пьянящий запах золота.

И время в сибирской столице словно повернулось вспять. Все было как прежде, до революции. Никаких продовольственных аттестатов, голодных очередей за сырым черным хлебом, никаких пролетарских домкомов, унижительных проверок документов, облав, уличных оскорблений пьяных ремесленников. Богатые витрины многочисленных магазинов, вежливая прислуга, французские хрустящие багеты, настоящий китайский (а не гнусно-морковный!) чай со свежими сливками. Афишные тумбы, пестрящие объявлениями о концертах, спектаклях с участием знакомых громких театральных имен. Вежливые щеголеватые штабные офицеры на улицах, приличная публика на тротуарах... И даже здешняя городская архитектура чем-то напоминала петербургскую.

Набитый до отказа офицерами, чиновниками и иностранцами, белый Омск развлекался как мог. В городе открылись старые и появились новые рестораны, кафешантаны, дома терпимости. Множились бесчисленные кофейни, кабачки и магазинчики. С утра до ночи по всему Омску звучали песни солдат, маршировавших по пыльным немощным улицам. Работали синемаграфы, коммерческий клуб.

Всегда был полон городской театр. По вечерам сюда съезжался дипломатический корпус, высшие чины военной и гражданской власти, омский свет. Властительницей репертуара театра была классика, на сцене шли «Анна Каренина», «Царь Федор Иоаннович», «Дети солнца», «Дни нашей жизни». Театр получил исключительное право на постановку «Идиота». И здесь играл сам Давыдов – известный артист московского театра Ф. А. Корша! Его частым посетителем был сам Верховный правитель Колчак. Чудеса, господа! Чудеса, да и только!

Большую популярность имело в России начала XX цирковое искусство. И Омск в этом плане не являлся исключением. Еще в 1898 году купец Сичкарёв из Екатеринбурга арендовал на десять лет участок земли в центре города, у Любиной рощи в Санниковском переулке. Здесь он построил цирк-театр – круглое деревянное здание с ареной, амфитеатром и галереей. Он назывался очень торжественно: «Цирк Спорт Паллас». Одним из главных номеров в цирке того времени была борьба. Кумиром многих омичей был Иван Яго – легендарный чемпион мира по французской борьбе.

Сибирское филармоническое общество радовало толстосумов прекрасной музыкой. Беженцы из голодной России спешили записаться в «Общество петербуржцев», составленное из аристократических семей северной столицы. Общество устраивало грандиозные балы по петербургскому примеру.

Обыватели уверяли друг друга, что славный адмирал никогда не сдаст Омск красным! Еще бы: в городе множество военных миссий из Европы и даже Америки, европейские полки чехов и словаков...

Впрочем, эти полки очень скоро разочаровали обывателей. Особенно огорчали их пациенты чешского военного госпиталя на Атаманской улице. Европейские солдаты и офицеры вели себя на улицах Омска нагло и разнузданно. Они приставали к молодым женщинам, взяли за правило не расплачиваться за покупки в магазинах. «Европейцы» несколько раз были пойманы на откровенных грабежах торговых складов, но всякий раз выходили сухими из воды. Чешский комендант станции Омск, в чьем распоряжении находился весь подвижной состав дороги, занимался откровенными поборами с русских купцов и промышленников. На улицах Омска часто можно было видеть чешских солдат, щеголявших в шинелях добротного сукна и новеньких сапогах русского пошива. Сытые, откормленные, торчавшие без дела в тылу, чехи вызывали глухое недовольство не только простых людей. Однако в верхних эшелонах власти их чтили как спасителей от «красного ужаса», и не раз чествовали пышно и торжественно.

Месяц шел за месяцем, и настроение в омском обществе постепенно менялось с радужного на тревожно-ожидательное. Красные за линией фронта накапливали силы, и оборона сибирской столицы стала ощутимо проседать и потрескивать. Одна за другой в Омске стали закрываться представительства заграничных компаний, а купцы и промышленники утверждали, что

комендант станции, выпускающий на восток громадное число вагонов с увозимым добром, стал настоящим миллионщиком.

Когда деревья осенью 1919 года засыпали аллеи Любиного сада в Омске толстым слоем багряной листвы, разговоры о том, что город не удержать, стали громкими и повсеместными. Людей пугала инфляция с постоянным ростом цен. Дороговизна в Омске стала ужасающей. За один год цены подскочили до немыслимых размеров. Если в январе 1918 года пуд муки в среднем стоил 2,5 рубля, то в феврале 1919 года мука подскочила в цене от 38 до 45, а в мае дошла до 80 рублей. Стоимость сахара за то же время взметнулась с 27 копеек до 5 рублей за фунт, причем выдавался он по продовольственным карточкам, и около всех магазинов и лавок выстраивались огромные очереди. Совдепия нагрянула, говорили на улицах.

Предусмотрительные люди стали покупать вагоны, нанимали плотников для их утепления и усовершенствования. В вагонах устраивали печки, спальные места и даже клозеты. Запасались дровами. Комиссионеры формировали из десятка-двух таких вагонов состав, арендовали у железной дороги паровозы, и рассчитывали, что как только «припечет», можно будет спокойно и с комфортом уехать от большевиков.

Однако Колчак, опасаясь паники, категорически запретил отправку каких бы то ни было эшелонов с беженцами. И получил в результате ту самую настоящую панику.

Вскоре по всему фронту началось отступление измотанной и обескровленной непрерывными боями белой армии. И 29 октября Совет министров правительства Колчака вынес постановление об эвакуации.

* * *

В конце октября началось. Погрузка ценностей в вагоны совершалась тайно, по ночам: адмиралу в те дни настоятельно советовали передать казну империи иностранным военным, а он категорически не желал этого. Как не желал и ссориться с явно раздосадованными его упорством высокими комиссарами и главами миссий. Эшелоны грузили почти две недели, до 10 ноября. Вечером 12 ноября, всего за сутки до падения города, Омск покинули семь эшелонов, три из которых были «чисто золотыми». На последнем, восьмом поезде, Омск покинул сам адмирал⁶. Поезда были литированные: «А» и «Б» – состав самого Верховного, «В», «С» и «Д» – теплушки с золотом и классные вагоны с охраной. Был и поезд под литером «Е» – грузо-пассажирский, куда спешно засунули остатки казны и офицеров, обеспечивающих безопасность погрузки и отправки первых семи поездов. Замыкал золотой конвой охранный бронепоезд без литеры.

Штаб Верховного правителя и сам адмирал предусмотрели все возможные меры для охраны эшелонов. Однако по мере отдаления золотых эшелонов от Омска с ними стали происходить странные вещи. На рассвете 14 декабря 1920 года на перегоне Омск – Татарское, перед семафором, в хвост одного из золотых поездов врезался эшелон «В». Удар был такой сильный, что девять теплушек с золотом были буквально снесены с рельсов. В поездах вспыхнул пожар, начали взрываться боеприпасы. От этого столкновения пострадало около полутора сотен человек. Золото из поврежденных вагонов было спешно «разбросано» по другим поездам, часто – с непроверенной охраной. Позже выяснилось, что столкновение не было случайным: его организовали некие социалисты.

А странные события продолжались. 20 ноября Верховный правитель России прибыл в Новониколаевск. Прибыл – и задержался в городе на две недели.

---

⁶ Данные приводятся по свидетельствам очевидца событий, генерал-лейтенанта генерального штаба Колчака Д. В. Филатова и публикациям газеты «Новая русская жизнь».

* * *

Эшелоны с золотом и личным конвоем Верховного правителя, в нарушение установленного им графика, могли вырываться из Новониколаевской пробки поодиночке, ловя просветы в нескончаемой череде поездов, на которых спешили на Дальний Восток чешские legionеры. Поезда то и дело останавливались: партизаны, выполнявшие приказ Иркутского военно-революционного совета, то и дело разбирали рельсы, взрывали мосты и устраивали на колее завалы. Пока солдаты разбирали препятствия и чинили колею, поезда подвергались атакам конных и пеших партизан. Длинные пулеметные очереди с крыш вагонов не давали им приближаться к колее. Если нападавших было много, чехи отбивались от противника с помощью легкой артиллерии, установленной на открытых платформах.

Ремонт путей шел медленно. Руки солдат почернели от постоянных обморожений и накаленного холодом металла рельсов. Закрутив непослушными пальцами последнюю гайку, солдаты спешили в теплую вонь теплушек. Товарищи освобождали для промерзших ремонтников местечки поближе к раскаленным печкам-буржуйкам. Тут можно было стянуть задубевшие сапоги, размотать портянки и блаженно шевелить пальцами ног, греясь горячим жидким чаем – до следующего нападения партизан.

Впрочем, завалы на железнодорожных путях были не только рукотворными. Сама природа, казалось, противилась людскому движению на восток. Частые метели засыпали Транссиб иной раз почти на сажень. Тогда машинисты сначала пытались пробиться сквозь снежную преграду своим ходом. Состав разогнался и врезался в сугроб наспех приваренными к паровозу под углом стальными листами. Упершись в непреодолимую преграду, машинисты подавали состав назад, снова разгонялись и давили на снежную массу. Если пробиться своим ходом не получалось, на борьбу со снегом выгоняли тех же солдат.

Частые остановки поездов и длительные вынужденные стоянки всю использовались теми, кто был призван охранять золотой запас империи. Его растаскивали десятками ящиков. В «экспроприации» деятельно участвовали не только офицеры личного конвоя Колчака, но и оказавшиеся не менее вороватыми чехи и словаки из приданного литерным эшелонам адмирала военного контингента Антанты.

* * *

Адьютант Верховного правителя трижды за последний час заглядывал из приемной в личную половину салон-вагона Колчака: пора было подавать адмиралу обед. И каждый раз аккуратно, стараясь не брякнуть замком, плотно притягивал дверь. Верховный последние недели почти постоянно пребывал в дурном расположении, и тому, кто отвлекал его от работы или прерывал отдых без серьезной причины, могло нагореть по первое число.

– Неужто его высокопревосходительство все еще спит?

В ответ на вопросительные взгляды офицеров в приемной адъютант лишь беззвучно пошевелил губами и развел руками:

– У окна стоят-с. Думают, полагаю...

– Может, он просто так смотрит, Кондратьев? Обед же стынет! Кашляни, что ли...

– Ага, «кашляни»! Потом до самого Владивостока харкать в солдатской теплушке?

Адмирал действительно напряженно размышлял вот уже второй час. За зеркальным стеклом его салон-вагона, по второй колее, непрерывно двигалась лента поездов чехословацких legionеров. Не то чтобы очень быстро – но двигалась с небольшими интервалами. Они двигались – а он, Верховный правитель России, вынужденно простаивал!

Уперев в холодное стекло свой внушительный нос, Колчак мрачно и неторопливо прокручивал в памяти всю эпопею с затянувшимся пребыванием в России этих легионеров из Центральной Европы.

Еще в день официального объявления войны с Германией Чешский национальный комитет, объединявший чехов-колонистов в Российской империи, обратился к императору Николаю II. Русские чехи заявили о готовности отдать все силы на освобождение своей родины, быть соратниками русских братьев. Это желание было высочайше одобрено – с одной маленькой оговоркой. Воевать чехословацким национальным формированиям позволялось только под командованием русских офицеров. Позже Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич разрешил принимать в дружины пленных и перебежчиков – бывших военнослужащих австрийской армии.

Грянула революция, а добровольцы продолжали успешно воевать. Это вдохновило политических деятелей Чехии, и они добились у Временного правительства разрешения на формирование более крупных национальных формирований. Новый Верховный главнокомандующий, генерал Корнилов, дал добро на создание чешской дивизии. Чуть позже генерал Духонин подписал приказ о формировании отдельного Чехословацкого корпуса.

Чехи и словаки ввели у себя французский военный дисциплинарный устав и сохранили русский командный язык. После победного вооруженного восстания большевиков в Петрограде руководство Чехословацкого национального совета заявило о безоговорочной поддержке Временного правительства и невмешательстве в вооруженную борьбу внутри России. В заявлении подчеркивалось и стремление «содействовать всему, что способствует продолжению ведения войны против австро-германцев».

Колчак криво улыбнулся: далее последовал низкий поклон перед французским правительством и президентом Пуанкаре. Чехи просили признать их частью французской армии. Францию не пришлось просить дважды: чехословацкий корпус в России был переподчинен французскому командованию и получил указание о необходимости отправки во Францию.

Попасть туда чехи и словаки могли лишь через территорию России, где уже была установлена советская власть. Правительство Советской России не имело возражений против отъезда корпуса во Францию и предложило иностранцам короткий маршрут через Архангельск и Мурманск. Однако осмотрительные европейцы отказались: Балтика кишела немецкими подводными лодками. И легионеров было решено направить во Францию круглым путем – по Транссибу до Владивостока, а там через Тихий и Индийский океаны в Европу.

Большевики гарантировали беспрепятственную отправку чешских подразделений от Пензы к Владивостоку – в качестве группы свободных граждан с ограниченным количеством оружия для самозащиты со стороны контрреволюционеров... Чехам идея разоружения, разумеется, не понравилась. Они постановили оружия не сдавать.

В мае в Мариинске произошло первое вооруженное столкновение легионеров с красноармейцами, и Троцкий отдал приказ о немедленном разоружении и расстреле тех, которые с оружием в руках окажут сопротивление советской власти. Эта телеграмма была перехвачена чешским командованием. Отразив первые нападения на свои эшелоны и перейдя в наступление, корпус овладел всей Сибирской дорогой...

Колчак всмотрелся в остановившийся напротив его вагона очередной чешский эшелон. В теплушках были распахнуты все окна и люки, из труб поднимался веселый дымок. В вагоне напротив дверь откатилась, и наружу высунулись веселые лица легионеров. Чехи заиграли на аккордеоне и скрипке. Двойные толстые стекла салон-вагона напрочь гасили все звуки, и адмирал только мог догадываться, что музыка была плясовой. Словно подтверждая его догадку, откуда-то из глубины вагона выскочили три молодые бабенки. Задорно притопывая, они исполнили несколько па кадрили, потом с хохотом повисли на шеях своих кавалеров.

Верховный правитель прищурил глаза и без труда рассмотрел в полутьме теплушки штабеля ящиков и груды тюков мануфактуры, на которых красовались громкие имена русских фабрикантов. Вагон был загружен всем этим добром более чем наполовину. И сколько же таких вагонов катится сейчас в сторону Владивостока? Колчак покачал головой: знающие люди докладывали ему, что 50-тысячный корпус легионеров захватил для своей эвакуации из России более 20 тысяч вагонов. Выходит, по два-три чеха в каждом вагоне, набитом отнюдь не военными «трофеями». Адмирал скрипнул зубами: а его армия, армия Верховного правителя России, вынуждена пробиваться вслед за ним не по железной дороге, а вдоль нее! Она тонет в снегах, а эти сытые свиньи играют на гармошках и тискают баб! А русские беженцы спасаются от большевистского засилья по 40–50 человек на теплушку. С узелком или небольшим баулом – бросив все нажитое.

Колчак поморщился, припомнив, что именно он отдал иностранным легионерам на откуп Транссиб. Да-да, именно после его прихода к власти чехи выхлопотали для себя весьма выгодные условия, и, по сути, стали хозяевами Транссиба, заняв полностью одну колею на восток, причем полоса в одну версту по обе стороны железной дороги объявлялась их территорией.

...Эшелоны легионеров продвигались к Владивостоку медленно, несмотря на ясно выраженное распоряжение Ленина: чехи должны как можно скорее покинуть территорию России. Верховному правителю были хорошо известны причины этих задержек. Изначально они диктовались разрухой на транспорте и бестолковостью большевистских начальников. Нераспорядительность местных властей порой лихо компенсировалась вымогаемыми взятками в виде дефицитных продуктов.

Весной нынешнего года Колчаку докладывали: Совнарком разрешил пропускать во Владивосток два чехословацких эшелона в сутки. Позже, сообразив, что такая «эвакуация» растянется на долгие месяцы, Совнарком потребовал увеличить интенсивность пропуска чешских эшелонов вдвое. Но на местах дело обстояло плохо, этот график постоянно срывался.

А потом препятствовать продвижению чехословацкой орды на восток начали и центральные советские власти. Напуганные высадкой японского десанта в Приморье и наступлением атамана Семенова на Читу, московские лидеры отдали распоряжение об остановке движения эшелонов Чехословацкого корпуса. И нарком иностранных дел Чичерин направил телеграмму Красноярскому совету о приостановлении дальнейшего передвижения чехословацких эшелонов на восток.

Разумеется, это вызвало у легионеров взрыв антисоветских настроений. Любая провокация, любое недоразумение могло привести к взрыву. Это и произошло в Челябинске, когда железка, брошенная из вагона, ранила красноармейца. Большевистские власти вызвали на допрос и арестовали чешских караульных. Легионеры в ответ потребовали немедленно освободить товарищей.

И понеслось: легионеры заняли вокзал, арестовали коменданта, захватили оружие, оцепили центр города, разоружили красноармейцев... Честолюбие Троцкого в мгновение ока превратило дружелюбных к большевикам чехов в «контрреволюционную» армию, представлявшую для советской власти военную угрозу. Первые же столкновения показали полное военное превосходство легионеров над красноармейцами. Чехи и словаки со считанными винтовками легко разоружали красногвардейские части – но при этом целью легионеров являлось не свержение советской власти, а лишь стремление попасть во Владивосток.

И Самару чехи совершенно неожиданно для большевиков взяли, припомнил адмирал. И Уфу – причем без боя – заняли. Во второй раз был взят Челябинск. Захватив большое количество пулеметов и артиллерии, они двинулись на Омск. Ну и так далее...

Верховный правитель считал всех новоиспеченных чешских генералов поручиками – каковыми они и были в регулярной армии до революции. Взять того же генерала Гайду – Верховный испытал немалое потрясение, узнав, что вчерашний полковой лекарь не имеет не то

что высшего военного, но и полного гражданского образования. Его и лекарем-то, собственно говоря, считать нельзя было. Самозванный медик во время призыва отрекомендовался доктором, имея за душой всего лишь два года обучения искусству парфюмера в Богемском университете.

Претило адмиралу и то, что legionеры корпуса в большинстве своем были из военнопленных – из людей, нарушивших присягу. Адмирал не доверял предателям.

Тем не менее legionеры стали хранителями увозимого Колчаком золота. Воевать им уже не хотелось, и они спешили урвать свою долю из казны империи...

Адмирал отошел от окна, вытер платком похолодевший от стекла лоб. Краем глаза Колчак заметил возникшую в двери вертикальную щель и силуэт замершего за ней адъютанта. Адмирал хмыкнул: ну конечно, время обеда! Сделав вид, что не замечает щели, он легонько шлепнул ладонью по полусфере настольного серебряного звонка. Повернулся к немедленно возникшему в двери адъютанту:

– Господин капитан, вы намерены уморить своего адмирала голодом?

– Никак нет, ваше высокопревосходительство, – гаркнул тот, принимая тон начальника.

– Тогда подавайте, черт вас возьми! Только прежде подготовьте депешу на имя генерала Жанена. Записывайте, капитан: имея самые верные сведения о поборах и грабежах, устраиваемых чехословацкими legionерами на российской земле, считаю необходимым при погрузке их на корабли во Владивостоке масштабно проверить увозимое legionерами в Европу имущество. Эти поборы беспрецедентны и никоим образом не согласуются с задачами воинских формирований. Из перехваченной нашей разведкой депеши Московского совета народных комиссаров в адрес генерала Сыровы следует, что большевики фактически санкционировали массовое ограбление русских национальных богатств. Они разрешили чехам и словакам по прибытии в Приморье беспрепятственно грузить на пароходы все привезенное по железнодорожной колее имущество. Честь русского офицера и полномочия принятого мной на себя долга Верховного правителя России не позволяет мне оставаться равнодушным к чинимым legionерам бесчинствам... Записали, капитан? Передайте дежурному шифровальщику и телеграфисту для немедленной отправки.

Глава вторая

Золото на горизонте

(Шанхай, 1920 год)

Каждый день, спускаясь в свою контору, Агасфер брал со столика возле лестницы небольшой квадратный поднос, на который секретарь с вечера клал визитные карточки жаждущих специальных услуг посетителей и записки с номерами телефонов клиентов, которые хотели решить свой вопрос «дистанционно».

Если поднос был пуст, Агасфер, сохраняя невозмутимое выражение лица, усаживался на обширный письменный стол в своем кабинете, придвигал поближе кипу приготовленных секретарем свежих газет и делал вид, что внимательно изучает мировые новости. На самом деле, мысли Берга были, как правило, далеки от событий в мире.

На дворе стоял 1920 год. Самому Михаилу Бергу, некогда выбравшему псевдоним Агасфер, пару месяцев назад исполнилось 64 года. Возраст частенько давал себя знать болями в пояснице, ломотой в суставах. Все чаще Агасфер просыпался по ночам от боли в руке, потерянной более сорока лет назад. Но горше всего было ощущение нынешней ненужности и понимания того, что большая часть жизни уже прожита.

Легко стукнув в дверь, в его кабинет проник секретарь, принесший шефу первую утреннюю чашку кофе.

– Здравствуйте, мистер Берг. Ваша почта, сэр... И депеша из Японии, от вашего друга. Прикажете приготовить для него комнату, сэр?

– Господин Осама обычно предпочитает останавливаться в отелях, – пожал плечами Берг. – Но люди стареют, и вместе со старостью к ним приходят порой новые привычки. Так что распорядитесь на всякий случай приготовить Южную спальню, Роберт...

– Но в депеше говорится о двух визитерах, сэр...

Агасфер хмыкнул: наверняка генерал везет с собой своего «заменщика». Он никогда не спрашивал Осаму о его возрасте, но предполагал, что тот на пару-тройку лет старше его самого. Значит, и Осаме намекнули на то, что он «засиделся» в разведке Главного императорского штаба.

По имевшимся у него сведениям и недоговоркам Осамы, система разведки Японии за послевоенный период претерпела некоторые изменения. Все добытые шпионами материалы концентрировались нынче в общем отделе Главного штаба Японии. Им руководил генерал-майор Ока. Офицеры этого отдела в основном анализировали полученную информацию. Непосредственно разведкой в России ведали Третье и Пятое отделения Главного штаба, их возглавляли генералы Озава и Мацукава. В этих подразделениях несли службу 37 офицеров. Одним из отделов Третьего отделения и руководил его старый знакомый.

Впрочем, аналитические и разведывательные отделения Главного штаба представляли собой лишь верхушку гигантского айсберга разведки Страны восходящего солнца. Японские штабы вели разведку, используя сеть национальных общественных организаций, религиозных обществ и т. п. Японское правительство искусственно создавало и поддерживало систему замкнутых обществ-корпораций, объединявшую всех подданных Японии в Китае, Корее и России. Во главе обществ, как правило, стояли офицеры или государственные чиновники с широчайшими полномочиями. Они несли ответственность перед правительством за лояльность членов общества.

Для Агасфера не было секретом, что Осаме не слишком нравилась эта система, которая, по сути дела, отодвигала профессиональных разведчиков от работы с источниками информации. Может, это и послужило причиной его отставки?

Заперев дверь на ключ, Агасфер пересел в кресло у камина и закурил тонкую манильскую сигару, стараясь пускать дым в жерло очага. Личный доктор Агасфера наверняка потребовал от Роберта следить за тем, чтобы его шеф поменьше курил. Вот парнишка и старается, принимается, и, как подозревал Агасфер, порой даже прячет от него коробки с сигарами.

Агасфер докурил сигару, тщательно упрятал окурки в кучке приготовленных к растопке дров в жерле камина, отпер дверь и вернулся за рабочий стол. Бросил в рот мятную лепешку из бонбоньерки и перелистал ежедневник. Сегодняшний лист был девственно чист – как и вчерашний.

Стукнув в дверь, секретарь доложил:

– К вам генерал Осама, сэр...

– Да-да, разумеется, – Агасфер поднялся из кресла. – Просите, Роберт...

Отодвинувшись в сторону, секретарь пропустил в кабинет двух японцев. Осама был в штатском щегольском костюме из бежевого шелка. Шагнувший за ним японец лет тридцати был в мундире пехотного капитана.

– Господин Берг, – Осама с достоинством поклонился.

– Осама-сан! – поклонился в свою очередь Агасфер, широким жестом указывая на кресла: – Прошу вас!

Молодой офицер кланяться не стал, лишь небрежно кинул правую ладонь к козырьку фуражки.

Исполнив ритуал приветствия, генерал крепко потрянул руку Агасфера, улыбнулся углами рта:

– Надеюсь, в этом доме чтут традиции, барон? – Он развалился в кресле. – Я умираю от жажды!

Чуть усмехнувшись, Агасфер достал из шкафа бутылку выдержанного бренди, три стакана, лед из холодильного отделения и бутылку содовой.

– Мне только содовой! – остановил его офицер, присевший на край второго кресла.

– Как вам будет угодно, капитан, – Агасфер отметил про себя, что спутник генерала Осамы не представился.

– А мне чистого, Берг. С парой кубиков льда, не больше... Благодарю. Ваше здоровье, барон!

Опрокинув треть стакана чистого бренди, Осама совсем по-русски крикнул и вопросительно поглядел на бутылку. Изучивший его привычки Агасфер снова наполнил стакан, и только после этого пригубил свой.

– Ну, как ваши дела, барон? Как детективный бизнес?

– Особо хвалиться нечем, – пожал плечами тот. – Отказавшись от слежки за неверными женами, я потерял примерно треть своих клиентов.

– Как ваш сын? Андрей?

– Осваивается в Шанхае. Проявляет интерес к древней китайской культуре.

– Он успел получить в Европе степень бакалавра?

– Досрочно, Осама-сан. Я попросил его не задерживаться в Европе: там стало слишком беспокойно.

– А где сейчас спокойно, барон? – вздохнул Осама. – Ладно, не будем терять времени. Со светской частью беседы покончено – не пройти ли нам в ваш садик, барон?

– Как вам будет угодно, Осама-сан, – чуть усмехнулся Агасфер. – Но имейте в виду, никаких «подслушек» в моем кабинете нет, даю слово.

Осама развел руками, словно говоря: верю, но порядок есть порядок. Капитан же откровенно недоверчиво скривился.

В огороженном высоким каменным забором саду, у декоративного пруда с журчащим фонтаном, Агасфер предложил гостям кресла-качалки, а сам присел на огромный валун.

– Хороший сад, – отметил Осама. – Почти как настоящий японский. Вы не теряете с возрастом вкуса, господин Берг! И ваши аналитические записки по-прежнему безупречны. Можно подумать, что в штате вашего детективного бюро работает настоящий оракул: почти все выводы, следующие из ваших выкладок, на проверку оказываются верными.

– Благодарю, – слегка поклонился Агасфер.

– Кстати, об оракулах: этот безухий разбойник по-прежнему живет под вашим кровом? – проявив знание обстановки в доме агента, Осама кивнул на едва видимый за зеленью флигель.

– А вы что-то имеете против, Осама-сан? – безмятежно улыбнулся Агасфер. – Он помогает мне в работе.

– Помогает? Я слышал, что ваш сын привез из Европы какого-то субъекта, который тоже поселился в вашем доме, Берг. Тоже помощник?

– Прежде всего, старый друг. А ими не разбрасываются, господин генерал!

– Да мне, в общем-то, все равно, – махнул рукой гость. – Однако в нашем деле существуют определенные правила, Берг. Как ваш куратор, я должен знать о вашем окружении. В том числе и о друзьях молодости, которые неожиданно появляются в вашем доме.

– Я не забыл об этом, Осама-сан, – слегка поклонился Берг и положил на колени гостя тонкую папку, предусмотрительно захваченную из дома. – Здесь все данные о господине Медникове – впрочем, он прибыл в Шанхай под другим именем.

– Эжен Мадри. Французский подданный, который и двух слов на французском связать не может, – проявил осведомленность Осама и тут же поинтересовался. – Надеюсь, вы следите за ситуацией в России, Берг?

– Насколько это возможно, не выезжая из Шанхая, – усмехнулся Агасфер. – Нынче, кстати, на отсутствие новостей из России жаловаться грех: город переполнен русскими беженцами!

– А вас самого не тянет в Россию? – неожиданно подал голос пехотный капитан. – Вы ведь русский, не так ли?

– Вы похвалили мой сад, Осама-сан? – не поворачиваясь к офицеру, поинтересовался Агасфер. – Кажется, вы сказали, что он почти что японский? К сожалению, этого нельзя сказать про вашего спутника, генерал! Он похож на японца чисто внешне: не поздоровался, не представился, входя в незнакомый дом...

Капитан, побледнев от злости, вскочил с кресла. Однако Осама повелительно поднял руку, и капитан, все еще недружелюбно поглядывая на Агасфера, опустился на место.

– Вы правы, барон, – сокрушенно покачал головой Осама. – Нынешняя молодежь совершенно не чтит вековые японские традиции. Позвольте мне исправить его оплошность: это капитан Осама. Осама Масао, мой сын и сотрудник Третьего отдела нашей «конторы»!

– Ваш сын? Вы никогда не упоминали, что у вас есть сын, Осама-сан, – изумился хозяин дома.

– Но ведь вы и не спрашивали, барон. Кроме того, мне хотелось сделать вам сюрприз. Пожалуй, получилось, а? – рассмеялся генерал. – Осама Тадао постарел, однако сумел вырастить замену. Впрочем, не будем отвлекаться, Берг! На чем мы остановились?

– На том, тянет ли меня в Россию, – мрачно напомнил Агасфер, поворачиваясь к Осаме-младшему. – Я прошу прощения, господин капитан, если обидел вас. Однако замечу, что и вы явились сюда с некоторым предубеждением. Неужели пример вашего отца, господин капитан, не является для вас ориентиром того, как надо строить отношения с людьми?

– Я считаю, что со своими агентами надо держать определенную дистанцию, – безапелляционно заявил Осама Масао.

– Прекрати, Масао! – начал злиться Осама-старший. – Я познакомился с господином Бергом, когда ты еще соску сосал! Это вполне достаточный срок для того, чтобы научиться разбираться в людях и ценить их преданность и лояльность.

Молча наклонив голову, капитан замер в своем кресле – однако, судя по выражению лица, своего мнения не изменил. Осама-старший повернулся к Агасферу:

– Между тем, несмотря на некоторую бестактность тона, вопрос Масао имеет самое прямое отношение к вашему новому поручению, Берг. Что вы знаете о золотом запасе Российской империи, к примеру?

– Весьма актуальная нынче тема, – усмехнулся Агасфер. – В начале Первой мировой войны золотой запас России был самым крупным в мире и составлял 1 миллиард 695 миллионов золотых рублей. В течение начавшейся войны значительные суммы золотом были отправлены в Англию – в качестве гарантии взятых военных кредитов. В 1914 году через Архангельск в Лондон было отправлено 75 миллионов золотых рублей – это, если не ошибаюсь, около 8 миллионов фунтов⁷. В пути корабли конвоя крейсер «Drake» и транспорт «Mantois» наскочили на немецкие мины и заставили изрядно поволноваться лордов Адмиралтейства. Они немедленно признали этот путь опасным, и потребовали от России поиска более безопасного альтернативного маршрута переправки золота... Вы что-то хотели сказать, господин капитан?

Осама-старший покосился на полуоткрытый рот сына и рассмеялся:

– Масао, у господина Берга феноменальная память. Погоди, он еще заставит тебя не раз удивиться! Но продолжайте, господин барон, прошу вас!

– В русском правительстве почесали затылки, и уже в течение следующих двух лет 375 миллионов рублей золотом – а это 40 миллионов фунтов⁸, господа! – было отправлено по железной дороге во Владивосток, а затем на японских военных кораблях перевезено в Канаду и помещено в хранилища Банка Англии в Оттаве⁹. В феврале 1917 года тем же путем было отправлено еще 187 миллионов рублей золотом. Эти суммы стали гарантией английских кредитов для закупки Россией военного снаряжения на сумму соответственно 300 и 150 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом, к моменту захвата власти большевиками золотой запас России составлял 1101 миллионов рублей – с учетом золота, добытого на приисках во время войны.

– Поразительно, – прошептал Масао, недоверчиво глядя на хозяина дома. – Можно подумать, что вы готовились к предстоящему разговору, господин Берг.

Тот пренебрежительно махнул рукой и продолжил:

– В начале 1915 года русское правительство, обеспокоенное приближением немецкого фронта к границам империи, начало эвакуацию золотого запаса из Петербурга в Казань и Нижний Новгород. А после Февральского переворота туда же перебросили золото из Воронежа, Тамбова, Курска, Могилева и, кажется, Пензы. В конечном итоге в Казани к моменту захвата власти большевиками было сосредоточено более половины всего золотого запаса империи. Представляете, господа, состояние генерального штаба подполковника Каппеля, когда он, выбив из Казани большевиков, обнаружил в банковских хранилищах невообразимое для воображения количество «презренного» металла? А плюс к этому – более 100 миллионов ассигнациями и слитками золота? Большевики перед бегством из города успели захватить с собой всего около 100 ящиков золота... На этом, господа, мои «академические» знания предмета дают сбой: что и куда было растащено далее – можно только предполагать. Или хорошенько потрясти господ из «местечковых» правительств, которые спешно принялись рвать золотого тельца на части.

– Вы не совсем справедливы, Берг! – пошевелился в своем кресле Осама-старший. – Точную арифметику доставшегося Каппелю золота можно отследить до его передачи адмиралу Колчаку.

---

⁷ Примерно 32 тонны.

⁸ Около 160 тонн.

⁹ В то время Канада была частью Британской империи.

– Да, пожалуй, – задумчиво кивнул Агасфер. – Адмирал, как и Каппель, был истинным русским патриотом и просто честным человеком. Но ему надо было делать армейские закупки для Белого движения. Кроме того, «единомышленники» буквально брали адмирала за горло и требовали плату за вагоны, паровозы, продукты, даже за дрова для паровозов, черт побери!

Покосившись на японцев, Агасфер помолчал, несколько раз пыхнул сигарой и с некоторой долей иронии закончил:

– Да и иностранные союзники тоже не спускали глаз с русского золота... Но к чему вы подводите нашу беседу, Осама-сан? Золото, которое не успели украсть по дороге, еще в прошлом году попало к иркутским большевикам. Уж не хотите ли вы отправить меня в Сибирь, на поиски украденного?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Осама-старший. – Мне кажется, с вашими способностями найти пропавшее золото не составит большого труда. Вопрос в другом: не посчитаете ли вы аморальным «таскать каштаны» из огня для великой Японии? Ведь что там ни говори, а золото-то русское!

– Ну, что ж, – вздохнул Агасфер. – Давайте поговорим об этом. Вы должны помнить, Осама-сан, что на протяжении двадцати лет сотрудничества тема «конфликта национальных интересов» у нас с вами возникает не впервые. И до сей поры вы старались не поручать мне дел, связанных с нанесением прямого ущерба России и русским.

– Вы правы, Берг: я всегда исходил из интересов дела. Вряд ли порученные вам дела были бы выполнены столь блестяще, если бы вашими противниками были бы хоть и бывшие, но соотечественники...

– Но нынче вы переступили за некую грань, Осама-сан, и сами чувствуете это...

Осама молча кивнул.

– Когда-то у меня была родина, господин генерал, – продолжил Агасфер. – И присяга, которую я давал царю и отечеству, для меня не простое сотрясение воздуха. Но родины больше нет – есть некая территория, населенная людьми, чуждыми мне по убеждениям и духу. Последний русский император счел для себя приемлемым отречься от престола династии Романовых. Верю ли я, что мое отечество когда-нибудь возродится? На сей счет у меня есть большие сомнения: к сожалению, в России все зашло слишком далеко. Удержат ли власть большевики, мнящие себя великими патриотами, но не стесняющиеся брать для достижения сомнительных целей деньги и оружие у своих вчерашних врагов? Не знаю...

Чуть повернув голову, Агасфер тихо свистнул особым образом, и через несколько минут возле пруда материализовался юноша-китаец в холщевых штанах и просторной национальной рубашке.

– Принеси нам бренди из кабинета, Линь, – попросил Агасфер.

Поклонившись, юноша исчез.

– Господи, а это еще кто? – хмуро поинтересовался Осама.

– Это не в пользу ваших соглядатаев, генерал. Мальчишка прибился ко мне пятнадцать лет назад. В тот день, когда Настя... Когда я потерял жену, – пожал плечами Агасфер. – Сначала я думал, что это какая-то родня Безухого Ху. Потом выяснилось, что это не так. Когда-то он помог вывести из шокового состояния Андрея, мать которого погибла у нас на глазах... Наверное, сам Бог послал мне его в те страшные дни... Несколько лет я звал его просто Китайчонком – потому что он ни слова не говорил по-английски. Кстати говоря, парнишка проявляет недюжинные сыщицкие способности, Осама-сан. И когда мне нужны новости из Старого города¹⁰, ему просто цены нет!

---

¹⁰ Старый город – наиболее древняя часть [Шанхая](#). Именно эта территория округлой формы и представляла собой город Шанхай, обнесенный крепостной стеной. Китайцам было разрешено проживать только на территории Старого города. Это гетто просуществовало вплоть до 1854 года.

«Бесценный юноша» бесшумно появился из кустов с подносом в руках. Передав его Агасферу, он коротко поклонился и снова исчез.

– Так вот, – Агасфер плеснул в два стакана бренди, бутылку с содовой молча вручил Осама младшему. – Так вот, господа: если вас интересует моральная сторона дела, то с этим все в порядке. Империи больше нет! И по мне – пусть лучше русское золото попадет в банковские подвалы государства, с которого можно будет когда-нибудь в будущем и спросить за судьбу запаса империи, нежели этот запас растащат мелкие хищники. Или если золото, к живейшему интересу авантюристов всех сортов и мастей, останется в виде спрятанных черт-те где кладов. Ваше здоровье, господа!

Кивнув с самым серьезным выражением лица, генерал Осама опрокинул свой стакан. Осама-младший рассматривал содовую с явным отвращением и, судя по всему, жалел о своем высокомерном отказе. Агасфер хмыкнул:

– Вот только объясните мне, Осама-сан: как я смогу отсюда, из Шанхая, разыскать для Японии это золото?

– Я рад вашему принципиальному согласию, барон, – улыбнулся Осама-старший. Он протянул руку, и Масао вложил в нее объемистую папку. – Вы правы в том, Берг, что мы больше года присматривали за золотыми эшелонами и тем, что от них нынче осталось. Десятки наших агентов собирают по крупицам все, что имеет отношение к русскому золоту – включая сплетни и досужие вымыслы. Вашей задачей будет для начала выявить в этой «навозной куче» зерна истины. Кроме того, сам Шанхай: при желании здесь можно найти бежавших из России людей, которые если и не имеют прямого отношения к украденному либо похищенному золоту, то знают о тех, кто имеет такое отношение. Мы поможем вам разыскать этих людей, Берг! Да и ваше Бюро детективных и специальных услуг – превосходный инструмент для таких поисков.

Наблюдая за тем, как Агасфер начал листать бумаги в папке, Осама-старший счел нужным добавить:

– От имени правительства Японии я уполномочен предложить вам вознаграждение за реальные результаты в поисках золота, Берг. Скажем, два процента... Или три?

– Не два и не три, Осама-сан. Я достаточно обеспеченный человек, чтобы торговаться за проценты в таком необычном деле. Давайте договоримся, генерал: мое Бюро принимает ваше поручение по розыску неких ценностей. А клиент, то бишь вы, компенсируете расходы Бюро, если сведения о золоте придется покупать. Ваше поручение я буду выполнять, так сказать, дистанционно. Изучу все имеющиеся материалы и предоставлю вам аналитическую записку с точным географическим указанием наиболее перспективных мест, где можно обнаружить утерянные ценности. Решение о командировании в эти места людей для изъятия ценностей, равно как и выбор способов этого изъятия выбирает уже сам клиент. То есть вы, Осама-сан. Тему итогового вознаграждения пока оставим за скобками – к тому же, скорее всего, я назначу для себя отнюдь не финансовое вознаграждение...

– Это не совсем то, что я хотел от вас услышать, Агасфер, – кисло улыбнулся генерал. – Но для начала сойдет и такая договоренность. Теперь вот еще что: я пришел к вам со своим сыном не случайно. Меня переводят на... Скажем, на другой участок работы, а скоро, вероятно, и вовсе сделают ценный подарок по случаю ухода в отставку. С вами вплотную будет работать Масао. Ну, а я – по крайней мере, первое время – буду курировать и координировать его работу. Итак, я оставляю вам эту папку, а завтра жду вас у себя в отеле с соображениями по существу поставленной проблемы.

С тоской бросив взгляд на остатки бренди, генерал выбрался из кресла и направился по дорожке, сопровождаемый сыном.

Проводив гостей, Агасфер вернулся в сад, уселся на кресло-качалку со стаканом бренди. Новое задание японских спецслужб было для него, что называется, из ряда вон. А самое главное – оно напомнило Агасферу о его одиночестве. Не с кем было посоветоваться, не с кем

согласовать будущую работу. Не с кем подумать над тем, как сделать эту работу полезной для России. Андрей слишком молод. Безухий Ху далек от русских дел. Медников? Он потерялся из виду много лет назад, и Берг пока не был уверен, что другу юности можно доверять столь деликатную тему.

Вздыхнув, Берг снова свистнул, дождался появления Линя и распорядился приготовить автомобиль. У него остался один-единственный советник, к которому Берг обращался в трудные минуты.

* * *

Могила Насти была расположена в самом конце невеликого православного погоста. Но ее было видно издалека – черный мраморный крест и две уже достаточно подросшие березки по обе стороны, словно часовые.

– Ну, здравствуй, Настенька моя...

Нигде и никогда Агасфер столь остро не чувствовал своего одиночества, как здесь – ни в добровольном «заключении» за высокими монастырскими стенами монастыря в далекой Польше, ни в иркутской «эмиграции», ни на острове-каторге Сахалине, где он ожидал предсказанной петербургским начальством войны с Японией. Даже в настоящей японской секретной тюрьме, где он просидел почти месяц, ежедневно ожидая визита палача... Но думалось Бергу под березками всегда хорошо.

Поправив цветы и прикрыв глаза, он стал припоминать первые дни и недели общения с Безухим Ху и китайчонком Линем.

* * *

На закате дня смерти Насти Агасферу стало особенно тоскливо. И поврежденная в «битве» с бочками культяшка нестерпимо саднила. Слоняясь по тихому дому, Берг вдруг вспомнил о китайчонке, продолжающем нести молчаливое дежурство у дома напротив. Он выбрался на улицу, сел на крыльцо и поманил мальчишку.

– Чего тебе надо? Чего ты второй день тут околачиваешься? Есть хочешь? Денег надо?

Китайчонок в ответ разразился пулеметной очередью фраз на родном диалекте: по-английски он, видимо, совсем не говорил. Видя, что белый мужчина его не понимает, китайчонок прибег к международному языку мимики и жестов. Несколько раз произнес слово «Ху», он сделал пальцами жест, отсекающий уши и показал грязную ладошку, на которой химическим карандашом вкривь и вкось было кем-то написано одно слово: «help»¹¹.

Агасфер нахмурился: о помощи явно просил Безухий Ху¹². Вот уж удивительно, подумал Агасфер. И не ко времени: только сейчас ему и дел, что помогать местным бандитам.

– А где он сейчас? – машинально спросил он по-английски, по-немецки и на всякий случай по-итальянски, досадуя на то, что китайчонок вряд ли поймет вопрос. А если и поймет, то не сможет внятно объяснить. Однако ответ был понятен: китайчонок быстро скрестил перед своей неумытой рожицей указательные и средние пальцы обеих рук. Решетка. Понятное дело: тюрьма.

– Ну, а я-то что могу поделывать, малец? – вздохнул Агасфер.

Потрепав мальчонку по вихрам, он направился было в дом. Однако на сей раз китайчонок проявил упорство. Он ухватил Агасфера за брючину и опять затарахтел что-то по-китай-

---

¹¹ Помоги, помощь (англ.).

¹² Безухий Ху – главарь одной из китайских триад в Шанхае (см. роман «В полном отрыве»).

ски, одновременно отчаянно жестикулируя и даже пытаясь что-то изобразить послуненным пальцем на каменной мостовой.

Из всего этого Агасфер понял, что медлить нельзя и что Безухого вот-вот сделают и безголовым, то бишь казнят.

– Ну, тогда придется ехать, – решил Агасфер.

Заглянув к сыну – тот спал под присмотром монахини, – он нашел запасной японский протез, сделанный в свое время для него Осамой. Однако культя распухла, и горловина протеза стала для нее узкой. Недолго думая, Агасфер сделал на ней длинный разрез, кое-как всунул в горловину культяшку и вышел во двор, где скучала под брезентом последняя покупка, которой он хотел поразить Настеньку – новехонький автомобиль «рено». Ездил на автомобиле он, правда, всего один раз – и то под присмотром продавца. Однако вождение показалось ему штукой нехитрой, и он решил, что справится.

Он повернулся к китайчонку:

– Прыгай, «Сусанин», показывай дорогу!

В полутемном помещении полицейского участка, заставленном дюжиной столов, китайчонк оробел. Он издали показал Агасферу на сидящего в углу белого полицейского в статском и спрятался за дверь.

Агасфер неторопливо приблизился к полицейскому. Тот был занят: сосредоточенно открывал бутылку пива. Справившись наконец с пробкой, полицейский с жадностью сделал несколько глотков и только после этого обратил внимание на посетителя.

– Вам чего, мистер? – угрюмо осведомился он. – Кража? Ограбление? Свидетели есть?

– Безухий Ху, – Агасфер отодвинул предложенную ему бутылку пива. – Это мой человек, инспектор. Я слышал, его арестовали...

Мельком глянув на визитера, инспектор покачал головой:

– Такие штуки тут не прокатывают, мистер, – он по-прежнему улыбался. – Безухий, вы говорите? Это же бандит! Как он может быть вашим человеком?

– За что он арестован? – поинтересовался Агасфер.

– А бог его знает, – признался полицейский. – Попался патрулю во время облавы, оказал сопротивление. Кого-то ранил... Потом выяснилось, что он давно в розыске. Суд уже был, мистер!

Прикрыв от наслаждения глаза, он снова побулькал пивом. Опустив бутылку, полицейский удивился:

– Вы еще здесь, мистер?

– Это мой человек. И он мне нужен, – терпеливо повторил Агасфер. – Сколько вам платят, инспектор?

– Чертовски мало, мистер. Хотите предложить взятку? Не откажусь, не откажусь. Только учтите, я человек обидчивый – если предлагают слишком мало...

Взяв со стола карандаш, Агасфер поискал чистый клочок бумаги – полицейский тут же услужливо пододвинул ему какую-то папку. Изобразив цифру, Агасфер перевернул папку к полицейскому. Тот поднял брови домиком:

– Это в «мексиканцах»¹³, мистер?

– Если угодно – в фунтах стерлингов.

– Вы умеете делать бедным государственным служащим приятное, сэр! – похвалил полицейский. – Деньги при вас? А это не ваш автомобиль под окном? Угу... Отгоните его за угол, сэр, и ждите.

---

¹³ В Шанхае того времени, наряду с национальной валютой, большой популярностью пользовались мексиканские доллары и английские фунты стерлингов.

Полицейский не обманул: через несколько минут он подтащил к автомобилю человека с мешком на голове и со связанными руками. Пересчитывая деньги и прямо-таки мурлыча от удовольствия, инспектор заметил:

– С вами приятно иметь дело, сэр! Но скажите, ради бога, своему человеку, что если он попадется мне на глаза в Шанхае еще раз, его повесят так быстро, что вы – ха-ха-ха! – просто не поспеете со своей «благотворительностью»!

С наслаждением растирая затекшие руки, Безухий буркнул:

– Ты второй раз спасаешь мою жизнь, белый! Это нехорошо: теперь я у тебя в двойном долгу. Куда мы едем?

– Пока ко мне домой. Отдохнешь, приведешь себя в порядок – и ступай куда хочешь!

Усевшись за руль, Агасфер краем глаза заметил давешнего мальчишку, юркнувшего в салон. Китайчонок и спасенный Ху начали оживленно переговариваться.

Загнав машину во двор, Агасфер протянул Безухому несколько купюр:

– Если тебе некуда идти, можешь пожить во флигеле. Скажи мальчишке: пусть купит то, что ты хочешь и принесет туда.

– Как тебя зовут?

– У меня много имен, Ху. Самое короткое – Берг. Можешь звать меня так.

– Это твой дом? – продолжал расспрашивать Безухий.

– Я купил его для жены и сына, – голос Агасфера был усталым, но ровным. – Но он ей больше не нужен: она вчера умерла. Хочешь меня ограбить или убить?

– У нас говорят: если сомневаешься в человеке – не затевай с ним дел. Ты говоришь глупости, Берг! Спасибо тебе. И помни: я дважды твой должник...

Безухий, как скоро выяснилось, не любил долго оставаться в долгу.

Когда Агасфер на следующий день заглянул во флигель, чтобы поглядеть – не сбежал ли гость, китаец обратил внимание на то, что хозяин перестал носить на левой руке искусственную кисть. Безухий без особой деликатности поинтересовался: почему?

Вместо ответа Агасфер засучил пустой рукав и показал китайцу чудовищно распухшую культяшку.

– Руку надо лечить, железный кулак тебе еще пригодится!

Безухий бесцеремонно понюхал обрубок руки с остатками мази, длинно и сложно выругал «белого дурака-доктора», а под конец накинудся на Берга:

– Твоя рука гниет! Еще неделя – и разовьется очень быстрая гангрена. Ты хочешь оставить маленького сына без отца, вань ба да¹⁴?! Тебе нужен настоящий доктор.

Повернувшись к китайчонку без имени, который как-то само собой прижился во флигеле, Безухий приказал ему найти и привести настоящего доктора. Тот улыбнулся и исчез. А ближе к вечеру привел во флигель толстого китаец в желтом шелковом халате и позвал «на прием» к нему Агасфера.

Опасливо поглядывая на замеревшего в углу Безухого, китаец осмотрел распухшую культю, долго нюхал ее, и наконец произнес несколько фраз, которые Агасфер, разумеется, не понял.

– Нужна небольшая операция, – перевел Безухий. – Он даст тебе опия, но все равно будет больно. Поэтому тебя лучше привязать к стулу.

Агасфер поглядел на руки китайского доктора с черными каемками под длинными ногтями и поинтересовался: а доктор ли это вообще?

---

¹⁴ Дословно – черепашье яйцо. Любопытно происхождение этого серьезного китайского оскорбления. Черепаша в представлении обитателей Срединного Государства – это существо, крайне невоздержанное и неразборчивое в сексуальном отношении. Так что никогда не бывает известно, результатом каких именно из бесчисленных половых сношений является появление того или иного яйца...

– Самый лучший в Восточном Китае, – заверил Безухий и заглянул под крышку своей знаменитой корзинки¹⁵. – Вообще-то он не лечит иностранцев и простолюдинов, но я сумел убедить его заняться твоей рукой.

– Ты умеешь быть очень убедительным, Ху, – с долей иронии согласился Агасфер. – К тому же ты успел, как я погляжу, обзавестись очередной милой змеей? Приглядывай за ней получше, Ху: я не хочу однажды обнаружить ее в своей спальне.

Безухий только фыркнул.

Тем временем китайчонок по указанию доктора раздул огонь в маленькой печурке и принес полкотелка воды (Агасфер был уверен, что воду он зачерпнул в садовом прудике). Когда вода нагрелась, доктор принялся бросать в котелок какие-то травы и корешки, извлеченные из своего мешка. Когда вода закипела, вслед за травами пришла очередь бутылочек и склянок с жидкостями и порошками, которые доктор также извлек из своего мешка. Прощедив готовое варево, доктор поглядел на Безухого и протянул Агасферу грязноватый комок с характерным запахом.

– Этой опий. Жуй! – приказал Безухий, подходя к Агасферу с веревкой.

Он со знанием дела привязал Агасфера к единственному стулу. Тот не сопротивлялся.

Получив свободу действий, доктор наложил на руку выше локтя пациента жгут и без дальнейших церемоний сделал на культишке два длинных глубоких разреза. Зашипев от боли, Агасфер отвернулся, потерял сознание и в дальнейшие тонкости операции, естественно, уже не вникал.

Очнулся он снова от боли: доктор, сопя, запихивал в длинную открытую рану на левой укороченной руке горячую травяную гущу из котелка. Нашлось применение и отвару: китаец намочил в нем длинную полоску от бесцеремонно разодранной простыни и перебинтовал ею культю.

– Твои кости в руке уже начали гнить, – сообщил Безухий. – Доктор отскреб кость сколько мог и наложил в рану целебных трав. Завтра он промоет рану и заменит травы. Так будет три дня, потом ты поправишься.

– А если нет? – высказал законное предположение Агасфер, морщась от жгучей боли и ругаясь на чем свет стоит.

– Он очень старался. И будет стараться и дальше, – уверил Ху и многозначительно потряс своей корзинкой. – Иначе я засуну этого длинного крайта¹⁶ в его толстую задницу до самого кончика хвоста. Пошли, я провожу тебя до кровати – сам ты вряд ли дойдешь...

В эту ночь Агасфер так и не смог уснуть: культишка болела так, что не помогал ни опий, ни лошадиные порции бренди. Наутро монашка заявила ему, что не может оставаться в доме, где по ночам воют, мерзко сквернословят и бродят жуткие китайцы с обрезанными ушами. Кое-как уговорив монашку остаться до вечера, Агасфер принялся лихорадочно размышлять над тем, где раздобыть сиделку.

Каким-то чудом он вспомнил о владельце чайного магазинчика Соломоне: во время одного из визитов он приметил в подсобном помещении молодую женщину, которую еврей из Одессы со вздохом представил как свою дочь.

– Бедная Циля, – заметил тогда Соломон. – Старый дурак-отец затащил ее в такие края, где еврейка никогда не сможет найти мужа и нарожать мне внуков...

Циля с удовольствием согласилась поработать немного сиделкой и помочь бедному мальчику, только что потерявшему мать. Увидев малыша, лежащего с поджатыми ногами на боку

---

¹⁵ В этой корзинке бандит Безухий обычно держал ядовитых змей, которые помогали ему убеждать в чем угодно своих противников. Несговорчивым и неразумным змею через воронку отправлялась в задний проход – см. роман «В полном отрыве».

¹⁶ Разновидность ядовитых змей.

и молча сосавшего палец, Циля прослезилась и принялась так рьяно ухаживать за Андрейкой, что Агасфер успокоился.

К немалому удивлению Берга, уже через пару дней, к похоронам жены, дергающая боль в культишке стала проходить. А через неделю опухоль спала, и тот же самый китайский доктор с невероятным облегчением зашил длинные разрезы шелковой нитью. Он наотрез отказался от предложенного гонорара и едва не бегом, придерживая полы халата, покинул флигель со страшным безухим обитателем.

Первые дни после операции Агасфера ощутимо пошатывало, и Безухий водил его к Андрейке, придерживая за пояс и здоровое плечо. Ковыляя проведать сынишку в первый раз, Агасфер попросил своего провожатого накинуть на его бритый и безухий череп какую-нибудь тряпку – чтобы не испугать ребенка. Тот только фыркнул, по своему обыкновению. Однако испугался не Андрейка, а сиделка Циля, едва удержавшаяся от того, чтобы не юркнуть от внезапно появившегося в комнате человека в черной одежде и с голым безухим черепом под кровать.

Сиделку Безухий одобрил. А прописанные доктором пилюли и порошки, понюхав и даже попробовав на язык, забраковал:

– Толстая баба, хорошая! А пилюли выброси – мальчишке нужна компания таких же мальчишек – иначе он никогда не поправится.

– Где ж их взять, мальчишек?

– Завтра будут, – и, повернувшись к вертевшемуся под ногами китайчонку, Безухий отдал ему очередное распоряжение.

И уже на следующее утро в детской комнате Андрейки оказалось четверо китайчат мал мала меньше. Они робко вошли в дом, держась за подолы рубашек друг друга и с почтительным уважением кланяясь Бергу и Циле. Китайчата с восторгом рассматривали заранее закупленные Агасфером для сына игрушки и уже к вечеру первого дня, осмелев, всю игрушку у кровати в солдатиков, строили из разноцветных кубиков башни и катали за веревочку паровоз с вагонами.

«Рецепт» бандита оказался верным: поначалу Андрей смотрел на шумную суету вокруг своей кровати столь же равнодушно, как и прежде. Потом каждодневные доклады сиделки изменились:

– Михаил Карлович, Андрюшка уже не отворачивается и смотрит на них! Явно интересуется...

– Господин Берг, ваш сын перестал сосать палец...

А через неделю Циля ворвалась в кабинет Агасфера с радостным сообщением:

– Я за водой пошла, возвращаюсь – а Андрейка вместе с нехристями этими на полу играет!

С тех пор про шок в доме уже не поминали.

* * *

Берг достал платок, смахнул легкую пыль с креста.

– Вот таким образом, Настенька, – пробормотал он. – Прости, что Андрея сюда нынче не взял. Негоже, конечно, могилы предков забывать – но молодежи, по моему разумению, больше вперед глядеть надо!

Помолчав, он прислушался к тонким посвистам ветра в ветках берез, словно ожидая услышать ответный шепот.

– Если доведется поехать в Россию, возьму Андрюшку с собой. Опасно? Конечно, опасно! И все ж возьму: пусть на родину поглядит!

На колени Агасферу слетел березовый лист. Он взял его, покрутил перед глазами, понюхал.

– Одобряешь, стало быть, Настенька? Спасибо, родная! А мы к тебе вернемся, право слово! Не оставим тут одну...

Глава третья

Первые прикидки (Шанхай, 1920 год)

Господа, я проштудировал предоставленные вами документы и полагаю, что в них есть несколько отправных точек для более внимательного изучения. Шансы на успех я пока оценивать не буду: русские в таких случаях говорят: «как бы не сглазить!» Поэтому сейчас я предлагаю всем вместе порассуждать над моими выкладками. Я буду крайне признателен, если вы найдете в них слабые, спорные, либо противоречивые моменты. Не бойтесь меня этим обидеть, господа! Лучше обидеться сейчас, чем потратить массу времени и усилий на напрасные хлопоты.

Агасфер откинулся на спинку кресла и бросил быстрый взгляд на замерших в неподвижности японцев.

– Итак, точка поиска номер один: Казань!

Осама пошевелился и отрицательно качнул головой:

– Погодите, Берг: во-первых, в прошлый раз вы упоминали высокую степень порядочности подполковника Каппеля. Судя по тому, что я слышал о нем, вы правы. Если в банковском хранилище Казани что-то и пропало, то это какая-то мелочь. Стоит ли об этом упоминать? И во-вторых: Казань и Самара – слишком глубокий тыл Совдепии. Даже если там что-то и осталось, никто не позволит нам с «лопатами наперевес» искать мифическое золото в тех краях.

– Что касается первого вопроса, господа: полагаю, что в имеющихся описях золотого запаса зафиксирована отнюдь не мелочь! Итак, 13 октября 1918 года золотой эшелон прибыл в Омск, и запас империи был помещен в Омское отделение Госбанка, под присмотр Комуча¹⁷. Напомню вам, что щепетильный до болезненности подполковник Каппель сдал новым хозяевам свой огромный «трофей» по описи. Когда через месяц с небольшим, 18 ноября, адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем России, и Комуч доверил ему золото, адмирал подтвердил размер принятого от подполковника запаса – с каппелевскими описями все сошлось до копейки. Однако обратите внимание, Осама-сан: во всех описях упоминается только золотой запас империи! А ведь кроме него, в казанском хранилище был и другой «презренный» металл! В документах упоминаются золотые оклады икон, части инвентаря Главной палаты мер и весов, а также коллекция самородков Горного института – все это не входит в официальную казну империи.

Старший и младший японцы переглянулись.

– Нельзя ли поподробнее, господин Берг? – попросил Осама-младший. – Что это за части инвентаря Палаты мер? И самородки... Насколько велика коллекция самородков?

– Что касемо Главной палаты, то речь идет о прототипах мер веса – фунтах, метрических килограммах и так далее. В ежегоднике «Коммерческой энциклопедии» за 1856 год упоминается, к примеру, что только золотых эталонных гирь в Палате на то время было около 4 пудов. А коллекция Горного музея содержала свыше 50 пудов только золотых самородков уникального веса и форм. Это – по данным «Коммерческого вестника» 1890 года – и за два прошедших до переворота десятилетия, полагаю, коллекция самородков тоже изрядно «потя-

---

¹⁷ Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (сокращенно Комуч) – альтернативное правительство России, организованное 8 июня 1918 г. в Самаре членами Учредительного собрания, не признавшими разгон этого Собрания большевиками 19 января 1918 года. Командовать дружиной Комуча вызвался [Генерального штаба подполковник В. О. Каппель. Войска](#) под его командованием в течение лета 1918 года наносят ряд тяжелых поражений превосходящим силам [Красной армии](#).

желела»! Среди экспонатов был и так называемый Большой треугольник – огромный самородок весом 2 пуда 7 фунтов и свыше 90 золотников¹⁸.

– Вы нашли эти данные в шанхайских библиотеках? – недоверчиво прищурился Осама-младший.

– Если вам интересно, господин капитан, то эти данные я раскопал несколько раньше: в 70–90 годы прошлого века я был хранителем монастырской библиотеки в Южной Польше. Мне попалось тогда и несколько официальных ежегодников на «золотую» тему: предстоятель монастыря был человеком разносторонних увлечений. И вот как-то отложилось в памяти...

– Я же тебе говорил, Масао: у господина Берга энциклопедическая память! – от души рассмеялся Осама-старший и тут же посерьезнел. – И вы полагаете, Берг, что все это неучтенное в описях золото можно найти?

– Полагаю, что в принципе можно. Тем более что в вашей папке есть любопытная ссылка на то, что подполковник Каппель, посадив основную часть своей дружины в вагоны, сам с небольшой группой офицеров и штабным сейфом выбирался из красного окружения через старомайнские и мелекесские леса. Причем в леса эта группа зашла на трех подводах, а вышла пешим ходом! Возникает закономерный вопрос: зачем им вообще нужны были подводы?

– Может, штабные сейфы? – предположил Осама-младший. – Это же тяжесть!

– Само собой, господин капитан! – усмехнулся Берг. – Но вот скажите мне, как человек военный: к чему бы Каппелю так дорожить сейфом саженной высоты, почти двухаршинной ширины и толщиной не менее аршина?¹⁹ Вы представляете себе, сколько может весить один такой даже пустой сейф из серии штабных? Не меньше 10 пудов, капитан²⁰...

– Насколько я помню, в документах есть упоминание о картах, каких-то документах и наградах погибших в боях с большевиками офицеров дружины Каппеля, которые тот непременно хотел сохранить...

– Глупости, капитан! Во-первых, группа Каппеля вышла из лесов пешим ходом – надо думать, сохранив и карты, и награды боевых товарищей! По-вашему, она сложила свои раритеты в узелки?

– А какова ваша версия, Берг? – перебил Осама-старший.

– Она очевидна: Каппель прихватил с собой и часть золота. Боже упаси – не из золотого запаса империи! Те ящики имели специальные отметки и маркировку. Думаю, что он обратил внимание на другие ящики – без герба империи и специальных пометок. Скорее всего, это были самородки и гири из Палаты мер и весов: вряд ли дружина Каппеля покусилась бы церковную утварь. Учтите: на тот момент подполковник еще не присягнул Верховному правителю России и не знал, что будет воевать под его началом! Но бороться с большевиками он собирался и дальше. А впереди осень, потом зима – кто бы снабдил его войско оружием, амуницией, продовольствием? А что касается сейфа... Его взяли для отвода глаз. Или для того, чтобы, найдя в лесу подходящее местечко, использовать его в качестве емкости для сохранности золота.

– Пока это просто версия, барон, – покачал головой Осама-старший. – Версия, ничем не подкрепленная! Я бы даже назвал эту версию утопией: нам никогда не забраться в тылы красных так глубоко!

– Согласен, Осама-сан! К тому же всякое расследование, как известно, требует наличие свидетелей. Наше же следствие характерно тем, что почти все свидетели либо погибли, либо исчезли, растворились на огромном пространстве от Самары до Владивостока. Во всяком случае, вряд ли они выстроятся у моего дома с показаниями. Надо их найти, что, разумеется, далеко не просто! За подводами Каппеля могли следить местные жители, партизаны, или про-

---

¹⁸ В метрической системе – 36,2 кг. Был найден в октябре 1842 года на Миасском руднике, на Урале.

¹⁹ Сажень – примерно 2,13 м, аршин – ок. 71 см.

²⁰ 1 пуд – 16 кг.

сто мародеры. Возможно, в лесах офицеры случайно наткнулись на грибников – сентябрь, генерал, в России – время грибное! И наконец: я тоже не профан в географии и отдаю себе отчет в том, что на сегодняшний день добраться до мелекесских лесов практически невозможно. Но ситуация может измениться, Осама-сан! К тому же не надо сбрасывать со счетов и то, что в глубоких совдеповских тылах осталось множество групп партизан, не симпатизирующих советский власти. Так что кто знает, как оно завтра повернется? Будем иметь эту географическую отметку в виду – пока только иметь!

– Хорошо, Берг. Берем лесную точку на заметку. У вас есть еще идеи?

– Есть. Когда золотой эшелон адмирала уже ушел в сторону Иркутска – Верхнеудинска, в распоряжении начальника тыла армии Колчака генерала Петрова осталось 63 ящика с золотом. То ли вагонов не хватило, то ли у адмирала были поначалу какие-то другие соображения насчет этих остатков, – не знаю. Отмечу только, что Петрову был дан приказ догнать основной эшелон. И он старался изо всех сил – поезд генерала Петрова каким-то образом сумел проскочить Иркутск, где был задержаны основные поезда эшелона и казнен адмирал. Впрочем, позже Петрову не повезло: под Верхнеудинском он попал в засаду семеновцев, и те силой заставили генерала «поделиться» его ценным грузом. Отняв у Петрова 30 ящиков, Семенов отпустил генерала – впрочем, позже тому пришлось еще много раз «делиться» с местными властями и платить – за продовольствие для своей команды, за топливо для паровоза, за разрешение проехать. Это обошлось генералу, если верить его свидетельствам, еще в 11 ящиков, Осама-сан. Петров же, в конце концов, добрался до границы с Китаем, и там японцы под расписку изъяли у него остальное. Не надо морщиться, Осама-сан! Нас интересуют эти 11 ящиков. Это почти сорок пудов золота²¹, Осама-сан! Я почти уверен, что это золото где-то под Верхнеудинском, у железнодорожников и осталось! Их можно найти, не так ли?

– Хорошо, – Осама-старший сделал пометку в блокноте. – Чем еще порадуете, Берг?

– Вернемся к основному эшелону, Осама-сан. Как ни спешил Колчак в Иркутск, но все же партизаны сумели на 28 часов задержать поезд в районе станции Зима. Есть показания чинов личного конвоя адмирала: за время стоянки какие-то люди дважды подгоняли к застрявшему поезду подводы и грузили их. Чем? Догадаться нетрудно. Грузили солдаты, командовали погрузкой двое офицеров в чине есаулов – причем из последней ходки они вернулись к эшелону вдвоем, без солдат. Что скажете, Осама-сан?

– Догадаться нетрудно. Очевидно, воры нашли недалеко от железнодорожных путей укромное место: выкопать на морозе достаточно глубокую яму просто невозможно! Они спрятали украденное золото, а ненужных свидетелей убрали. Но у меня вопрос, господин Агасфер: вы упоминаете показания чинов личного конвоя, которые видели подводы и погрузку. Но почему они не вмешались?

– Наверное, потому, что передвижение по станции офицеров конвоя было заблокировано партизанами. А ящики с золотом были в последних вагонах этого поезда. И вот вам еще один ориентир для поисков: показания офицеров конвоя были в Иркутске запротоколированы. А сами офицеры большей частью попали за решетку. Их тоже можно найти, Осама-сан! Найти и уточнить детали той наглой экспроприации. Я не удивлюсь, если выяснится, что допрошенные колчаковцы рассказали не все! И что они знают имена тех есаулов – но решили оставить их, как говорится для себя...

– То есть отсидят свое, выйдут из тюрьмы, найдут есаулов и «попросят» поделиться?

– Я не исключаю этого, господин генерал. Упомяну также кражу золота часовыми в период, когда эшелон был под совместным присмотром чешских легионеров и русских охранников. Когда взорванные за упомянутой станцией Зима пути сумели починить и эшелон двинулся дальше, все вагоны были заново опломбированы. Но уже на станции Тыреть – а это

---

²¹ Почти 650 кг золота.

примерно 80 верст от Зимы – обнаружилось, что пломбы сорваны или повреждены! И из четвертого опломбированного вагона исчезло 13 ящиков с золотом. Это 45,5 пудов. Замечу кстати, что в декабре, когда чехи сдали адмирала эсеровскому политцентру Иркутска, а те передали его большевикам, в том же, четвертом вагоне, была обнаружена еще одна недостача: в 19 ящиках вместо золотых слитков оказались камни и кирпичи. Это еще 66,5 пудов. Логика подсказывает, что пропажа и подмена произошли одновременно или с минимальным временным разрывом. Скорее всего, чешская охрана сговорилась с русскими часовыми, и на полустанках, во время остановок, похитители заранее начали собирать камни для подмены. Однако в зимнее время, под снегом, это было, видимо, не так просто. Так что последние 13 ящиков были, полагаю, просто украдены: воры не нашли близ железной дороги достаточно кирпичей.

– Какие, по-вашему, шансы разыскать эту сотню с лишним пудов?

– Думаю, что не слишком большие. Золото, скорее всего, было поделено между чехами и русскими. Чехи нынче уехали во Владивосток, с намерением попасть на родину, а вот русские воры... Насколько я знаю из газет, хотя имена часовых были известны, расследование этой кражи так и не было произведено. Почему? Второй вопрос: куда конвойные могли спрятать украденное золото во время движения эшелона? По сундукам? Но их наверняка обыскали. Выскочить на полустанке и выкопать норку, чтобы немного погодя вернуться? Летом – возможно. Но не зимой! Ответ на третий вопрос очевиден: воры давным-давно разъехались, и искать их бесполезно.

Осама-старший встал, прошелся по гостиничному номеру, налил себе и Бергу бренди и уселся со своим стаканом прямо напротив Агасфера, колени в колени.

– Столько было золота, – пробормотал он. – И все рассеялось как дым...

– Ну, почему же все? – возразил Агасфер. – Есть еще по крайней мере три точки поиска. Это Холмушинские пещеры в районе соляных копей – примерно в 70 верстах не доезжая Иркутска. Я слышал, кстати говоря, о Холмушинских пещерах. Это известняковые скалы с массой ходов внутрь и весьма большими пещерами или пустотами. Они практически не обследованы. Причем заметьте, Осама-сан, эти пещеры находятся максимум в полуверсте от линии железной дороги. Там исчезло около сотни ящиков – 350 пудов! Куш солидный...

– Согласен. Но если вы правы, то местные жители после прохода поездов могли найти спрятанное золото. Была зима, снег, на котором остались следы людей, черт возьми!

– Могли, – кивнул Берг. – Но местные жители, насколько я сумел выяснить из архивных материалов, боялись и близко подходить к тем пещерам из-за каких-то страшных местных легенд...

– Что ж... Тогда это уже верный след! И количество спрятанного там золота впечатляет! Страшные легенды? Откуда бы колчаковской солдатне знать страшилки о пещерах? Да если бы воры и знали про какие-то легенды... Не думаю, что они стали бы обращать на них внимание. У вас все, Берг?

– Есть еще и золото атамана Калмыкова, – задумчиво добавил Агасфер. – Причем совсем близко, во Владивостоке!

– Золото Калмыкова? – нахмурился генерал Осама. – Вы имеете в виду те 38 пудов ценного металла, которые этот негодяй извлек из Хабаровского отделения Государственного банка? Но ведь это золото Калмыков захватил с собой, когда бежал из Владивостока в Китай.

– Блажен, кто верует, – улыбнулся Берг. – Это золото в ваших информационных материалах вовсе не упоминается, генерал, – и совершенно напрасно. По моим сведениям, 26 пудов драгоценного металла, умыкнутого у Американского Красного Креста, остались во Владивостоке. Это 12–13 ящиков...

– Я слышал об этом, – кивнул Осама. – Но это «тухлый след», Берг! Китайские власти клянутся, что при атамане не было никакого золотого груза. Золото он мог закопать либо по дороге из Хабаровска в Приморье, либо по пути к китайской границе, либо на территории

Поднебесной – взяли-то банду там не сразу... Вы улыбаетесь, Берг? Неужели вы хотите сказать, что Гиринский губернатор обманул и нас, и американцев? И просто-напросто присвоил это золото?! Но вы не можете этого знать!

– Про губернатора китайской провинции Гирин ничего плохого сказать не могу, генерал. Как и про начальника Жандармского управления генерала Бао Гуйцина. По итогам проведенного мной месяц назад небольшого расследования выходит, что дюжина ящиков с американским золотом осталась во Владивостоке. И они не закопаны, а находятся в надежном месте, под охраной японских вооруженных сил... Разумеется, эту информацию следует проверить и уточнить...

– Что вы несете, Агасфер? – Осама вскочил на ноги. – Японским военным властям ничего не известно ни о каких ящиках! И о каком небольшом расследовании вы говорите?

– Сначала отвечу на ваш второй вопрос: расследование проводилось мной по просьбе представителя Американского Красного Креста. Эта организация весьма расстроена потерей золота и не очень поверила заверениям китайских властей о том, что у Калмыкова при себе ничего не оказалось. Мои люди побеседовали с членами банды атамана, которые сидят в Гиринской тюрьме. А я навел справки у банкиров: никаких крупных вкладов в последнее время в шанхайские банки не помещалось. А теперь на ваш первый вопрос: генералу Ямаде²² о ящиках с золотом, надеюсь, и вправду ничего не известно. А вот полковнику Суги...

– Прекратите интриговать, Берг! – едва не сорвался на визг генерал. – Выкладывайте все, что вам известно! Я не позволю облыжно обвинять полковника Суги, зятя самого министра!

– А я никого и не обвиняю, Осама-сан, – запротестовал Агасфер. – Я говорю о результатах предварительного расследования. Чтобы окончательно прояснить этот щекотливый вопрос, нужно кое-что уточнить во Владивостоке. И если хотите, я могу закончить это дело.

– Н-не знаю, Берг, не знаю, – Осама вытер платком взмокший лоб. – С одной стороны, вы почти никогда не ошибаетесь в своих выводах. А с другой... Вы хоть представляете себе уровень международного скандала, который разразится в Токио и Вашингтоне, если ваши предположения имеют под собой основу?! Боже мой... А что вы сказали представителю Американского Красного Креста, кстати?

– Что у меня спросили, то и сказал, генерал. Передо мной была поставлена задача узнать – не прилипло ли к рукам китайских чиновников американское золотишко? Я ответил отрицательно.

– Что ж, спасибо и на этом! – Осама успокоился.

– Если хотите, я могу поискать для вас это золото... Приморье – это не Россия, туда я еще соглашусь поехать. Вы позволите, генерал? – Агасфер кивнул на бутылку.

– О-о, разумеется, разумеется, господин Берг! Простите, я, видимо, плохой хозяин, – генерал щедро налил бренди, добавил льда и протянул стакан Агасферу. – И коль скоро вы заговорили о России, то...

Агасфер невесело рассмеялся:

– Вы хотите предложить мне потряхнуть стариной и возглавить «золотую экспедицию»? Простите, генерал – но не сошли ли вы с ума? Во-первых, мне уже за 60. А во-вторых, от Тихого океана до Байкала нынче царит жуткая мешанина властей, правительств и оголтелой анархии. У вас, кажется, есть под рукой карта русского Дальнего Востока... Ага, вот она! Давайте посмотрим вместе – просто из любопытства!

Двое японцев и Агасфер с карандашом в руке склонились над картой.

– Ну, Владивосток и Хабаровск еще так-сяк, – заговорил Агасфер. – Пока эти города находятся под контролем ваших войск и американцев. Тут я мог бы действовать практически свободно. Хотя, с другой стороны, в январе нынешнего года, как вы знаете, во Владивостоке

---

²² Имеется в виду командующий 12-й бригадой японской оккупационной армией Ямада Сиро.

произошел переворот, в результате которого к власти пришла Земская управа – коалиционное правительство из эсеров, меньшевиков, земцев и коммунистов. Колчаковские войска, расположенные в Приморье, перешли на сторону новой власти. Зашевелилась и другая вооруженная сила – партизанские соединения Лазо, уже двинувшиеся на Владивосток. Правда, ново-явленные «союзники», бывшие колчаковцы и партизаны, пока смотрят друг на дружку косо, но присутствие японцев заставляет их пока жить дружно. Да и вообще японцы не позволяют, насколько я знаю, значительным силам партизан скапливаться во Владивостоке – их главные силы вытеснены в Спасск и Иман. А дальше, Осама-сан? Партизаны занимают также Хабаровск, Благовещенск и прочие города и веси Приамурья, где образовались свои областные «правительства», ревкомы, военно-революционные штабы. Владивостокцев, насколько я понимаю, они считают «соглашателями» и, естественно, не признают.

Агасфер разогнулся и вернулся в кресло, крутя между пальцами карандаш.

– Наконец, в Чите пока сидит атаман Семенов, получивший от Колчака всю полноту военной и гражданской власти на Российской восточной окраине, – продолжил он. – В начале нынешнего года ему пришлось туго, на него навалились с двух сторон. Судя по сводкам, партизаны Восточно-Забайкальского фронта практически контролируют треугольник между Шилкой, Аргунью и Маньчжурской веткой КВЖД. А с победой большевиков в Иркутске натиск с запада силами тамошней Восточно-Сибирской советской армии усилился. В руках Семенова остается пока юго-восток нынешней Читинской области и часть Бурятии. Возможно, его уже раздавили бы, но в феврале атаман получил сильное подкрепление: в Забайкалье пришли каппелевцы. Их командир после попытки взять Иркутск вывел основное ядро своего соединения на Верхнеудинск. Отдельно от него, севернее, пробилась за Байкал группа генерала Сукина из оренбургских казаков и сибирских пехотных частей, также принявших имя каппелевцев.

Осама-старший сложил карту:

– Насколько я понимаю, основной район наших поисков можно сосредоточить на территории нынешней Дальневосточной республики. Станция Зима – всего лишь около 300 верст от Иркутска. Территориально это все в пределах ДВР... Я мог бы раздобыть для вас серьезный мандат от руководителей Дальневосточной республики, – словно между прочим вставил Осама-старший.

– Вы это серьезно, Осама-сан? – удивился Агасфер. – Вы думаете, что президент ДВР Краснощеков забыл, как японцы гонялись за ним по всей Приморской тайге, а за его голову командующий 12-й бригадой японской оккупационной армией генерал Ямада Сиро назначил крупное вознаграждение?

Осама поморщился:

– Во-первых, в то время господин Краснощеков еще не был президентом «буферной» республики, а всего лишь руководил штабом Дальневосточного большевистского подполья. А генерал Ямада выполнял свой долг. А во-вторых, Берг, мандат можно получить в правительстве ДВР не только у президента...

Агасфер внезапно повернулся к японцам:

– Насчет золота Калмыкова мы, считайте, договорились. Насчет всего остального... Скажите, генерал, вы все еще «у штурвала»? Хорошо. Тогда господин капитан, думаю, извинит меня, если я попрошу дать мне возможность поговорить с вами наедине?

Криво улыбнувшись, Осама-младший бросил вопросительный взгляд на отца. И когда тот утвердительно кивнул, не спеша выбрался из кресла и вышел из номера.

– Не будем терять времени, Осама-сан. Я не хочу торговаться: вы и сами понимаете, что если я соглашусь, то шансов вернуться живым из этой экспедиции у меня очень немного. Но я готов рискнуть, и поставлю три условия. Первое: команду для «золотой экспедиции» в Россию я подбираю сам...

– Это ваше право, Берг. Но небольшая поправка: в вашей команде должен быть минимум один японский офицер. Мое руководство ни за что не отпустит бывшего русского разведчика одного на «вольную охоту» за золотом в глубокий русский тыл. Единственным аргументом за будет присутствие в вашей экспедиции офицера Третьего отделения нашей разведки, руководит которым генерал Озава.

– Намерены держать меня на коротком поводке, генерал? – усмехнулся Агасфер. – Что ж, понимаю... Но поймите и вы: мне совершенно не нужен человек, который будет дышать в затылок и совать свой нос во все мои дела. Я уже не говорю о том, что в тех краях, где мы будем действовать, появление японца неминуемо вызовет дополнительные подозрения местных большевиков.

– Все уже продумано, Берг. Негласным руководителем нашей экспедиции будет мой сын.

– Вы готовы рискнуть жизнью сына? – недоверчиво прищурился Агасфер. – Хм-м... Это немного меняет дело, хотя, как вы, вероятно, заметили, что с вашим сыном у меня сложились далеко не безоблачные отношения, Осама-сан. К тому же признаюсь, присутствие Масао будет меня связывать. В сложной ситуации, которых у экспедиции будет с избытком, я легко пожертвовал бы любым японским офицером – за исключением вас и того, кто вам особо дорог, Осама-сан.

– Спасибо, – поклонился генерал.

– То же самое относится и к вашему сыну, – вздохнул Агасфер. – Если с ним что-нибудь случится... Я просто не знаю, как сообщу вам об этом...

– Кандидатура моего сына в вашей экспедиции не обсуждается, Берг, – твердо заявил японец. – Как видите, я вам доверяю, Берг! Причем доверяю самое дорогое, что у меня есть. Кстати, Масао плохо говорит по-русски, зато прекрасно знает английский язык и пару китайских диалектов...

– Надо подумать... В любом случае наша экспедиция начнется не раньше весны будущего года: зима в России – не самое удобное время для поиска кладов. За это время надо разобраться с золотом Калмыкова, придумать не вызывающую сомнения легенду для нашей экспедиции и по возможности заручиться поддержкой местных властей... Я искренне надеюсь, что вы передумаете за это время насчет своего сына, Осама-сан!

– Время покажет, – уклончиво возразил генерал. – А ваше второе условие?

– Само золото, Осама-сан. Я попробую найти большую часть утерянного. Но вывезти золото из России для меня неприемлемо! Так что акцент делаем на «найти». Найти и передать вашему представителю, либо вам самому, точные координаты спрятанного золота.

– Резонно, хотя мы могли бы подготовить специальные вагоны для экспедиции с замаскированными в них объемными тайниками. Не будем забывать, что тяжесть золота вполне компенсируется его компактностью.

– Вы шутите, Осама-сан? Я отказываюсь ехать в Россию и вообще готовить экспедицию, для которой нужно больше двух вагонов-теплушек. Причем их наличие должно быть «железно» замотивировано! Вы же наверняка догадываетесь, что большевики при пересечении границы наши вагоны по винтикам разберут, если заподозрят наличие тайников! Золото найдут, а я буду расстрелян или посажен в советскую тюрьму до конца жизни.

– Я видел подобные вагоны, Берг. Уверяю: внешне они ничем не отличаются от обычных! Можно доработать, в конце концов, стандартные русские вагоны. И в каждой из таких «шкапулов» на колесах можно незаметно вывезти до 40–60 пудов металла!

– Это точка зрения дилетанта, Осама-сан! Да и много ли толку будет Японии от 40–60 пудов золота? Такое количество может не окупить всех расходов по подготовке экспедиции! И потом: большевики подозрительны по своей сути – даже к своим, русским. А уж к иностранной экспедиции... Извините, господин генерал, но если тайники в вагонах – неперемное условие, то я – пас! Не скрою: я тоскую по России, мне хочется побродить по русской траве

босиком. Посидеть где-нибудь на тихой речке с удочкой на закате... Но не такой ценой! К тому же не забывайте: в нашей экспедиции будет ваш сын!

– Я помню об этом. Но подумайте и вы, Берг: какой толк Японии от координат золотых «залежей» за тысячи верст от границы? Прикажете объявлять новую войну России и направить по вашим координатам военных поисковиков?

– Не утрируйте, Осама-сан! Сейчас мы просто знаем или предполагаем, что где-то в России спрятано украденное у Колчака золото. Иметь точные координаты этих мест – совсем иное дело!

– Не знаю, Берг, не знаю, – проворчал Осама, опрокидывая очередной стаканчик. – Ваши точные координаты золотых кладов – это журавль в небе. Боюсь, что мои руководители не пойдут на такие условия. Разве что эти тайники будут определены вами где-нибудь в Маньчжурии или в Забайкалье...

– Вы имеете в виду казну Дикой дивизии Унгерна? Или золото, которое атаман Семенов, по слухам, совсем недавно вывез из Читы на двух бронепоездах? Но это пока ничем и никем не подтверждено, Осама-сан! Про барона Унгерна я и вовсе молчу: он еще всю воюет! А казны у него, может, и вовсе нет!

– Давайте успокоимся, Берг! Успокоимся и не будем забывать, что наша экспедиция если и отправится в Россию, то не раньше, чем летом следующего года! За это время может многое измениться, друг мой! Может «зачахнуть» сама идея экспедиции. Кстати, вы не назвали мне ваше третье условие, Берг!

– Если экспедиция состоится и я вернусь из России живым, вы меня отпустите, Осама-сан... Насовсем. Я стар, я устал...

– Об этом условии можно было догадаться, – кивнул японец. – Вы имеете в виду, что хотите уйти на покой в любом случае, чем бы ни закончилась погоня за золотом? А если вы ничего не найдете? Боюсь, мое руководство не согласится с вашей отставкой...

– Во-первых, точные координаты украденного у Колчака золота я вам гарантирую. А во-вторых, генерала Озаву о моем третьем условии совсем не обязательно ставить в известность, Осама-сан.

– Черт бы вас побрал, Берг! Почему вы все время вынуждаете меня действовать в обход собственного начальства?

– Потому что вы и сами хотите уйти в почетную отставку, Осама-сан! Не мелкой штабной крысой, а на пике славы. С координатами золота русской империи так и получится. Ну, как? Кстати, мне не нужна официальная расписка. Вполне достаточно будет вашего слова офицера, Осама-сан...

– Хм... Ладно, посмотрим... Кстати, Берг, а как с вашим сыном? С Андреем? Вы планируете включить его в состав вашей команды?

– Спросили бы что полегче, Осама-сан, – мрачно покачал головой Агасфер. – Я ведь не видел его почти десять лет – с тех пор, как он уехал учиться в Европу. Две недели назад я встретил практически незнакомого мне молодого человека. Еще неизвестно, как он отнесется к обсуждаемому нами «конфликту национальных интересов». Я не исключаю, что решение отца искать русское золото для японцев может показаться ему неприемлемым!

– Но вы его отец, Берг! Неужели Андрей способен пойти против вас?

– Оглянитесь на Россию, Осама-сан! – вздохнул Агасфер. – Гражданская война развела по разные стороны баррикад отцов и сыновей, сделала смертельными врагами родных братьев. Менталитет наших народов несопоставим, Осама-сан! А я не хочу гражданской войны в собственной семье, генерал... Так что давайте пока действовать по промежуточному варианту. Вы возвращаетесь в свой штаб, знакомите свое начальство с ситуацией и моими прогнозами на поиск золота и берете добро на два моих официальных условия. А я начну поиски золота

Калмыкова с китайского Гирина²³. И если найду в тамошней тюрьме подтверждение своим догадкам, то дам вам знать. И тогда мы встретимся во Владивостоке – эту часть операции я могу провести без Андрея. Одновременно я поговорю с сыном и прозондирую, так сказать, почву для... Как мы назовем нашу операцию, Осама-сан? – неожиданно спросил Агасфер.

– Я не думал об этом. А какая разница, Берг?

– У русских есть поговорка: как вы лодку назовете, так она и поплывет, – усмехнулся Агасфер.

Он взял карандаш и соединил жирной линией города и местности, о которых говорил, получилось что-то вроде замкнутого круга.

– Петля, Осама-сан. Название прямо напрашивается: «Золотая петля»!

* * *

Вернувшись на Бабблинг-роуд, Агасфер, не заходя в дом, направился по дорожкам сада к флигелю. Однако он оказался пуст. Почесав щеку, он хотел уже возвращаться в дом, как вдруг услышал в глубине сада приглушенные голоса. Говорили по-китайски, и Агасфер, недолго размышляя, направился в ту сторону. Обогнув группу густых кустарников, он от неожиданности остановился: Безухий и Линь старательно копались в земле, явно сажая какое-то новое растение.

Заметив Агасфера, Безухий вскочил и принялся старательно отряхивать от налипшей земли колени.

– Вот, учу этого молодого лоботряса правильно сажать дерево, – со смущенным видом пояснил Безухий.

Агасфер молча улыбался, припоминая оскорбленный вид Безухого, когда он предложил ему остаться в доме.

– Чего ты скалишься, Берг? – недовольно проворчал Безухий. – Ты не даешь мне никакой работы – не могу же я целыми днями валяться на лежанке...

– Не даю работы, говоришь? Ну, пошли, поговорим, Ху, – пригласил Агасфер, направляясь к своему любимому месту у пруда.

– Гляди, черепаший сын: самая густая часть дерева должна быть повернута в сторону солнца, – дав последнее указание, Линю, Безухий пошел вслед за Бергом.

– Ху, у нас, кажется, появилась работа, – без предисловий начал Агасфер, едва усевшись в кресло. – Ты уже ездил по моему поручению в Гирин, но нынче мне нужно кое-что выяснить у узников губернаторской тюрьмы. Как ты думаешь, Линь справится с этой задачей?

– Смотря что именно ты хочешь выяснить, Берг, – покачал головой Безухий. – Увидеться с арестантом любой китайской тюрьмы совсем несложно: даешь тюремщику немного денег, и говори с кем хочешь и сколько хочешь. Другое дело – захочет ли сам арестант говорить с молодым парнишкой? Кто тебе там нужен?

Помедлив, Агасфер рассказал Безухому об отряде атамана Калмыкова. И о событиях совсем недавних: о том, что атаман силой захватил почти сорок пудов золота в хранилище Хабаровского банка и намеревался уйти с отрядом в полторы сотни штыков в Китай. Однако ограбление наделало в городе много шума: золото принадлежало Американскому Красному Кресту. Во Владивостоке банду взял в клещи японский стрелковый полк под командованием полковника Суги. И вот с ним-то Калмыков, по словам своих соратников, сумел договориться. Он сдал полковнику похищенное золото под расписку, и получил гарантию беспрепятственного ухода за границу.

---

²³ Город на северо-востоке Китая, центр одноименного уезда в описываемое время.

Однако с китайскими пограничниками Калмыкову договориться не удалось: слишком «насолил» атаман китайцам, пытая и убивая их подданных и даже топя китайские канонерки на Амуре. Едва он пересек Уссури, как его вместе с приспешниками арестовали. После первой неудачной попытки побега Калмыкова военный наместник Гирина решил отправить его в Пекин, где над ним должен был состояться суд. Однако в пути атаману снова удалось бежать, и его в конце концов застрелили.

– Так что в настоящее время в Гиринской и Фушуньской тюрьмах сидят последние калмыковцы – в том числе полковник Савицкий и войсковой старшина Клок, – те самые, которые учинили налет на банк во Владивостоке. Пока сидят – во всяком случае, военный наместник Гирина не сообщал японцам о суде над этими бандитами или их расстреле, – закончил Агасфер.

– Что ты хочешь узнать в Гирине, Берг?

– Понимаешь, Ху, тут у меня в одном деле концы с концами не сходятся, – поделился Агасфер. – Американцы требовали у китайских властей возвращения им Калмыкова с золотом. Переговоры шли через японцев, а те ни словом не обмолвились о том, что атаман перед уходом сдал золото полковнику Суги. Скорее наоборот: они поспешили сообщить союзникам о том, что Калмыков был убит при попытке к бегству, и нашли при нем всего-навсего несколько тысяч юаней. Понимаешь, Безухий: японцы «порадовали» американцев смертью атамана раньше, чем китайцы подстрелили его!

– А что ты сам думаешь об этом деле, Берг?

– Я полагаю, что атаман, заплатив японцам за возможность уйти в Китай, потребовал на всякий случай расписку. Японцы пропустили банду, но сообщили китайским пограничникам точное место перехода Калмыкова через границу. Атамана там взяли, он откупился от китайцев остатками золота и получил возможность побега. Тут его и «шлепнули», тем самым закрыв дело. Нет ни золота, ни расписки – с тем американцы и остались.

– Так что ты хочешь узнать в тюрьме, Берг? – повторил Безухий.

– Поскольку сообщений о расстреле ближайших к Калмыкову людей нет, скорее всего, они еще живы. А если живы – то точно знают: сколько золота было отдано японцам и была ли расписка?

– Это важно для тебя, Берг? – помолчав, поинтересовался Безухий.

– Понимаешь, мне очень хочется «вставить фитиль» японцам. Думаю, что на самом деле все было так, как я предполагаю.

– Хорошо, Берг, – хлопнув себя по коленям, Безухий встал. – Раз это так, то с Линем в Гирина и Фушунь поеду я: вряд ли «белые черти» Калмыкова, сидящие в тюрьме, будут разговаривать с мальчишкой о таких вещах, как золото.

– Но ты до сих пор сам в розыске у шанхайской полиции, Ху, – напомнил Агасфер.

– Меня ищут только в Шанхае, – возразил Безухий. – У меня есть новые, вполне надежные документы, и я надену проклятый парик. Меня никто не узнает.

– Само собой, я дам тебе денег, Безухий. И на дорогу, и на подкуп тюремщиков.

– Не беспокойся, Берг. Ты же знаешь, что я – богатый человек, и в укромном месте твоего же сада на старость у меня самого припрятано больше даня²⁴ чистого самородного золота.

---

²⁴ Дань – старая китайская мера золота и серебра. Один дань равен около 57,8 кг.

Глава четвертая Золото Калмыкова (Шанхай – Владивосток, 1920 год)

Поздним ноябрьским вечером Берг и Медников коротали время в плетеных креслах в излюбленном уголке сада. Говорить особо было не о чем – мужчины рассеянно наблюдали за павлином – его Медников приобрел, с позволения хозяина, первым делом после появления в Шанхае – и лениво перебрасывались короткими репликами, поджидая возвращения домой Андрея. Даже бутылка бренди нынче была не тронута – не было настроения.

– Кочет и кочет, – сплюнул Медников в сторону павлина. – И ходит-то по-куриному, гляди, Мишель! Башкой потряхивает, ногу поднимет и замрет – чисто кочет! А уж вопит-то! Задумаешься, а он «каркнет» за спиной по-своему – аж вздрогнешь с перепугу... Только и радости в ём, что хвост красивый...

Агасфер зевнул, глянул на старого друга с насмешкой:

– Тебя послушать, Евстратий, так можно подумать, что этого павлина тебе силком всучили! Сам же вцепился: «Такой, мол, сад – да без павлина! Всю жизнь мечтал, мол». Вот и побаловал себя на старости лет, слушай теперь его карканье, да хвостом любуйся! Спасибо, конечно, что не снежного барса, не рысь или медведя захотел – те не каркают! Едят сразу тех, кто уши развешивает...

– Дык знать бы заранее, как оно орет – в жизнь бы не купил, – оправдывался Медников. – Но хвост у него, признайся, Бергуша, прямо царский! Смотри, смотри – растопырил опять!

Павлин, гордо распутив хвост, неожиданно сложил его и опрометью нырнул в кусты.

– Чего это оно стрекануло? – подивился Евстратий, но Агасфер предостерегающе поднял руку, прислушиваясь. И все равно шагов не услышал – на дорожке беззвучно возник Линь.

Вид у него был усталый, одежда заметно пообтрепалась, лицо и шея стали коричневыми от яростного солнца.

– Явились. Слава богу! – перекрестился Агасфер.

Он шагнул к китайскому юноше, обнял и тут же отстранил, с тревогой заглянул в лицо.

– А Безухий? С ним все в порядке? Живой? Где он?

Линь застенчиво улыбнулся. Тщательно подбирая слова – говорил он по-русски все еще плохо, – заговорил отрывочными фразами:

– Безухий – все хорошо. Он на арба в Старый город остался – белого дьявола охранять. Сюда Безухий боись идти, я один пошел.

– Где ж вы почти два месяца пропадали, черти китайские? – сердито выговаривал Агасфер, нивелируя тон сердечной улыбкой и похлопыванием по плечам. – Я ж наказывал: депеши давать время от времени. Наказывал или нет, Линь?

Тот лишь пожимал плечами.

– А почему Безухий побоялся сюда идти? Какого белого дьявола он охраняет? Самовольничает все? Как съездили-то? – Агасфер буквально засыпал юношу вопросами.

– Съездили хорошо, все сделали. Тюрьма в Гирине и Фушуне нашел, деньги тюремщикам давал, с нужными людьми говорил, – Линь показал четыре пальца. – Столько белый дьявол от Калмыковской банды живой остался. Ты все верно говорил, хозяин. Все был так, как ты говорил.

– Погоди, Линь, сядь-ка! Ничего не понимаю. – Агасфер силком усадил юношу в кресло, присел рядом на корточки. – Я правильно понял, что из банды Калмыкова в живых четверо только осталось? А остальные где? Их ведь не меньше 30 человек должно было в тюрьме остаться?

– Подох остальной мало-мало, хозяин. Китайский тюрьма кормить нет, бить всех шибко. Кто тюрьма сидит – подавание просит. Который китаец – тем люди мало-мало подают. Белым дьяволам – только плюют в миски. Безухий шибко много думал – потом решил, что все белый дьявол совсем в Фушуне подохнет – одного выкупил у тюремщика, сюда привез. Арба, лошадь покупал – и привез.

– Как привезли?! – Агасфер замотал головой. – От Фушуня только до побережья верст двести! Вы живого человека везли? А если бы полиция? Это ведь не бурдюк с водой: заорал бы – и вас всех арестовали.

– Белый дьявол обратно в тюрьму шибко не хотел, – улыбнулся Линь. – А чтобы молчал, Безухий его всю дорогу ром поил. С опиумом – дьявол ром глотнет, опиум пожуёт и снова спать.

– Ну, ладно, до побережья добрались – а дальше?

– Дальше Безухий лодка нанял. Один лодка, два лодка, три – так и Шанхай приплыли. Тут опять арба нанял, в Старый город повез. Там у Безухого родственники живут – у них в яме белый дьявол спрятал. Сюда боись ехать – тут инглиш полиция, сэттльмент!

– Зачем же вы столько мучились, горе вы мое китайское?

– Как зачем? – обиделся Линь. – Тебе свидетель нужен? Нужен! Без свидетель японские собаки не поверит, что другой их собака американское золото украл!

Агасфер молча обнял Линя, повернулся к Медникову:

– Иди, Евстратий, Андрея буди: я с одной рукой по темноте боюсь рулить. Поедем, поглядим – что за «улов» нам привезли?

– Сегодня не нада, хозяин! – остановил Линь. – Сегодня белый дьявол ром много жрал, говорить совсем не моги. Спит. Утром поедем, я дорогу покажу... Безухий так сказал!

– Ну, раз Безухий так сказал – ладно. Сам-то устал, поди, Линь? Есть хочешь? Пошли, поищу чего-нибудь в буфете.

– Не нада, хозяин. Мой поел, спать только мала-мала хочу.

– Ну, иди, спи тогда! Молодец! – Агасфер повернулся к Медникову, похвастался. – Вот работнички у меня! Живого свидетеля из тюрьмы притащили, черт-те откуда!

– Это не работники, – серьезно поправил тот. – Это друзья настоящие!

Помолчав, Медников словно вскользь поинтересовался:

– Слышь, Бергуша, а ты с Андреем-то говорил начистоту?

Агасфер помрачнел:

– Знаешь, как на больную мозоль наступать, Евстратий... Нет, не говорил. Несколько раз порывался – и не могу! Ему же все – понимаешь, все! – рассказать придется. А вдруг не поверит? В восемнадцать лет, знаешь ли, весь мир только в черно-белое раскрашен, полутонот нет! Вообразит, что придумал я насчет своей заброски в Японию – чтобы оправдать службу на Осаму... Без меня ведь он вырос, в Европе...

– Выходит, боишься, что отцу родному не поверит? – крикнул Медников.

– И очень даже просто. Он, как вернулся, сколько раз уже о России меня пытается: почему не возвращаемся? А почему бы, мол, не попробовать? Что мы, мол: так и будем в Шанхае жить?

– Может, мне попробовать поговорить? – нерешительно предложил старый сыскарь.

– Не вздумай! – предостерег Агасфер. – Тоже мне, присяжный поверенный выискался!.. Ладно, сам вижу: тянуть более некуда. Завтра поговорю. Съездим вот, на «дьявола» полюбуемся – и потолкую... А сейчас пойду шифровку Осаме готовить. Чтобы тоже завтра с утра и отправить...

Поднявшись на второй этаж, Агасфер прислушался: мягкие прыжки и резкие выдохи доносились из дальней комнаты, превращенной Андреем в зал для тренировок. Дверь в зал была настежь распахнута, и Агасфер, громко кашлянув, заглянул внутрь.

Андрей, одетый в белые штаны и свободную рубаху, мельком обернулся:

– Заходи, отец! Я как раз отрабатываю позу «дули-бу»! Смотри! – Андрей стоял на одной правой ноге, поджав вторую, согнутую в колене, к животу. – Из позиции «гунн-бу» подтягиваем на носке вторую ногу и поднимаем ее коленом к груди. Одну руку нужно занести ладонью вверх над головой, а другая рука, направленная ладонью вниз, прикрывает живот от возможной атаки. Корпус нужно держать прямо, с небольшим наклоном вперед, в сторону противника...

Андрей сделал неувловимое плавное движение и снова замер.

– Принятая позиция, отец, и называется позицией «дули-бу». Она воплощает в себе образ журавля. Для сохранения устойчивости нужно согнуть колено опорной ноги. Теперь нужно попробовать принять толчок партнера...

– погоди, Андрей! – взмолился с улыбкой Агасфер. – «Гуди-дули – бу-бу»! На журавля похоже, верно, а все остальное для меня китайская грамота! Ты лучше скажи: можешь меня с Линем завтра утром в Старый город свозить?

– Nein problem! Куда прикажете! – Андрей в два прыжка оказался рядом с отцом и поднес к его лицу руки. – Смотри, какие уже мозоли на суставах!

– Мозоли? На таких местах? – недоверчиво прищурился Агасфер, ощупывая необычные затвердения на руках сына.

– А что ты хотел, отец? – рассмеялся Андрей. – Это же кунг-фу²⁵... Учитель заставляет меня лупить кулаками по деревянным дощечкам до тех пор, пока они не ломаются! Ты, по моему, сам хотел, чтобы я освоил это боевое искусство, нет?

– Но мне говорили, что кунг-фу – это не только силовое единоборство, но прежде всего философия познания китайских традиций, – запротестовал Агасфер. – Хороша философия – с разбитыми и изуродованными суставами!

– Не беспокойся, отец. Мой учитель всякий раз, прежде чем вручить мне проклятые дощечки, часа полтора говорит об искусстве владения своим собственным внутренним состоянием, учит осознавать реальность сиюминутно меняющейся ситуации вокруг нас и об умении влиять на эту ситуацию. Разве это не философия? Одно только плохо, – вздохнул Андрей. – Не зная китайского языка, я осознаю это учение через переводчика... Стой, папа! Ты сказал – Линь вернулся?! Когда? Что же ты молчишь? Где он?

Андрей умчался так быстро, что Агасфера только воздухом обдуло. Покачивая головой, он пошел в свой кабинет и начал было составлять шифровку в Токио, но тут же бросил, вспомнив, что не знает пока никаких подробностей.

Осаме от Агасфера.

Курьеры из Гирина вернулись. Версия о краже золота n-ком Суги подтверждается документально. Привезен свидетель, войсковой старшина Клок, готовый подтвердить факт передачи золота Суги и получения от него расписки. Позднее расписка была отобрана под угрозой оружия тем же полковником...

Положив ручку, он достал из потайного ящика с шифровальными принадлежностями, пересел к камину, закурил тонкую сигару.

Задумавшись, он вздрогнул, когда неслышно вернувшийся Андрей громко объявил:

– Ага, вот и пойман с сигарой в зубах! Отец, ты же обещал побереечь себя...

---

²⁵ Кунг-фу – это классическое китайское боевое искусство, зародившееся в древнем монастыре Шаолинь. В 1723 году Шаолинь, будучи центром восстания, после долгого и кровопролитного сражения был сожжен. Лишь несколькими монахам, в совершенстве владевшим боевой техникой, удалось скрыться. Позже эти монахи стали обучать владению своим искусством население Китая. Потом кунг-фу попало на остров Окинава, находящийся к югу от Японии и бывший центром торговли между двумя государствами. Именно здесь, на Окинаве, на пересечении японской и китайской культур, возникла форма, из которой берут свое начало все существующие ныне многочисленные стили и школы карате.

Агасфер виновато развел руками и промолчал, с досадой глядя, как Андрей садится на его место и машинально берет в руки листок с незаконченной шифровкой.

– А я думал, ты с Линем болтаешь...

Андрей нахмурил брови, поднял на отца внимательные серые глаза.

– Линь уже спит. Он, наверное, очень устал. А это что такое, отец? Прости, но бумага открыто лежала на столе, и я прочитал раньше, чем сообразил, что это нехорошо.

Агасфер вздохнул: вот так разведчик, подумал он. Вот так разведчик: разбрасываешь бумаги и забываешь... Похоже, завтрашний разговор начнется уже сегодня!

– Это разведдонесение, сынок, – стараясь оставаться спокойным, начал говорить Агасфер. – Сначала составляется текст донесения, потом он шифруется определенным образом и передается резиденту. То бишь начальству...

– «Осаме от Агасфера», – процитировал Андрей. – Агасфер – это ты?

– Да, это мой рабочий псевдоним. Или кличка.

– Отец, ты и вправду шпион? Ты шпионишь на этого Осаму? На Японию? Зачем? – голос Андрея сорвался, однако он откашлялся и глядел на отца, не отрываясь.

– Не все так просто, Андрей! – Агасфер сделал две глубокие затяжки и швырнул сигару в камин. – Ты не поверишь, но я хотел рассказать тебе обо всем завтра.

– Завтра? – в полосе Андрея послышалась горькая насмешка. – Надо же! Потому, что я увидел твою шифровку сегодня? А если бы не увидел? Тогда послезавтра? Или вообще никогда?

Брезгливо отодвинув бумагу, Андрей встал.

Агасфер тоже поднялся с места:

– Всякий разговор надо заканчивать, сын! Давай закончим и этот, раз уж начали.

– Чего уж тут заканчивать? – скривил губы Андрей. – Все ясно и так!

– Сядь! Сядь, – повторил Агасфер уже с металлом в голосе. – Ты уже стал мужчиной, Андрей. А раз стал – негоже мужчине уходить от трудного разговора. Сядь!

Усевшись сам, Агасфер достал новую сигару, но закуривать не стал, так и теребил ее в руках. Андрей сидел на самом кончике кресла, опершись локтями на колени и опустив руки и голову.

– Мы познакомились с твоей мамой в Петербурге, – начал глуховатым голосом Агасфер. – Я уже был на государственной тайной службе. И вскоре после знакомства с твоей мамой, с моей Настенькой, получил очень важное задание. Я должен был надолго покинуть Петербург и вообще Россию. Я пришел к твоей маме прощаться... Не думал, просто предположить не мог, что она согласится разделить со мной эту дорогу – мы ведь совсем мало успели узнать друг друга! Мы никогда прежде не говорили с ней о любви, о дальнейших планах – а она сказала, что поедет со мной! Я был счастлив. Почти целый год мы были рядом: жили в Иркутске, потом вместе пересекли Сибирь на тарантасе, на какое-то время осели во Владивостоке. Мама уже была беременна тобой, и через несколько месяцев после твоего рождения приехала ко мне на Сахалин...

– Ты никогда не говорил о том, что вы с мамой жили на Сахалине, – Андрей поднял на отца серьезные и чуть удивленные глаза. – Там же была каторга?

– Еще в Петербурге я получил задание дать себя завербовать японской спецслужбе, Андрей. Это было не очень сложно: в то время вся Россия кишела японскими шпионами. Это случилось в Иркутске. А с Сахалина было легче всего перебраться в Японию.... И мы с твоей мамой попали туда, – продолжил, словно не слыша последнего вопроса, Агасфер. – В Японии я виделся с ней и с тобой очень редко и недолго. Поверь, я очень боялся за вас с мамой, боялся сделать какую-то ошибку, за которую пришлось бы расплачиваться вам с ней. Шла война между Россией и Японией, время было очень... неопределенное.

– Ты хочешь сказать, что раньше был русским разведчиком, отец? – недоверчиво спросил Андрей.

– Я очень мало успел сделать для России, Андрей, – с оттенком вины вздохнул Агасфер, доставая из сейфа золотой хронометр с царскими вензелями Николая II. – Но кое-какие заслуги, как видишь, отмечены самим государем. Впрочем, ты можешь поинтересоваться петербургским периодом моей работы у дяди Евстратия. Там мы служили вместе с ним.

– А он говорил, что вы воевали вместе. Там, где ты потерял руку. Но когда я спрашивал – на какой войне, он только отшучивался, – Андрей взял в руки хронометр. – Ого, какой тяжелый! Его правду русский царь тебе подарил?

– Передал, – поправил Агасфер. – Я не был в России с 1903 года. Сначала Япония, потом Шанхай...

– Ну, а сейчас? Ты же не работаешь на большевиков, отец?

– Не работаю, – подтвердил Агасфер. – Я потерял связь с русской резидентурой в Петербурге еще до переворота в России. Какие-то дрызги в высших эшелонах власти – а я остался крайним. Но даже если бы этих дрызг не было, большевистский переворот в России сделал невозможным возврат к прошлому. Так все и получилось, сынок...

Андрей помолчал, осмысливая услышанное.

– Но если твоего русского начальства уже нет, то зачем ты работаешь на японскую разведку, отец?

Агасфер пожал плечами: он и сам много раз задавал себе этот вопрос. И не находил на него ответа. Но сын не отставал:

– Надеешься, что в России когда-нибудь все повернется к старому?

– Не думаю, сын. Если совсем коротко – то в России полный хаос, Андрей, – поморщился Агасфер. – Люди словно с ума сошли ... Россия нынче воюет практически на всех границах и даже внутри оных. На западе – Польша с англичанами, на юге – Врангель, в Чите – атаман Семенов... В Приморье хозяйничают японцы с американцами...

– Не слышно гордости в твоём голосе, – невесело усмехнулся Андрей. – Мы ведь с тобой тоже японцы...

– Мы подданные Японии, – чуть резче, чем следовало, отозвался Агасфер, поправляя стопу газет на столе. – И до сих пор это давало нам возможность спокойно жить и чувствовать себя в Шанхае. А японский паспорт помог тебе, между прочим, получить европейское образование. Разве плохо иметь Оксфордский диплом? Или диплом Болонского университета? К тому же не забывай, Андрей, что мы получили подданство Японии еще до революции в России! Так надо было, понимаешь? И ты поехал учиться в Европу до этой проклятой революции...

– Согласен, отец, – кивнул Андрей. – С русским паспортом – если, конечно, в нынешней России существуют, кроме большевистских мандатов, и паспорта – это было бы, наверное, невозможно. Впрочем, доучиться и получить степень магистра ты мне так и не дал, отец. Вызвал в Шанхай...

– Мы уже говорили с тобой об этом, Андрей, – Агасфер швырнул в камин вконец разлохмаченную сигару. – Я волновался за тебя...

– Ну, и что теперь, отец? Ты полагаешь, что Россия «заболела» так серьезно, что ее уже невозможно «вылечить»?

– А ты спроси у дяди Евстратия – кому мешала его ферма в Подмосковье? Он ведь вернулся туда после переворота. Все своими руками, своим умом нажил! Никого не эксплуатировал! Занимался хозяйством, кормил людей. И что в результате? Пришли большевики, отобрали все стадо в сорок голов, поотрывали головы сотням гусей и кур, а Медникова едва не расстреляли за «частнособственнические» инстинкты... Тихона, дворника знаешь, который каждый день эту Бабблинг-роуд подметает? А ведь он с германской войны полным георгиевским кавалером в Петербург вернулся! И что? Иди, говорят ему новые власти, теперь за нашу власть

повоюй! Он и «повоевал» две недели, посмотрелся, как комиссары с русскими крестьянами лютуют. Господи, их-то за что? Он и не смог воевать со своими, подался в Белое движение, а через два месяца в окружение к красным попал. Сорвали с него перед строем кресты его, кровью заработанные, и к стенке поставили. Чудом жив остался, ночью из-под трупов вылез, подлечился у однополчанина и в Сибирь подался. А оттуда – в Китай. В Харбин, потом сюда... Ему что – тоже прикажешь в Россию возвращаться? Ты оглянись, Андрей: сколько братьев-славян сюда, в китайщину понаехало. Неужели от хорошей жизни все? Или родину свою меньше тебя любят?

– Но ты же против новой власти не воевал, отец!

– А кто спрашивать станет? У новой власти в России разговор короткий! Офицер? Стало быть, «белая контра»! Золотопогонник! Чуждый элемент для ихнего пролетариата – значит, добро пожаловать к стенке! А моя биография им и вовсе не понравится. Японским подданным был? Да в России за меньшее нынче расстреливают, сынок!

В кабинете повисло долгое тягостное молчание.

– И что же теперь делать будешь, отец? – наконец нарушил молчание Андрей. – Вернее, что мы с тобой делать-то станем? Я тебя ни за что не виню, поверь! Но нельзя же до конца жизни на японцев работать!

Агасфер присел рядом на подлокотник кресла, обнял здоровой рукой сына.

– Спасибо, сынок, что не отделяешь меня от себя. Что понимаешь. Что не винишь ни в чем... Есть у нас с тобой выход, Андрей. Непростой, и даже опасный, но есть!

– Уедем потихоньку из Шанхая? – разулыбался Андрей. – А что? Деньги у тебя есть, мир большой!

– Из разведки просто так не уходят, сынок. Уйти и до конца жизни с оглядкой жить – не дело. Нельзя нам бежать – искать станут! А японцам терпения не занимать – найдут!

– И как же тогда быть?

– Линь сегодня вернулся, как видишь. Я его с Безухим по последнему японскому заданию посылал, Андрей. Ты про золотой эшелон Колчака что-нибудь слышал?

– Кто ж не слышал о колчаковском золоте, – невольно усмехнулся Андрей. – А что?

– Вообще-то его каппелевским золотом называть надо. Так правильное будет, – машинально поправил Агасфер. – Ну, да бог с ним, с названием. Не в нем дело. А в том, что по пути от Самары до Иркутска очень много из того золотого запаса империи порассыпалось, потерялось. Украдено много было... Так вот, Андрей, мой резидент в Японии и его начальство полагают, что часть этого золота еще можно найти...

– Тебе поручено найти это золото?! Но как? Отец, ты сам говорил, что в России бедлам, Содом и Гоморра! Тебе никак нельзя туда ехать!

– Надо, Андрюха, – тряхнул сына за плечи Агасфер, подмигнул. – Поедешь со мной?

– С тобой? Ты не шутишь, отец? Тебе же... Больше шестидесяти уже, верно?

– Шестьдесят плюс твои восемнадцать – получится почти восемьдесят. На двоих – по сорок. Нешто не справимся? В самом соку команда, а?

– Ты все шутишь, отец! – невесело усмехнулся Андрей. – Какой я тебе помощник? Ничего не знаю, ничего не умею...

– Ты Киплинга читал, Андрей? «Книгу Джунглей»? Помнишь, как там сказано: «Мы с тобой одной крови!» Значит, должно получиться! А знаешь, почему должно? Потому что после этого я «в отставку» уйду. Понял, сын? Уговор у меня с Осамой! Слово им дадено!

– Это же здорово, отец! – Андрей вскочил, обнял отца. – Не обманет он?

– Я Осаму давно знаю. Он свое слово обратно не берет, – Агасфер невольно вздохнул. – Только для этого мы с тобой должны вернуться из России живыми!

* * *

Ответ из Токио пришел быстро. Осама сообщил, что командиру стоящей в Шанхайском порту канонерской лодки 7-го ударного отряда ВМФ Японии отдан соответствующий приказ доставить во Владивосток Агасфера вместе с захваченным в Фушуньской тюрьме калмыковцем Клоком. Капитан-лейтенанту Канэко отдельной директивой Императорского Генштаба вменялось в обязанность помочь агенту Бергу людьми и техническими возможностями.

Помощи не потребовалось. Пленнику перед отправкой выпоили бутылку рома, и спящим подвезли прямо к борту канонерки. Едва прочухавшего Клока под руки завели по сходням. Удивленно-презрительная улыбка капитан-лейтенанта исчезла, когда Агасфер вкратце объяснил причину пьяного состояния «спецпассажира» и длинный путь, который был проделан его «конвоирами» с севера Китая.

– За двое-трое суток пути во Владивосток этого человека надо привести в порядок для допроса, – объяснил командиру Агасфер. – Поэтому поить его больше не надо. Однако, боюсь, господину Клоку, когда он протрезвеет, не захочется возвращаться в Россию. И возможно, он будет проявлять недовольство. Или попыбует сбегать...

– Не стоит беспокоиться на сей счет, – нехорошо улыбнулся Канэко. – Я прикажу посадить его в канатный ящик и буду держать там до самого Владивостока...

* * *

Агасфер глядел на приближающийся берег русской земли с трудно передаваемыми чувствами. 17 лет назад рейд в Золотой Бухте был пуст – сегодня здесь щетинились расчехленными пушками серые хищные громады военных кораблей под флагами Японии, Америки, Англии.

Ключья тумана пока не давали рассмотреть причал порта. Отсюда Агасфер много лет назад отбыл на Сахалин, оставив на причале беременную Настеньку... Он вглядывался в бело-серую муть, вцепившись в фальшборт здоровой рукой – словно хотел увидеть причал таким, каким он был без малого два десятка лет назад. Но увь... Вместо групп людей в развевающихся плащах-крылатках – звонко цокающие подковы сапог солдатских взводов в чужой форме, гор-танные выкрики команд. Вместо конных экипажей с нарядными дамами по причалу разье-зжают мотоциклеты и тупоносые фургоны.

Канонерскую лодку ждала группа людей в плащ-палатках, накинутых поверх военной формы. Едва с борта скинули сходни, военные дружно поднялись наверх. Агасфер двинулся было навстречу Осама, но тот остановил его:

– Где ваш «найденыйш», барон? Я хочу взглянуть на него, прежде чем...

– В чем дело, Осама-сан?

Японец оглянулся на своих сопровождающих, успевших пройти вперед и принимавших рапорт командира корабля. Придвинувшись, зашептал на ухо Агасферу:

– От вас одни неприятности, Берг! Ваша шифровка произвела в отделе эффект разорвавшейся бомбы! Помните – я ведь упоминал, что полковник Суги зять министра...

– Вам не угодишь, Осама-сан! – парировал Агасфер. – Да и какая, к дьяволу, разница – чей он зять? Мои люди потратили почти месяц, чтобы разыскать свидетеля в тюрьме в Фунь-шуне, выкупили его у продажных китайских тюремщиков едва живого, и еще месяц, рискуя жизнью и свободой, тайком везли его в Шанхай.

– Тише! – прошипел Осама. – А вы уверены, Берг, что это тот самый войсковой старшина Клок? Учтите, у защитников полковника Суги на руках целая куча документов, в том числе и несколько фотографий этого Клока, и письменное подтверждение китайского военного наместника в Гирине о том, что этот Клок был осужден и приговорен к повешению два месяца

назад! Надеюсь, вы не пытаетесь сейчас в подтверждение своей версии подсунуть мне вместо бандита из банды Калмыкова какого-нибудь русского бродягу?

– О-о, господин Осама, даже так? – мгновенно сориентировался Агасфер. – Что ж, у вашего полковника, наверное, очень влиятельные родственники в Генеральном штабе, если вы подозреваете своего агента с двадцатилетним стажем в «подлоге»!

– Тише, Берг! Я никого и ни в чем не подозреваю! Но полковник Суги, как выяснилось, женат на...

– Мне наплевать на родственные связи полковника, Осама-сан! И учтите, генерал: мне тоже не понравился вид этого бандита, когда его вытащили из ямы в Старом городе и впервые показали мне. Он зарос бородой чуть не до пояса, был худой и грязный, как какой-нибудь пакистанский дервиш. Да и месячная попойка ему на пользу не пошла – его постоянно поили ромом и пичкали опиумом, чтобы он молчал во время длинного путешествия в арбе через пол-Китая и не привлек внимания полицейских и стражников. Но несколько дней в Шанхае у меня было, Осама-сан! Прежде всего, я не хотел подвести вас! Я не только отпарил бывшего войскового старшину в турецких банях и привел его в соответствие со старыми фотографиями. Я очень подробно допросил Клока и о «деяниях» его банды в Хабаровске, и о знакомстве Калмыкова с полковником Суги, об его привычках и любви к маленьким девочкам. Особое внимание я уделил обстоятельствам передаче полковнику золота. Допросы, между прочим, засняты мной на кино пленку, Осама-сан!

На палубе раздался дробный перестук ботинок бежавшего флотского офицера. Торопливо откозыряв Осаме, он выдохнул:

– Господин генерал, вас срочно вызывает генерал Озава!

– И он тут! – хмыкнул Агасфер.

– Ждите здесь, Берг! – торопливо распорядился Осама. – Я верю всему, что вы мне рассказали. Но золото, Берг! Если мы не найдем у Суги золота, у нас с вами будут очень крупные неприятности!

– Найдем, Осама-сан! – крикнул вслед Агасфер. – Дюжина ящиков – это не кошелек, украденный карманником в трамвае!

* * *

– И где же мы будем искать эти проклятые ящики, Берг? – мрачно осведомился Осама, разливая по стаканам свой любимый бренди. – У полковника было больше полугода для того, чтобы по-умному распорядиться своей добычей. Полковник Суги, разумеется, все отрицает и в принципе спокоен. Во всяком случае, угроз пожаловаться тестю пока не слышно. А вот генерал Озава рвет и мечет.

Мужчины коротали вечер в офицерском клубе, наскоро оборудованном в здании бывшего купеческого собрания на Алеутской улице.

– А если он уже успел отправить золото с оказией в Японию? – продолжил японец. – Или дал распоряжение своим солдатам закопать его где-нибудь вблизи дислокации своего полка?

Агасфер вертел в пальцах свой стакан и едва заметно улыбался.

– Ну, что вы молчите, Берг? С февраля нынешнего года отсюда в Японию ушло 23 парохода с трофеями, то есть с грузами хозяйственного назначения. Он мог отправить золото на любом! Кроме того, в порт заходила уйма японских военных кораблей – с пополнением воинского контингента, боеприпасами... Он мог договориться с любым из капитанов...

– Думаю, что не мог, Осама-сан, – заговорил, наконец, Агасфер. – Золото – штука притягательная. Делиться с кем-то не хочется, да и страшно. Вот представьте себе: попросили вы товарища отвезти 30 пудов золота в Японию. Приезжаете через какое-то время, идете к това-

рищу – а он делает удивленные глаза: какое золото, друг мой? Не будете же вы в суд на непорядочного товарища подавать, верно, Осама-сан?

– А закопать клад?

– Калмыков давно спланировал свой уход из Хабаровска – на запад, к Семенову, – напомнил Агасфер. – Но с пустыми руками уходить он не хотел. Свой человек в банке предупредил его, что скоро Американский Красный Крест поместит в хранилище золотые слитки. Это для Калмыкова было знаком Фортуны, и он ждал, хотя каждый лишний день в Хабаровске был для него смертельно опасен. Американцы привезли золото в банк только утром 12 февраля. И уже в ночь на 13-е Калмыков совершает налет на банк, забирает золото – но время ухода за кордон уже упущено! Красные к тому времени практически окружили Хабаровск. У Калмыкова в отряде почти 600 штыков и только один путь отхода – на Владивосток! Он бросается на вокзал, реквизирует десяток вагонов и паровоз и мчится со своим отрядом во Владивосток. Клок утверждает, что ехали они почти двое суток: приходилось часто останавливаться, чтобы напилить в тайге дрова для локомотива, починить разобранные партизанами пути и так далее.

– Но ведь этот бандит знал, что Владивосток кишит японскими войсками, Берг! – запротестовал Осама. – Почему вы исключаете, что Калмыков мог спрятать золотой запас где-нибудь на перегоне из Хабаровска в Приморье?

– Вы называете Калмыкова бандитом, Осама-сан, но это не совсем так, – Берг извлек из внутреннего кармана кителя сложенный лист бумаги и положил перед собой. – Вот короткая справка по атаману, я подготовил ее в период работы на Американский Красный Крест. Справку пришлось немного дополнить уже для вас – нового в Приморье человека, незнакомого с деталями здешней политической обстановки. Почитайте, Осама-сан! А потом я продолжу свои умозаключения.

Осама поджал губы, недовольно оглянулся по сторонам. По его мнению, офицерский клуб был не самым лучшим местом для изучения оперативных документов. Но он все же развернул бумагу и принялся читать.

Калмыков родился в станице Грозненской Терской области. Отец – мелкий лавочник из Харькова, мать – местная казачка. Учился в духовной семинарии, но изгнан за оскорбление действием преподавателя. Калмыков поступил в Чугуевское военное училище, вышел из него подпоручиком и направлен на службу в саперный батальон. Через год подделал документы и был принят в общество уссурийских казаков, хотя никакого отношения к казачеству не имел. Перевелся на службу в их полк. Хорошо воевал на фронтах Первой мировой войны, был отмечен несколькими боевыми наградами и даже именным Георгиевским золотым оружием. После Февральской революции казаки потребовали его удаления из полка за кулачные расправы с подчиненными, и подъясаул Калмыков был переведен в штабс-капитаны и отчислен в войсковой резерв Киевского округа.

Но вместо Киева Калмыков снова едет на Дальний Восток, где о его самозванстве не знают. Скрыв историю с отчислением из полка, он приписался к Уссурийскому казачьему войску в станице Гродеково. В октябре 1918 года Калмыков созвал Чрезвычайный войсковой Круг и волей Уссурийского казачьего войска был произведен в генералмайоры.

Колчак и белые власти, за исключением атамана Семенова, не признали столь стремительную карьеру «генерала». Да ему это и не надо было. В январе 1918 года Калмыков начинает тесно сотрудничать с английским майором Данлопом, с генералом Накашимой и подполковником Сакабе. Союзники обещали уссурийцам помощь и поддержку в борьбе с Советами, выделили «генералу» кредит – 2 миллиона золотых рублей.

Калмыков начал войну с большевиками. Взял Уссурийск, вместе с союзниками двинулся на Хабаровск, который контролировал два года. Объединившись с атаманами Семеновым и

Гамовым, он отказался признавать власть и руководство союзников и творил, что хотел. Получил прозвище «кровавый» и от красных, и от белых, от союзников и казачества.

Больше всего доставалось от атамана большевикам и китайцам. Последних убивали и грабили, из-за чего у Омского Верховного правителя возникали дипломатические скандалы с Китаем. В декабре 1919 г. отношения Калмыкова с союзниками достигли критической точки. Части 27-го американского полка в Хабаровске были приведены в состояние боевой готовности для защиты от возможного нападения со стороны калмыковцев. Американцы готовились разделиться с атаманом, и тогда он решил пробиваться на запад к Семенову.

Но Красная армия, подошедшая к Хабаровску, перекрыла ему путь. Тогда он взял в госбанке золото Красного Креста и отправился во Владивосток, чтобы оттуда перебраться в Китай. Считалось, что это золото Калмыков захватил с собой. Американцы обратились к китайским властям с просьбой вернуть золото, но те ответили, что никаких ценностей у атамана при аресте не оказалось.

Русские дипломаты в Китае ходатайствовали об освобождении атамана, но китайцы заявили, что атаман обвиняется в нападении на китайские военные корабли и в пересечении китайской границы с оружием в руках. Во время контактов Калмыкова с русскими дипломатами был разработан план побега, атаман спрятался на территории консульства. Взять его на территории дипмиссии было противозаконно, но китайцы нашли выход. Его арестовали. Гиринский генерал-губернатор приказал доставить Калмыкова в Пекин. Воспользовавшись невнимательностью охраны, атаман спрыгнул с повозки, захватил револьвер, несколько раз выстрелил в охрану и скрылся. Вскоре был окружен и застрелен.

– Эта часть справки, которую я передал американцам, Осама-сан, – Берг достал из кармана еще один лист и положил перед японцем. – А вот дополнение, которое будет для вас небезынтересным.

Посланные мной в Фушунь люди, подкупив китайских тюремщиков, вошли в контакт с оставшимися в живых калмыковцами. Будучи допрошены поодиночке, они показали:

– золото в количестве 38 пудов из Хабаровского банка было изъято по приказу атамана Калмыкова полковником Савицким;

– по прибытии во Владивосток пластуны отряда Калмыкова произвели разведку в районе наиболее удобных для перехода в Китай мест. Выяснилось, что берег реки Уссури охраняют солдаты стрелкового полка полковника Суги и что без боя прорваться невозможно;

– атаман Калмыков вступил с полковником Суги в тайные переговоры. Была достигнута договоренность о передаче японскому офицеру 12 ящиков с золотыми слитками, в обмен на которые полковник обещал снять с постов на берегу Уссури охрану и обеспечить тем самым уход в Китай отряда Калмыкова числом 600 штыков;

– 20 февраля 1920 года означенное количество ящиков с золотом было привезено на извозчиках к воротам территории дислокации стрелкового полка. Полковник приказал пропустить извозчиков и 10 калмыковцев на территорию части, осмотрел ящики и подтвердил войсковому старшине Клоку договоренность о беспрепятственном переходе границы. Выполняя приказ атамана, Клок потребовал у полковника расписку в получении золота, каковая и была ему выдана. Однако когда казаки попытались покинуть территорию части, расписка у них была отобрана японским караульным офицером;

– в ночь с 20 на 21 февраля отряд Калмыкова скрытно переместился в место перехода, указанное полковником Суги, и вышел на лед Уссури. Когда примерно половина отряда перешла по льду на китайский берег, японские караульные посты открыли бешеный огонь по уходящим калмыковцам. Стрельба привлекла внимание китайских сторожевых постов, и отряд атамана был встречен на другом берегу иквальным ружейным огнем. Оказавшись между двух

огней, отряд потерял большие половины штыков еще на льду. Уцелевшая часть отряда была рассеяна и также погибла под пулями.

– Вы по-прежнему думаете, что Калмыков закопал украденное золото где-то в Приморье, генерал? – поинтересовался Агасфер.

– А вы, Берг, безоговорочно верите сидящим в китайской тюрьме бандитам? – парировал Осама.

– Калмыков был уверен, что уходит из Приморья навсегда. Зачем бы он закапывал золото, если была возможность с его помощью открыть для себя «калитку» в Китай? Клок утверждает, что атаман договорился с полковником о пропуске в Китай очень быстро – едва только Суги услышал о «золотом ключике».

– Допустим. Стало быть, кто-то из штабных офицеров мог все это видеть, Берг!

– Мог и наверняка видел на территории части извозчиков и каких-то штатских людей – но не золото! А что говорит по этому поводу сам полковник?

– Он не отрицает, что в феврале к нему обратились представители отряда Калмыкова с просьбой открыть участок границы. Полковник утверждает, что эта просьба была им с неодобрением отвергнута.

– А как тогда быть с его приказом произвести передислокацию постов на берегу Уссури? Такой приказ нельзя не задокументировать!

– Передислокацию он объясняет полученными сведениями о возможном прорыве границы на другом участке. В его пользу говорит и то, что уходящий по льду отряд Калмыкова был обстрелян солдатами... Берг, я верю вам, как бы мне не было тошно от мысли о предательстве и мздоимстве полковника Суги. Но согласитесь: если мы не найдем золото, обвинения против министерского зятя рассыплются как карточный домик! Поверят не вашему тюремному отребью, а ему! У вас есть хоть какие-то предположения о том, где может быть спрятано золото?

– Есть, Осама-сан. Я много раз допрашивал войскового старшину Клока. И он сообщил мне ряд деталей его переговоров с полковником, которые я не стал упоминать в своей записке. Слушайте: калмыковцы загнали пролетки с золотом на территорию полка и принялись торговаться. Сначала речь шла о десяти ящиках, в каждом из которых было по два пуда золота. Но Суги потребовал отдать ему все девятнадцать ящиков. Сговорились на двенадцати, и Клок потребовал расписку – для гарантии того, что Суги не передумает. Тот поначалу отказался, но калмыковцы упрямо стояли на своем. И полковник сообразил: легко даешь – легко забираешь. В штабе была написана расписка. Вместе с ней Суги передал Клоку письменное разрешение от имени японского командования на проход за кордон «партизанского формирования». Получив бумаги, Клок вышел на плац и показал бумаги Савицкому. Тот дал команду выгрузить двенадцать ящиков прямо возле штаба. Разгрузившись, калмыковцы поехали к воротам, но выехать не успели: их догнал сам полковник с десятком солдат и потребовал вернуть ему только что выданные бумаги. Заметьте, Осама-сан: Клок утверждает, что это были не строевые стрелки, а штабная шушера: писари, каптенармусы, вестовые, денщики. Они были вооружены весьма разнокалиберно: у кого пистолет, у кого карабин или граната. Савицкий был вынужден отдать бумаги, и их выпустили...

– Для чего вы мне все это рассказали, Берг? – помолчав, поинтересовался Осама. – Какая разница – строевики были свидетелями сделки или штабные нижние чины?

Агасфер улыбнулся:

– Большая, господин генерал! Солдат-свидетелей мы бы никогда не нашли. А вот писари и вестовые всегда на месте. У вас есть разрешение на осмотр всех помещений полка, Осама-сан? На допрос самого полковника?

– Только в присутствии генерала Озамы.

– А знакомство со штабными документами вам разрешено?

– Насчет этого разговора не было, – пожал плечами японец.

– Тогда пошли, генерал. Прямо сейчас!

– Но сейчас поздний вечер! – попробовал протестовать Осама. – И полковника Суги в расположении части наверняка нет!

– А он нам пока и не нужен. Пошли, пошли, Осама-сан!

Дежурный по полку с нашивками капитана встретил поздних визитеров весьма подозрительно и заявил, что должен поставить в известность командира полка, господина полковника Суги.

– Звоните! – не возражал Агасфер, удобно развалясь на широком диване.

Дежурный долго крутил ручку полевого телефона, потом попробовал связаться с квартирой господина полковника по городскому телефону – но оба безмолвствовали. Осама, который видел, как Агасфер по пути в штаб немного задержался у распределительной телефонной коробки, сердито молчал.

– Придется посылать на квартиру господина полковника вестового, – наконец, решил дежурный капитан и отдал солдату соответствующее распоряжение.

– Посылайте! Мы подождем, – безмятежно кивнул Агасфер. – Может, дадите что-нибудь почитать, чтобы не было скучно, капитан?

– У меня тут только служебная документация, – буркнул тот.

Посидев еще несколько минут, Агасфер встал, без спроса снял с гвоздика висевший на нем журнал дежурств по штабу нижних чинов и принялся лениво перелистывать.

– Лучше бы вам дожидаться господина полковника, – нерешительно буркнул дежурный.

– Хорошо, – согласился Агасфер, вешая журнал на место. – А это у вас что за схема? Эвакуация на случай пожара или чепэ? Интересно... Вот этот квадратик – штаб, верно?

– Так точно...

– А рядом? Арсенал? Понятно. А дальше – казармы? Слушайте, капитан, а где у вас туалет для господ офицеров?

– На первом этаже, сразу возле входа, – капитан вскочил, пытаясь сообразить, что ему делать? То ли идти сопровождать в уборную странного однорукого полковника-европейца, то ли оставаться наблюдать за генералом.

Не сомневаясь в том, какой выбор сделает дежурный, Агасфер направился к выходу. Сбежав по лестнице, он прошмыгнул мимо ненужной ему уборной и рванул дверь в каптерку, где увлеченно резались в карты около десятка нижних чинов. При виде офицера солдаты повскакивали, побросали карты.

– Вольно, солдаты! Можете сесть. Меня интересуют капрал Кимуро, рядовые первого класса Оота, Иендо, Накамура, – Агасфер быстро перечислил двенадцать фамилий из журнала дежурств. – Кого я назвал – шаг вперед!

Помедлив, семеро солдат, поглядывая друг на друга, вышли вперед.

– Очень хорошо, солдаты. Согласно штабному журналу, вы все дежурили двадцатого февраля, и вечером по распоряжению господина полковника Суги относили в арсенал патроны, привезенные партизанами. Так? – рывкнул Агасфер. – Не молчать – отвечать!

Переглянувшись, солдаты подтвердили предположение Агасфера.

– На какой стеллаж вы положили эти ящики? – продолжал греметь Агасфер.

– Ящики были необычно тяжелыми, и господин полковник разрешил складировать их на крайнем стеллаже, – подал голос капрал.

– Молодец! На партизанских ящиках были какие-то пометки?

– Никак нет! Но мы на следующий день пометили их иероглифом «февраль», – признался один из солдат.

– Хорошо, солдаты! Можете продолжать игру! – И Агасфер выскочил в коридор.

Поднимаясь на второй этаж, он открыл распределительную коробку и сунул телефонные штекеры в нужные гнезда.

– Господин капитан, – обратился он к дежурному. – Чутье мне подсказывает, что телефоны уже исправны. – Звоните господину полковнику. А вы, генерал, можете пригласить генерала Озаву: наша загадка практически решена!

– Что сказать генералу? – осторожно поинтересовался Осама, берясь за трубку телефона.

– Что мы готовы показать ему ту самую февральскую пропажу...

– Вы уверены, Берг?

– Разумеется, генерал!

* * *

Дежурный капитан сорвал с дверей оружейного склада пломбу, распахнул створки и отступил в сторону, пропуская двух генералов и двух полковников – своего, отчего-то очень бледного, и чужого, и европейца, веселого как зяблик.

Генерал Озава, насупясь, обернулся к Осаме:

– Насколько я знаю, здесь должно быть около шестидесяти тысяч ящиков, или около двух миллионов патронов. Как вы предполагаете искать то, что нам нужно, генерал?

– Если позволите, господин генерал, – Агасфер проскользнул вперед, блеснул лучом захваченного в штабе электрического фонарика.

Он прошел вдоль одного стенда с одинаковыми темно-зелеными патронными ящиками, светя фонариком. Перешел к другому, уперся лучом фонарика в еле видный иероглиф «февраль».

– Господин полковник, позовите сюда пару ваших караульных! – спокойно попросил он полковника Суги.

– Но...

– Хорошо, обойдемся без солдат! – примерившись, Агасфер ухватил ящик за боковую ручку, стянул его себе на плечо и без особых церемоний кинул на пол.

Офицеры невольно сделали шаг назад, ожидая, что сейчас окажутся по колено в винтовочных патронах. Однако из разбитого ящика выскользнуло несколько десятков тяжелых тускло-желтых брусков, каждый из которых был завернут в пергаментную бумагу с клеймом монетного двора Филадельфии, САСШ.

Некоторое время офицеры завороченно глядели на золото под ногами. Первым пришел в себя генерал Озава.

– Дежурный! – рявкнул он. – Запереть арсенал, опечатать помещение, выставить усиленный офицерский караул. Весь стрелковый полк привести в состояние повышенной боевой готовности. Идемте в штаб, господа!

Он круто повернулся:

– Ваш пистолет, полковник Суги! – властно протянул руку Озава.

Взяв пистолет из дрожащей руки полковника, он передернул затвор, загоняя патрон в казенную часть и, выцелкнув обойму, протянул его обратно Суги.

– У тебя две минуты, негодяй! – не повышая голоса, закончил Озава. – Ступай к себе в кабинет.

Повернувшись к остальным, он с интересом оглядел Агасфера.

– Господин Берг... Вот вы какой – Агасфер... Кстати, мне уже приходилось слышать, что особенно хорошо вам удаются операции по дискредитации старших японских офицеров. Не так ли?

– Что поручают, то и выполняю, господин генерал...

– Изложите мне письменно ваши соображения относительно этой запланированной экспедиции в Россию, – распорядился Озава. – Приложите реестр необходимого оборудования по вашей легенде, и не забудьте реальные математические выкладки относительно рентабельности экспедиции.

– Слушаюсь, господин генерал! У меня все готово, – Агасфер передал Озаве тонкую папку, содержащую несколько листов бумаги и эскизы чертежей.

Глава пятая Сучья работа (Владивосток, 1920 год)

Покинув расположение стрелкового полка, генералы Осама и шеф разведки Третьего отдела Императорского Генерального штаба Японии генерал Озава молча разместились в автомобиле и направились в резиденцию, предоставленную приезжим командующим 12-й бригадой японской оккупационной армией Японии. Сообщить Ямаде сногсшибающую новость о находке калмыковского золота в арсенале подчиненного генералу полка по причине позднего времени Озава решил завтра утром.

– Что же нам делать с этой находкой, Осама?

– Учитывая все обстоятельства, я бы предложил вернуть золото американцам: в конце концов, это их имущество. Кроме всего прочего, это будет иметь положительный эффект в плане налаживания добрых отношений с ними, – отозвался тот. – Впрочем, это всего лишь мое мнение, господин генерал...

– Без малого 130 кан²⁶ чистого золота, – задумчиво пробормотал Озава. – Каков все же негодяй – этот полковник Суги! И почему он не успел переправить это золото в Японию? Тогда этот вопрос решался бы не нами...

– Хорошо, что Суги нашел в себе силы застрелиться. Теперь с министра снимется хотя бы часть позора за своего зятя, – вздохнул Осама.

– Это уже дело прошлое. А нам надо глядеть в будущее! Кроме того, без генерала Грэвса, этого большевистского обожателя, мы действительно вряд ли сможем найти общий язык с правительством ДВР.

– И стало быть, будущее запланированной нами экспедиция останется под вопросом, – подхватил старый разведчик. – Окончательное же решение по поводу возврата американского золота можно возложить на генерала Ямаду.

– Бросьте, Осама! Неужели вы думаете, что Ямаде может прийти в голову утаить от союзников факт находки краденного у них золота и отправить ценный металл в Японию? Ради дюжины ящиков ссориться с союзниками и вызывать международный скандал? Ф-фу... Вы мне лучше откройте секрет, Осама: как ваш этот однорукий черт так ловко нашел это проклятое золото? Я, например, до сих пор под впечатлением – как мальчишка, на глазах у которого уличный лицедей достал из пустой шляпы кролика!

Осама сдержанно улыбнулся:

– Вы же наверняка, и не раз, видели его досье, господин генерал. У него сверхъестественная память, поразительная наблюдательность и блестящие аналитические способности...

– Я понимаю, у него было достаточно времени, чтобы допросить пленника, Осама. Но, как бы он его ни допрашивал, тот не мог сказать больше того, что видел! Бандиты выгрузили ящики во дворе у штаба и уехали. И все! Почему ваш однорукий сразу повел нас в арсенал?

– Видите ли, господин генерал, золото обычно перевозят в специально оборудованной таре. Я могу предположить – только предположить! – что Агасфер сумел выпытать у пленника то, что бандиты перегрузили золотые слитки в стандартные японские патронные ящики. Второе: он не пропустил мимо ушей признание бандита в том, что расписку Суги у него отбирали не строевые нижние чины, а штабная шушера – писари, караульный взвод и так далее. Логично было также предположить, что полковник Суги, разжившись золотом в стандартных патронных ящиках, догадался спрятать «дерево в лесу» – среди тысяч таких же ящиков. А поскольку

---

²⁶ Японская мера веса, равная примерно 3,75 кг.

арсенал совсем близко от штаба, то и перенесли это золото те же самые штабисты. Дождаясь вас и этого негодяя Сугу, Агасфер полистал журнал дежурств нижних чинов и сразу после этого попросился в уборную. Зная точную дату передачи золота, он нашел в журнале имена дежуривших в тот вечер солдат, заскочил в каптерку, где они обычно собираются, и устроил тем «мини-допрос». Вряд ли полковник Суги приказывал своим солдатам не болтать – скорее всего, он мимоходом упомянул, что отобрал или купил у партизан несколько ящиков патронов и приказал занести их в арсенал. Вот и все, господин генерал!

– Действительно, как все просто, – буркнул Озава. – Вот почему фокусники в цирке никогда не раскрывают своих секретов: отгадки слишком просты. Что ж, я надеюсь, что в экспедиции вашему однорукому тоже повезет.

Автомобиль остановился возле двухэтажного здания, охраняемого японскими часовыми. Осама бросил короткий взгляд вверх: насколько он знал, где-то на чердаке было тщательно замаскированное гнездо пулеметчика. Напуганный обилием партизан и бандитских шайк во Владивостоке, генерал Ямада ничего не хотел оставлять на волю случая.

Выйдя из автомобиля, Озава кивнул своему спутнику, приглашая того зайти:

– Мы не договорили, Осама. Кроме того, хочу угостить вас чашечкой ароматного чая.

– Благодарю, господин генерал, – поклонившись, Осама проследовал за начальством в дом.

Выпив две чашечки чая, Озава махнул рукой денщикам, и те с поклонами попятились из комнаты.

– Итак, Осама, мы с вами говорили о?..

– О некоторой степени везения, свойственному моему старому агенту. Однако осмелюсь заметить, господин генерал, что о везении в намеченной на будущее лето экспедиции не может быть и речи! Нужно принимать во внимание то, что Берг будет заниматься поисками не только на вражеской территории, но под пристальным присмотром согладатаев всякого рода. Кроме того, он намерен попросить у Краснощекова несколько человек для охраны экспедиции. А это еще 4–5 пар внимательных глаз.

– Стоит ли заморачиваться этими несколькими людьми, Осама? Если экспедиция нарвется на крупную банду анархистов, партизан или просто мародеров, малочисленная охрана все равно ничего не сможет сделать. А если Берг найдет спрятанное золото, охранники будут тому свидетелями. Я уже не говорю о том, что они могут прижать нашего агента и попытаться убедить его передать найденный клад большевистским властям.

– Я разделяю ваши сомнения, господин генерал, однако без охраны, полагаю, все же не обойтись. Две подводы с научными приборами, четыре лошади, запас провизии – да в тех голодных краях половины перечисленного вполне достаточно, чтобы стать жертвой грабителей.

Генерал Озава полистал папку, переданную ему Агасфером, несколько раз недоверчиво хмыкнул и поднял на Осаму щелочки внимательных глаз:

– А это что за штуковина? Похоже на буровую машину.

– Это и есть портативная буровая вышка, господин генерал. Как пояснил мне Агасфер, вышка нужна для бурения небольших скважин для закладки мини-зарядов. Привод вышки – от мотоциклетного либо автомобильного двигателя. Агасфер рассчитывает, что до весны наши технические специалисты смогут собрать и скомпоновать эту штуку. Помимо всего прочего, эта мини-буровая придаст экспедиции научную солидность.

– Солидность? – хмыкнул Озава. – Смотрите, чтобы этот негодяй Краснощеков не вообразил, что экспедиция намеревается искать на территории ДВР нефть или золоторудные месторождения!

– Максимальная длинна бура – меньше десяти сяку²⁷, господин генерал: на такой глубине нефти просто не может быть.

– А поверит ли русский президент ДВР в преподнесенную ему легенду о геолого-сейсмических изысканиях, придуманную вашим одноруким?

– Признаться, сам я мало что понял из его объяснений, господин генерал, – позволил себе хихикнуть Осама. – Это относительно молодая наука, изучающая строение земной коры, каких-то тектонических подземных плит и прочую непонятную нормальному человеку чепуху. Однако, учитывая амбициозность русско-американского еврея Краснощекова, он непременно захочет быть в русле этой науки и почти наверняка разрешит проведение исследований в своем Забайкалье. Кроме того, никто ведь и не просит у него на экспедицию денег...

– Вот это и подозрительно, – перебил его Озава. – С чего бы пришлым людям рисковать своими жизнями, организовывать экспедицию за свой счет? А денег у новоявленной республики, думаю, негусто. То есть Совдепия поспешно признала этот «буфер» и наверняка помогает ему с финансами – однако вряд ли этот означает, что господин Краснощек может без отчета тратить помощь центра куда ему заблагорассудится! Даже если проникнется этой идеей...

– Возвращая Грэвсу оплакиваемое им золото, мы рассчитываем, господин генерал, на его содействие, – помолчав, заговорил Осама. – На то, что генерал просто замолвит за идею экспедиции свое слово. А если намекнуть ему на так называемые призовые деньги²⁸? Мы оказываем ему большую услугу, и он не захочет остаться в долгу.

– А с чего бы генералу Грэвсу вообще ходатайствовать за эту чертову экспедицию? – нахмурился токиец. – Я уж не говорю о том, чтобы финансировать ее. И как мы, интересно, сможем объяснить американцу свой интерес в этом деле? Он ведь далеко не дурак, Осама! И сразу заподозрит что-то неладное!

– Хорошо, вы правы, господин генерал, – согласился Осама. – Тогда я предлагаю пойти по самому легкому пути. Мы наносим визит генералу Грэвсу и прихватываем с собой Агасфера. Представляем его как фанатика науки, чудака, который спит и видит свои научные изыскания в такой интересной с точки зрения науки местности, как Забайкалье. Причем чудака, вполне обеспеченного, который ради науки готов взять на себя финансовую сторону организации экспедиции. В конце концов, речь идет о десятке-другом ящиков консервов, нескольких мешках крупы... Да и сама экспедиция – три старика и двое молодых разнорабочих – что может быть безобиднее? От Грэвса требуется только его рекомендация для Краснощекова.

– А если Берг не сумеет заморочить голову Грэвсу? Вдруг тот сам или кто-нибудь из его штаба хорошо разбирается в этой, как ее... сейсмике или тектонике?

– Я уверен, что Грэвс не больший знаток, чем мы с вами, господин генерал.

– Ладно, Осама. А вы уже продумали, как объясним ему находку золота, которое он оплакивает?

– И тут ничего сложного, господин генерал! С вашего позволения, я уже все продумал. Патрульный наряд наших стрелков наткнулся на группу подозрительных личностей, роющихся на берегу Уссури. При попытке задержать их они оказали бешеное сопротивление, и патруль вызвал подмогу. Кончилось тем, что бандиты были перебиты нашими солдатами в перестрелке. А там, где они копались, и были обнаружены эти ящики. Командование обратило внимание, что клеймо на слитках американское и доложило по инстанции. Мы можем подкинуть на то место перестрелки труп этого Клока, если желаете. Все равно его надо куда-то девать...

---

²⁷ Японская мера длины. 10 сяку равно примерно 3,03 метра.

²⁸ Наградные, выдаваемые капитану и команде крейсера, захватившего неприятельское торговое или контрабандистское судно. В данном случае – известный процент с общей стоимости захваченных у противника товаров.

– Хорошая мысль, Осама! Пожалуй, мы так и сделаем... И наконец, последний вопрос – по составу этой экспедиции. Сам Берг в роли ученого-исследователя, китайский бандит Безухий и старый русский сыщик из несуществующей ныне охранной полиции – это, как я понимаю, мозг будущей экспедиции. А кроме них – сын Берга, еще какой-то молодой китаец Линь и некий японец – наши глаза и уши, так сказать. Кому вы доверите эту роль, Осама?

– Если вы не возражаете, то моему собственному сыну. Капитану разведки Осама Масао. Полагаю, вы знакомы с его послужным списком и не будете возражать против его участия в экспедиции.

– Что? Вы хотите отправить русскому черту в зубы собственного сына? – Озава был удивлен, если не потрясен. – Я не ослышался, Осама?

– Только в этом случае я буду уверен, что экспедиция не исчезнет в бескрайних русских просторах, а Агасфер приложит все усилия, чтобы выполнить ответственное задание и вернуться, господин генерал, – твердо заявил Осама.

Озава помолчал, покачал головой:

– Ваше решение – достойный пример для подражания, Осама. Но вы, конечно, должны понимать, что это – чертовски рискованное решение? Мне кажется, что шансов благополучно вернуться у экспедиции – не более одного из пяти.

– Это еще весьма оптимистический прогноз, господин генерал, – вздохнул Осама. – Но Масао вызвался сам, и я не смею перечить столь искреннему желанию послужить великой Японии! Решение принято, и если вы не возражаете, обсуждению не подлежит.

Озава только развел руками.

– И последняя деталь, господин генерал. Я считаю, что порадовать Грэвса найденным золотом и попросить замолвить словечко за нашу экспедицию должен генерал Ямада. Если просьба будет исходить от разведки, американец впрямь может что-нибудь заподозрить. Есть у вас рычаги влияния на Ямаду, господин генерал?

– Ха! После того, как он поднял вчера визг об оскорблении его полковника на весь порт и грозил немедленно отправить депешу его тестю? Даже не сомневайтесь, Осама! Уже завтра утром Ямада будет тих и послушен как ягненок! И он выполнит любую мою просьбу – лишь бы его самого не заподозрили в соучастии с хищением золота!

Озава поднял трубку телефона, связался с дежурным по штабу японских оккупационных сил во Владивостоке и отдал несколько распоряжений:

– Лейтенант, предупредите генерала Ямаду, что завтра утром я посетю его по важному и неотложному делу. Второе: вы знаете дислокацию штаба американцев? Необходимо выяснить, будет ли завтра на месте генерал-майор Грэвс. Договариваться с его порученцами о встрече пока нет необходимости – только выясните, понятно? И последнее, лейтенант: раздобудьте мне завтра грузовик, а еще лучше – крытый фургон для перевозки особо ценного груза. С конвоем, разумеется!

– Ну, вы довольны, Осама? – положив трубку, повернулся к нему токиец.

– Безусловно, господин генерал! Одно соображение: может быть, вам следует все-таки составить компанию генералу Ямаде при его визите к Грэвсу? И непременно прихватить с собой Берга – на тот случай, если у Грэвса возникнут какие-то специальные вопросы насчет экспедиции...

– В этом тоже есть резон, – задумчиво кивнул Озава. – Только, ради всех святых, переоденьте его в гражданское! И вообще: какого черта ваш однорукий носит форму полковника императорских вооруженных сил?!

– Исключительно для маскировки, господин генерал! Но я непременно распоряжусь!

* * *

Узнав о неожиданном визите японского командующего экспедиционным корпусом Ямады, генерал-майор Грэвс ничуть не обрадовался: отношения между союзниками, оккупировавшими Владивосток, оставляли желать много лучшего. Особо напряженными эти отношения были с японцами: американский генерал был истинным солдатом и с трудом переносил бурную «хозяйственную» деятельность, развитую сынами Страны восходящего солнца на русском Дальнем Востоке. Те едва ли не ежедневно суетливо грузили свои корабли русским лесом, демонтированным оборудованием фабрик и заводов и прочим добром, которое назвать военными трофеями, по мнению Грэвса, назвать было никак нельзя.

Однако ничего не поделаешь: noblesse oblige²⁹, как говорят «лягушатники»-французы. Неохотно сняв ноги со стола, генерал встал и даже сделал несколько шагов навстречу незваным гостям.

В кабинет вкатился генерал Ямада, за ним еще один незнакомый Грэвсу японец в генеральской форме. Следом появился пожилой европеец с приятным бритым лицом – левый рукав его статского пиджака был аккуратно подвернут и заколот булавкой. «Нашествие» завершили трое японских солдат, с трудом затащивших в кабинет два патронных ящика. Откозыряв, солдаты тут же удалились.

При виде ящиков Грэвс удивленно поднял брови, однако сдержал готовый сорваться с языка ехидный вопрос и сделал широкий приглашающий жест.

– Добро пожаловать, господа! Располагайтесь, прошу вас!

– Генерал-майор Гревс, позвольте представить вам моих спутников: генерал Озама из Токио и профессор фон Берг, прибывший к нам из Шанхая.

Брови хозяина кабинета поднялись еще выше. Тронув пальцами широкие пшеничные усы, он слегка прищурился из-под круглых очков и заметил:

– Неплохая компания, господа: два генерала Императорского Главного штаба Японии, штатский барон и пара таинственных ящиков! Рановато, конечно, но, может, по стаканчику виски?

Все визитеры дружно отказались. Поскольку обряд представления и гостеприимства был предложением американца и отказом гостей завершен, все расселись.

– У нас хорошая новость, господин генерал, – перешел к делу Ямада. – В этих ящиках находятся слитки золота с клеймом Монетного двора Филадельфии. Еще одиннадцать таких же ящиков находятся у подъезда вашего штаба, в кузове фургона, который охраняют мои и ваши солдаты.

– Боже милосердный! Неужели нашлось золото Красного Креста, который умыкнул негодяй Калмыков со своей бандой? – сорвав с носа очки, Грэвс переводил недоверчивый взгляд с ящиков на визитеров и обратно. – Однако позвольте, господа: я только три недели назад получил от его превосходительства военного наместника из китайского Гирина уведомление о том, что при пойманных бандитах никаких ценностей не обнаружено!

– Тем приятнее наш сюрприз, генерал! – улыбнулся кончиками губ Ямада.

– Но откуда? Я, признаться, уже получил от начальства головомойку за это проклятое золото – хотя, видит бог, моя вина лишь в том, что я в точности выполнил данные мне указания и отправил прибывшее золото сразу после его получения на хранение в местный банк!

Откашлявшись, Ямада преподнес американскому генералу чуть подправленную им версию о перестрелке, в которую вступил патруль японского стрелкового полка на берегу Уссури

---

²⁹ Французский фразеологизм, буквально означающий «благородное происхождение обязывает». В переносном смысле – «честь обязывает» или «положение обязывает»...

с бандитским формированием при попытке последнего погрузить на самодельный плот какое-то снаряжение. Было вызвано подкрепление, на место происшествия прибыл сам полковой командир полковник Суги. Результатом столкновения было уничтожение всей банды, однако шальная пуля не миновала и самого полковника.

– Насколько я помню, Калмыков украл из хранилища 19 ящиков, – заметил Ямада. – Недостающие семь, скорее всего, были увезены бандитами в Китай раньше. Будем надеяться, что рано или поздно они «всплывут» и вернутся к вам!

– Как хотите, господа, но повод выпить по стаканчику у нас все же есть! – решительно заявил Грэвс и отдал соответствующее распоряжение адъютанту. – Должен со всей ответственностью заявить, что подобные проявления воинской солидарности между контингентами разных стран говорят гораздо громче, чем все заявления наших политиков! Ваше здоровье, господа!

Общий разговор, как это и предполагалось, перешел на события в России. О новой реалии Советской России – «буферной» Дальневосточной республике – Грэвс заговорил сам.

– Удивительно, господа, как это большевики решились на подобный эксперимент, – с энтузиазмом говорил Грэвс. – Я, признаться, несколько раз выкраивал время, чтобы посетить Верхнеудинск³⁰ и Читу, чтобы пообщаться с президентом Краснощековым.

– Но нынче осенью в тех краях, насколько мне известно, очень беспокойно, – заметил Озама. – Еще в конце прошлого лета года атаман Семенов перебросил все свои казачьи полки в Восточное Забайкалье, отказался от активных военных действий на Амурском и Верхнеудинском направлениях и засел в Чите, где установил военную диктатуру...

– Вы правы, – кивнул Грэвс. – К тому же в начале года Семенов получил неплохой «подарок»: в Читу прибыла тридцатитысячная армия 29-летнего любимца адмирала Колчака, генерал-лейтенанта Каппеля. Правда, сам Каппель прибыл на место действия в гробу, покрытом знаменами своих лучших полков. Однако Семенов, полагаю, этому только рад: 30 тысяч штыков, остатки золотого запаса Колчака и никакой конкуренции, ха-ха-ха! К тому же адмирал перед своим арестом вынужден был назначить Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока. Так что к нынешнему лету атаман получил полную власть в Забайкалье и даже начал пользоваться в народе некоторой популярностью. Он выпустил собственные деньги, которые имеют хождение на всей территории Забайкалья.

– И даже папиросы с собственным портретом, – усмехнулся Озава, бросая на стол пачку папирос «Атаманские». – Не угодно ли полюбоваться, господа?

– Но все это проходящее, – пренебрежительно махнул рукой Грэвс. – Думаю, что не открою вам секрета, господа, если сообщу, что большевики крепко зажали Семенова, и он уже давно поглядывает в сторону Китая. Партизаны изрядно пощипали его на восточных рубежах, по железной дороге на Читу с востока движутся регулярные части красных. Думаю, что не сегодня завтра атаман оставит Читу. Кстати, именно этот город президент Краснощеков наметил сделать столицей своей республики!

– Генерал, вы, как мне кажется, с полной серьезностью называете эту совдеповскую марионетку президентом, – прищурился Озава.

– И вы не ошиблись, мистер Озава! О-о, если большевики сами не придушат новую республику еще три-четыре года, мистер Абрам сумеет показать всем, чему научился в Америке и с успехом применяет здесь, в Азии!

– Кстати, о вашем добром знакомом, мистере Краснощекове, – кашлянул Ямада. – Если это не военная тайна – вы не собираетесь навестить его в Чите до конца нынешнего года, господин генерал?

---

³⁰ Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) – первая столица буферной Дальневосточной республики до ее переезда в Читу.

– Собраться-то недолго: достаточно отдать приказ подготовить паровоз, сесть в свой салон-вагон, и через день я уже в Чите – если партизаны опять не разберут где-нибудь по дороге рельсы. А что, у вас есть поручения к мистеру Краснощекову, генерал? – пошутил Грэвс. – Если да, то придется немного подождать: я не собираюсь попадать туда в самый разгар всей этой заварушки с Семеновым. К тому же ходят слухи, что к Чите движется Дикая дивизия этого сумасшедшего Унгерна.

– Насчет него можете быть спокойны, господин генерал, – улыбнулся Осаза. – Я имею самые верные сведения о том, что барон Унгерн застрял возле Гусиного озера, в сотне миль от Читы, и не сегодня завтра под ударами красных развернет остатки своей дивизии обратно к Урге³¹. Партизаны Щетинкина с поддержкой конницы Кубанской дивизии для него – слишком серьезный противник...

– Так что там с поручением к мистеру президенту Краснощекову? – вспомнил, улыбаясь, Грэвс. – Уж не желаете ли познакомиться с ним лично?³²

– Я бы не назвал это поручением, генерал. В Забайкалье мечтает побывать профессор фон Берг, – Ямада кивнул на Агасфера. – Фон Берг постоянно живет в Шанхае, но иногда, по поручению нашего министерства природных ресурсов, оказывает услуги и правительству Японии. Он ученый очень редкой специальности, если это слово применимо в научной сфере. Он специалист по изучению земной коры, если я не ошибаюсь. У нас ему поручают исследования почвы в тех районах, где намечается большое строительство, – как вы знаете, господин генерал, в Японии очень часты землетрясения. Впрочем, спектр его интересов гораздо шире; признаться я «плаваю» в его науке. И вот, узнав, что вы весьма дружны с президентом ДВР, профессор буквально упросил взять его с собой и представить вам, господин генерал.

– Вот как? – Грэвс с интересом поглядел на однорукого профессора. – Однако, насколько я знаю, землетрясения в Забайкалье не столь часты...

– Если позволите, господин генерал, – кашлянул Берг. – Дело в том, что Забайкалье, как одна из старейших горнорудных провинций России, вот уже более 300 лет остается крупным источником важнейших видов минерального сырья. Здесь получили широкое распространение золоторудные, оловорудные, свинцово-цинковые, редкометалльные и флюоритовые месторождения. Вообще-то я специализируюсь на вопросах тектоники плит земной коры – это современная геологическая теория о движении литосферы, согласно которой земная кора состоит из относительно целостных блоков – литосферных плит, которые находятся в постоянном движении относительно друг друга...

– Погодите, док! – Грэвз, взявшись пальцами за виски, ловко ворвался в паузу Агасфера. – Я простой солдат, и от всей этой научной «мути» у меня начинается мигрень. Я не сомневаюсь, что мистер Краснощеков больше оценит ваш энтузиазм относительно всех этих плит, и...

– Но я еще не успел объяснить вам свой интерес именно к этому уголку земли! Дело в том, что Забайкальско-Охотская складчатая область, в состав которой условно включен Буреинский кристаллический массив, уникальна по своему происхождению...

– Поощадите, профессор! – взмолился Грэвс. – Давайте оставим все эти пояснения для мистера Краснощекова! Я уверен, что он больше оценит ваши знания и намерения. Если вы подождете до весны, то, думаю, обстановка в Забайкалье успеет нормализоваться, и я с удовольствием познакомлю вас с господином Краснощековым!

– Я и не рассчитывал попасть к нему немедленно, – отозвался Агасфер. – К тому же я не могу надолго оставлять свою лабораторию в Шанхае, генерал. Но ваша идея насчет буду-

---

³¹ В XVII–XVIII веках – кочующая резиденция монгольских Богдо-гэгэнов, затем – стационарное поселение, историческое название Улан-Батора.

³² Грэвс ехидно намекает на то, что японские оккупанты несколько лет гонялись за Краснощековым во время его действий на Дальнем Востоке, но так и не смогли его поймать.

щей весны или лета, думаю, удачна. Тем более что всякие полевые работы в условиях русских морозов невозможны. А в случае одобрения моей идеи мистером Краснощековым, я сумел бы успеть подготовиться к началу будущего лета!

– Забыл упомянуть, господин генерал, – повернул Ямада. – Барон весьма обеспеченный человек, и занимается своими науками не ради хлеба насущного, а ради удовлетворения собственной страсти. Так что вопроса о финансировании его небольшой экспедиции не стоит. Насколько я понимаю, ему потребуется лишь официальное разрешение на исследования в Забайкалье и небольшая охрана.

– О'кей, док! О'кей! Если вы оставите мне свой адрес в Шанхае, то я тут же свяжусь с вами после всех этих пертурбаций в Забайкалье. И в моем вагоне найдется, разумеется, место и для вас! Вас устроит? Я познакомлю вас с мистером Краснощековым, и вы с ним можете болтать о своих тектонических плитах сколько угодно! Ну, что, господа союзники, еще по стаканчику?

– Благодарю, генерал! – Ямада встал и поклонился. – Как-нибудь в следующий раз. Не забудьте распорядиться о помещении ящиков с золотом в более надежное хранилище, чем автомобильный фургон!

– Да-да, – спохватился Грэвс. – Слушая профессора Берга, я совсем позабыл об этом золоте. Я немедленно позабочусь о нем. Полагаю, вам нужна расписка в получении, генерал Ямада?

– Разумеется...

Написав расписку, Грэвс любезно проводил гостей до выхода, еще раз поблагодарил их за дружественный жест.

Прощаясь с генералом за руку, Агасфер обратил внимание на неприметного человека в статском, крутящего в пальцах легкую тросточку прямо возле часового. Несмотря на заштатную внешность статского, снующие мимо американские солдаты и офицеры не забывали почтительно его приветствовать.

– Вы не знаете, кто это, господин генерал? – поинтересовался он у Озамы, усаживаясь в поджидавший их автомобиль.

Озама хотел было ответить резкостью, но сдержался:

– Если не ошибаюсь, это полковник Александер Мейсон, начальник разведки американского штаба. А в чем дело, господин Берг?

– Кажется, я видел его вчера в офицерском клубе. Только на нем была форма капрала, и он горланил песни в обнимку с группой таких же капралов...

– Что нам за дело до каких-то капралов! – фыркнул Озама.

– До капралов – никакого, – вежливо согласился Агасфер. – Вот только я вчера был там в форме полковника японских сухопутных сил...

Ямада бросил на генерала Озаву гневный взгляд, но промолчал.

Между тем генерал Грэвс лично следил за тем, как солдаты перетаскивали ящики с привезенным золотом в надежное место. Вернувшись в кабинет, он обнаружил там полковника Мейсона, занимающегося при штабе вопросами разведки и контрразведки.

– Ну, что скажешь, Алекс? – Генерал угнездился в своей любимой позе, задрав ноги на стол с бумагами.

Мейсон, на протяжении всего визита японцев не отрывавшийся от стекла Гизелла³³ в смежной комнате, пожал плечами:

– С уверенностью могу только доложить, что второй генерал, который не произнес ни слова за все время визита, – это японская императорская разведка. Генерал Озава, шеф Третьего отдела Императорского Генерального штаба. Прибыл во Владивосток вчера с группой

---

³³ Зеркало Гизелла – особый вид стекла, который пропускает свет лишь в одну сторону, становясь прозрачным, и не пропускает в обратную. Наблюдатель при этом остается невидимым.

сопровождения. А этого однорукого профессора я видел в офицерском клубе. В форме полковника сухопутных сил Японии.

Грэвс замигал обеими глазами:

– Бросьте, Алекс! Вы, вероятно, ошиблись: он мне такую научную теорию «задвинул» про какие-то движущиеся плиты, что...

– Я слышал эту «ахинею», Уильям! – поднял руку Мейсон. – Согласен: с ходу такое не придумаешь, но и быстро профессора не проверишь. Готов держать пари, что «макаки» задумали какую-то хитрую игру. Настолько хитрую и важную для них, что не пожалели и попавшего им в лапы золота!

– При чем тут золото, Алекс?

– У меня был осведомитель в отряде Калмыкова, Уилл! Еще прошлой осенью он сумел передать мне записку, что за коридор на китайскую сторону полковник Суги требует отдать ему похищенное из хранилища золото. Наше золото, Уилл!

– Почему вы сразу не сказали мне об этом, Алекс? – возмутился генерал.

Мейсон скривился:

– Не было доказательств: мой осведомитель в отряде Калмыкова погиб во время бегства в Китай. Конечно, я все это время приглядывал за полковником Суги. Кстати, вчера он действительно был убит: наши радисты перехватили радиограмму из японского штаба в Токио о его скорострительной кончине. Только там, к слову говоря, не упоминается ни о какой перестрелке. И нет обычного в таких случаях представления к награде за проявленную доблесть. Вам не кажется это странным, Уилл?

Генерал сбросил ноги со стола, выскочил из кресла и забегал по кабинету.

– Вы хотите сказать, что присланное под мою ответственность золото Красного Креста больше полугода было у японцев, а вы знали об этом и молчали?! И сообщаете мне об этом «пустячке» только нынче, когда они по какой-то причине решили сыграть в благородство и вернули его? Да они сорок раз могли скрытно отправить его к себе в Японию, Алекс!

– Но не отправили! Если бы такая попытка была предпринята, я бы узнал об этом. И не позволил бы увезти золото из-под нашего носа. Вот тогда шуму было бы предостаточно, – поднял палец контрразведчик. – Не обижайтесь, Уилл, у каждого из нас в этой жизни свое предназначение! Ваше дело – принимать парады и воевать. Мое – следить, чтобы вам никто не помешал исполнять свои обязанности.

– И все равно, Алекс, это даже как-то не по-товарищески! – начал остывать Грэвс. – Секретить такой серьезный вопрос, как целая куча золота от своего непосредственного начальства! Я ведь вам не «макака»!

– Я еще раз прошу прощения, Уилл, но таковы правила игры! Золото Красного Креста пропало буквально на следующий день, как было получено вашим штабом. Вам самому не кажется это странным? Была явная утечка информации из нашего «корыта», и я обязан был найти проклятый источник утечки!

Продолжая бегать по кабинету, генерал Грэвс вдруг круто остановился напротив контрразведчика и уставился на него:

– Уж не подозревал ли ты в этой краже меня, мистер?

Мейсон пожал плечами и ловко крутнул в пальцах трость.

– Сознаюсь, что поначалу я никого не исключал из числа подозреваемых, Уилл. Однако вскоре с чистым сердцем стал подавать вам при встречах руку.

– Ну и сукин же ты сын, Алекс! – покрутил в изумлении головой Грэвс. – Да и работа у тебя, надо сказать, сучья!

Мейсон усмехнулся и пожал плечами: сучья так сучья. Получая секретные сводки из Вашингтона, он, как никто другой, знал, сколько генералов американской армии обычно не

могли устоять и перед меньшим искушением. Однако развивать эти тезисы он не стал и свернул беседу на другую тему:

– Понимаете, Уилл, для разгадки этой шарады мне явно не хватает нескольких «кусочков мозаики»! Я, например, не удивился бы, если узнал, что никакого японского заговора нет и не было, а этот гаденыш Суги воспользовался предложением русских бандитов и притырил золото в одиночку. А потом он на чем-то прокололся, и сюда прискакала императорская «кавалерия» из Японии. Полковнику сначала погрозили пальчиком, а потом шлепнули. А золото решили, на всякий случай, или с какими-то далеко идущими целями вернуть по принадлежности. Но почему? Мне кажется, что все дело может быть в этом одноруком профессоре, Уилл! Ему или япошкам для чего-то крайне нужно легально, под благовидным научным предлогом, попасть в Забайкалье!

– Крайне?

– А вы бы отдали свыше 20 пудов золота просто так, Уилл? За пустячок?

– Логично... Но что ему там может понадобиться?

Контрразведчик развел руками:

– А вот этого я не знаю. Но убежден: разгадка в Забайкалье. А истоки «шарады» вполне могут быть и в Шанхае!

– В Шанхае, в Шанхае, – пробормотал генерал и с надеждой поглядел на собеседника. – Но ведь у вас там есть свои люди, Алекс! Наведите об этом профессоре, или кто он там есть, справки!

– Разумеется! Только не за два дня! – широко осклабился Мейсон.

Глава шестая

Подготовка

(Владивосток – Шанхай, 1920 год)

В японском штабе Осама с нетерпением поджидал «парламентеров», отвезших американским союзникам обнаруженное в арсенале полковника Суги золото атамана Калмыкова. Однако если у него и вертелся на языке какой-то вопрос, задать он его не успел. Швырнув свою фуражку мимо кресла, генерал Осама, не стесняясь Берга, с порога заорал на него:

– Черт бы вас побрал, Осама! Мало того, что мы своими руками сунули этой американской собаке под хвост уйму золота, которое не было бы лишним и для Великой Японии! Ваше легкомыслие привело к тому, что операция провалилась уже заранее!

– Не понимаю, господин генерал, – вытянулся Осама.

– Не понимаете?! Сейчас поймете! Я предупреждал вас, что нашему агенту не стоит щеголять на людях в офицерской форме японских вооруженных сил – а у вас хватило ума потащить его в мундире полковника в офицерский клуб! Агасфер и без японской военной формы вполне способен обратить на себя внимание благодаря столь яркой примете, как отсутствие одной руки. Вы что, не понимаете этого?! Покидая штаб генерала Грэвса, мы лицом к лицу столкнулись с начальником его разведслужбы Мейсоном, и я очень удивлюсь, если он при своей профессиональной памяти не припомнит, что уже видел сегодняшнего посетителя вчера, но не в гражданском, а в японском мундире!

Осама подавленно молчал, не смея возражать токийскому начальству. Агасфер тоже помалкивал – хотя мог бы припомнить генералу Озаве, что именно он еще вчера утром приказал подобрать для агента на время пребывания во Владивостоке из одежды что-нибудь не бросающееся в глаза. Учитывая, что город был буквально наполнен японскими солдатами и офицерами, более маскирующего наряда было, пожалуй, и не подобрать. Недаром же говорят: хочешь спрятать дерево – спрячь его в лесу...

– Если позволите, господин генерал, то мы с господином Бергом сидели в достаточно темном углу и пробыли в клубе самое непродолжительное время, – наконец, подал голос Осама. – Кроме офицерского мундира, барон имел вчера также пристегнутый протез и ничем, уверяю, среди прочих японских офицеров не выделялся.

– Не знаю, не знаю! – раздраженно, но уже тоном ниже отозвался токиец, озираясь кругом в поисках своей фуражки. – Кроме того, я вообще не уверен, что вашего Агасфера стоило брать нынче к американцам... – Вот как? – позволил себе усмехнуться Агасфер. – Насколько я помню, именно вы, господин генерал, принимали решение взять меня к американцам – чтобы было кому заморочить им головы тектоникой и способами сейсмологических исследований.

Осама, обнаружив новый объект для нападков, круто повернулся к Агасферу:

– А вам тут вообще никто слова не давал, жалкий гэйдзин!³⁴ – прошипел он.

Осама наступил Агасферу на ногу, призывая помолчать, но тот уже, что называется, закусил удила.

– Вот как! Гэйдзин, говорите вы, господин генерал! Да, я не японец, но, с вашего позволения или без него, я состарился на службе его императорского величества! И имею не только заслуги перед Японией, но и неплохую, как вы изволите знать память, господин генерал! И я хорошо помню, кто именно из присутствующих в этом помещении слишком старательно препятствовал моему расследованию в полку изменника Суго! – Он повернулся к Осаме и с почтительным поклоном закончил: – Прошу вас об одолжении, Осама-сан! Прошу довести до

---

³⁴ Гэйдзин – оскорбительное именование иностранцев в Японии. Дословно: «неяпонец».

сведения вашего начальства в Генеральном штабе, что я отказываюсь искать для Японии русское золото! Как всякий гэйдзин, я недостойн столь высокой миссии!

– Как бы вам не пожалеть о своих словах, Агасфер...

– Для вас – барон фон Берг, господин генерал, – перебил Агасфер. – Если вы забыли, то могу напомнить: параграф четвертый, пункт второй секретной инструкции номер 3204, санкционированный к неукоснительному исполнению советом гэнро³⁵ еще в 1904 году. Этот пункт прямо запрещает произносить секретное имя агента японских спецслужб вне специально оборудованных помещений.

С усмешкой кивнув на неплотно прикрытую дверь кабинета, Агасфер без разрешения плюхнулся на диван и закурил любимую тонкую «манилу».

– Не надо так глядеть на меня, господин Озава, – миролюбиво пыхнул он дымом. – Я слишком стар, чтобы бояться умереть.

Не говоря ни слова, генерал Озава круто повернулся и почти выбежал из кабинета.

– М-да, Берг, у вас определенный талант наживать могущественных врагов, – после некоторой паузы криво усмехнулся Осама. – Ваше счастье, что генерал Озава будет молчать о полученном от вас оскорбительном уроке до конца жизни! Я даже не исключаю, что и у него рыльце в пушку с этим золотом... Да, кстати, Берг: а что, барон, такой пункт и параграф, о которых вы упоминали, действительно существуют?

– Не знаю, Осама-сан, – рассмеялся Агасфер. – Главное, что в существовании такого параграфа не усомнился ваш начальник! Вот что значит авторитет агента с исключительной памятью! А теперь рискну дать вам совет: садитесь и срочно пишите шифровку в Токио. Пишите, что агент Агасфер отказывается от выполнения задания.

– Я еще не сошел с ума, Берг...

– Да погодите вы! Написать – не значить отправить, Осама-сан! Написать – это ваш долг, а на отправку вы обязаны взять разрешение у своего непосредственного начальника, у генерала Озавы. Хотите пари? Он не разрешит отправить шифровку, и, может быть, придет ко мне извиняться...

– Ну, вы и нахал, Берг...

– Ну, не извиняться – оговорился, Осама-сан. Не хватало еще японскому генералу извиняться перед каким-то «гэйдзином»! Скорее всего, он вызовет меня вместе с вами для какого-либо уточнения и похвалит меня за какие-нибудь старые дела.

– Ну, что ж... Как говорят русские, «поживем – увидим». Хотя, если честно, то я думаю, что вы опять окажетесь правы, Берг! Поэтому пари с вами я заключать не буду.

Осама походил по кабинету, потом ловко выудил из-за сейфа бутылку бренди, вынул из ящика стола стаканы.

– Не выпить ли нам, Берг? От виски, которым угостил нас генерал Гревс, у меня до сих пор какая-то отрыжка, – пожаловался он.

Агасфер пожал плечами, но отказываться не стал. Лишь подумал, что Безухий наверняка не столь уж далек от истины: старший Осама явно спивается.

Он отпил немного из своего стакана, Осама же без паузы налил себе вторую порцию.

– Да, кстати! – вспомнил Осама. – Ваши чертежи уже переданы на механический завод. Так что буровая машина и тайники для оружия к весне будут готовы.

– Благодарю, Осама-сан... Но насчет тайников мы, кажется с вами договаривались?

– Насчет вагонов с тайниками начальство уперлось, – вздохнул разведчик. – У вас, кстати говоря, будет четыре вагона: две теплушки для лошадей и корма, и две платформы. Это не

---

³⁵ Совет гэнро – наименование девяти японских государственных деятелей, которые служили в качестве неофициальных советников императора в эпохи Мэйдзи, Тайсё и Сёва.

обсуждается! В Японию специально отправлены вагоны русского производства – кажется, Тверского вагоностроительного завода³⁶.

– Мы же уже говорили с вами насчет этого, – устало вздохнул Агасфер. – Даже если я сойду с ума и загружу тайники в этих вагонах найденным золотом, его количество будет мизерным в масштабах Японии! А риск – слишком велик! Погодите-ка...

Взяв со стола клочок бумаги и карандаш, он набросал контур вагона-теплушки. Поморщившись, припомнил размеры двухосных товарных вагонов с традиционным трафаретом: «40 человек, 8 лошадей».

– Если ваши инженеры будут делать двойными боковые стены, то там поместится не более чем по 12–16 стандартных патронных ящиков – примерно в таких везли на восток золотой запас империи. Итого – около 30 ящиков в двух теплушках. Однако внутреннее пространство «напичканного» золотом вагона заметно уменьшится – это будет видно даже слепому. А уж опытному пограничнику... Нет, я решительно отказываюсь от такого риска! И не хочу подвергать такому же риску вашего сына.

Осама взял листок, рассеянно посмотрел на примитивный чертеж. Махнув рукой, он смял листок и бросил его в урну:

– Вы, как всегда, правы, Берг! Пара эшелонов таких вагонов, пожалуй, удовлетворила бы аппетиты нашего начальства. Но пытаться запихнуть в два вагона все рассыпанное по Сибири золото – это нереально и даже опасно. Отказываться я не буду – чтобы не злить начальство. А вам скажу: забудьте об этих двойных стенках!

* * *

Вернувшегося из дальней поездки Берга ждали с нетерпением и тут же засыпали уймой вопросов. Андрея и Медникова больше всего волновало: «Ну, что там, в России? Как?» Безухого это совершенно не интересовало, а что касается Линя, то он был просто рад, что хозяин вернулся. Вопросов он не задавал: ему было все равно: куда и когда придется ехать – лишь бы вместе с Бергом.

Не теряя понапрасну времени, Агасфер собрал свою команду в кабинете, и, чтобы не повторяться, рассказал об итогах своей поездки во Владивосток. Расстелив на столе карту Дальнего Востока, он показал на ней нынешнюю диспозицию красных и белых сил, а также прочих участников происходящих событий.

– Самая мощная группировка сил в Чите нынче у атамана Семенова. К тому же совсем недавно он получил под свое начало целую армию пробившихся с Байкала остатков каппелевских войск. Однако и японцы, и американцы утверждают, что нынешний альянс атамана и каппелевцев крайне нестабилен. Семенов не слишком доверяет им, и, видимо, имеет на это все основания. Японцы начали отвод своих войск к Владивостоку, и не намереваются, по их уверениям, принимать участия в дальнейшем противостоянии с движущейся на восток красной «ордой». Кстати, атаман дважды обращался к Советам с предложением своих услуг – на условиях полного прощения. И дважды не получил ответа. Так что сейчас его полки и батальоны начинают потихоньку передислоцироваться в сторону границы. Сам он пока остается в Чите...

– Почему? – не выдержал Андрей.

– Золото, мой мальчик, золото. Помимо того, что он выпросил или отбил у покойного адмирала раньше, у него осталось немало презренного металла, который он «вычистил» из хранилищ Читинского банка. Плюс то золото, которое привезли с собой в Читку каппелевцы. По подсчетам японцев – а золото считать они умеют, – у Семенова на руках около 50 тонн.

---

³⁶ Тверской вагоностроительный завод начал работать в 1898 году.

– М-да, – крикнул Медников. – Этот, как я понимаю, не тот «узелок», который легко унести под мышкой...

– Берг, а почему бы твоим друзьям-японцам, которые охотятся за этим золотом, не забрать его сейчас? Пока оно в одном месте и никуда не увезено? – поинтересовался Безухий. – Мне это кажется более разумным. Тем более что у японцев достаточно сил на Дальнем Востоке, чтобы вернуться в Читу и вытряхнуть из атамана эти 50 тонн...

– Япония де-факто согласилась с Советами о создании Дальневосточной республики еще минувшим летом. И только поэтому начала отвод своих войск. Прямое военное столкновение с красными им выгодно нынче не больше, чем самим Советам. И потом: они прекрасно понимают, что, вернувшись за золотом, им придется сражаться не только с Семеновым, но и с крупными партизанскими соединениями, окружившими Забайкалье. Не-ет, они дожидаются, пока атаман не начнет эвакуацию золотого запаса и попытаются перехватить его по пути в Китай. Либо на границе с Китаем. А еще лучше – дожидаться, пока атаман спрячет его. Он же понимает, что в Китай вывезти золото ему, скорее всего, не дадут! И тогда японцы спокойно, с нашей помощью, смогут поискать свой золотой «приз».

Собравшиеся переглянулись.

– Японцы и американцы полагают, что через полгода – как раз к моменту нашей экспедиции – криминальная ситуация в Забайкалье улучшится. Уйдут за кордон семеновцы с кап-пелевцами – президент новой республики, мистер Краснощеков, обещал их не трогать. К Чите подтянутсядвигающиеся с востока части Красной армии и партизанские соединения. Так что и нам работать будет легче.

– Ха! «Легче»! – покрутил головой Медников.

– Ну, у нас еще полгода впереди – поглядим и успеем решить. Сейчас о другом думать надо. Во-первых, нам нужны хорошие документы, – кашлянул Агасфер. – Одних мандатов господина Краснощекова – если он их, конечно, даст – будет маловато. Ну, по этому поводу у меня есть с кем поговорить. Хотя, честно признаться, не хочется... И второе: нам надо как-то легализовать свою «научную деятельность». Скорее всего, американцы захотят меня проверить. Я не исключаю, что их разведчики есть не только во Владивостоке, но и в Шанхае. И потом: они могли знать, что золото Калмыкова, которое им японцы нынче «подарили», на самом деле долго лежало вместе с патронами в арсенале полковника Суги. А коли так, то неизбежно возникнет вопрос: как, мол, так совпало, что пропавшее золото «всплыло» одновременно с моим появлением во Владивостоке?

Помолчав, Агасфер признался, что имел неосторожность попасться на глаза американскому разведчику. А тот вполне мог его видеть накануне, когда он по настоянию японского резидента Осамаы щеголял по Владивостоку в военной форме. В Шанхае есть американское консульство. А коли так, то при нем может быть «незаявленный»³⁷ военный атташе как раз для таких проверок.

– Контрразведчик во Владивостоке мог меня и не узнать. Но лучше подстраховаться, господа!

– И как же? – поинтересовался Медников.

– Поскольку я представился специалистом по сейсмологии, то было бы странным не иметь дома никаких соответствующих схем строения земного шара, чертежей, всяких графиков... Заглянет кто-нибудь невзначай за консультацией – а у меня ничего такого и нету...

– Я погляжу в здешней университетской библиотеке, – вызвался Андрей. – Там что-нибудь должно быть. Отец, я возьму машину?

---

³⁷ Кроме аккредитованных при МИДе страны пребывания официальных военных атташе, существуют так называемые незаявленные сотрудники, выполняющие шпионские функции.

– Конечно, Андрей! И деньги возьми: вряд ли эти причиндалы даром раздают всем желающим...

– Я поеду с тобой, – вызвался Безухий. – Покажешь мне – что именно нужно, и я наверняка раздобуду тебе необходимые картинки.

– А как быть с документами? – напомнил Агасфер. – Не можем же мы с Андреем ехать в Россию с японскими паспортами! Нет, конечно, Осама своими хлопотами меня не оставит, обеспечит надежными бумагами. Но как знать – насколько надежными? Вот и французский паспорт Евстратия, признаться, вызывает у меня сомнение. Евстратий, признавайся: не на парижском блошином рынке³⁸ покупал?

– Люди помогли, – буркнул Медников. – Ты же знаешь, с кем я в Париже работал... А чем тебе мой французский паспорт не нравится? В Неаполе по нему при посадке на пароход вопросов не было. Да и здесь, в Шанхае, таможенник-англичанин только глянул мельком... А ты-то, Бергуша, отчего не слишком своим японским друзьям доверяешь?

– Есть у меня на то причина, – не вдаваясь в подробности, ответил Агасфер. – А теперь самый главный вопрос, господа: я могу на всех вас рассчитывать? Предупреждаю: весной мы полезем к самому черту в зубы!

Отказчиков не нашлось.

* * *

Тем временем Александер Мейсон, причисленный в экспедиционном корпусе генерала Уильяма Грэвса к Управлению военно-морской разведки Соединенных Штатов, тщетно ломал себе голову над тем, как выполнить данное им генералу обещание. Главная проблема была в том, что единой службы разведки как таковой в Америке в первой четверти XX века просто не было. Кроме Управления ВМР, чьи офицеры занимались чисто морской разведкой, присутствовали на учениях и считали военные корабли чужих держав, частенько не покидая при этом уютных кабинетов и кают, в САСШ была, разумеется, и главенствующая организация – Департамент военной разведки. Краем уха Мейсон слышал, что где-то за кулисами Белого дома существовало даже Централизованное учреждение сбора и анализа информации – однако базировалась эта структура в Вашингтоне и помочь Мейсону никак не могла, даже если бы и захотела это сделать.

На офицерских вечеринках Мейсону не раз доводилось слышать сплетни о том, чуть ли не с началом Великой европейской войны президент Рузвельт приступил к созданию того, что можно назвать его личной разведывательной службой. Рассказывали, что в этой службе были две самостоятельные группы, выполнявшие профессиональные разведывательные задачи, формально запрещенные законом – включая перехват телеграмм и перлюстрацию писем. Одна группа якобы финансировалась Рузвельтом из неподотчетных фондов, а вторая – из его собственного кармана.

Потягивая крепкий бренди, Мейсон неторопливо размышлял о том, что эта самая вторая группа вышла из недр тайного президентского общества «Комната», возникшего еще в 1917 году. Оно состояло из богатых англофилов, жителей Нью-Йорка, часть которых ранее работала в разведке, а часть просто восхищалась романтикой шпионской деятельности. Среди основателей назывались отпрыск американской ветви знаменитой английской семьи Винсент Астор, воевавший в Европе во время Первой мировой войны Кермит Рузвельт, зять Эндрю Меллона Дэвид Брюс, банкир Уинтроп Олдриг, адвокат с Уолл-стрит Генри Г. Грей, судья Фредерик Керноген.

---

³⁸ На знаменитых блошиных рынках Парижа и сейчас можно купить все, что заблагорассудится. В том числе награды любых стран и документы.

«Комната» ежемесячно собиралась в квартире, в которой не было жильцов и где стоял телефон с не указанным в справочниках номером. «Комната» поддерживала связь с британской «Секрет Интеллидженс Сервис» (SIS) через писателя и сотрудника SIS Сомерсета Моэма³⁹.

Но толку от этой проклятой «Комнаты» здесь, во Владивостоке, тоже не было.

Самому Мейсону доводилось бывать проездом в Шанхае. В мире этот город называли и Жемчужиной Востока, и Парижем Азии, и Голкондой Китая, и наконец, Городом Желтого Дьявола. Мейсону же эта «жемчужина» абсолютно не понравилась. Действительно, Шанхай обладал всеми особенностями, присущими английскому представлению об идеальном колониальном городе. В нем царствовала кастовая система и доминировал принцип «разделяй и властвуй». Город был «составлен» из просторных и благоустроенных территорий Международного сэттльмента и Французской концессии, а также тесного, скученного до предела Китайского города. Вдоль улиц и авеню иностранной части Шанхая, утопавших в зелени высоких деревьев, простирались тщательно подстриженные газоны, яркие цветники, сады. За ними поднимались полудворцы и виллы шанхайской знати.

На улицах Международного сэттльмента рослые индусы в красных чалмах, с заплетенными бородами руководили транспортным движением и следили за порядком. Полицейскую службу на улицах французского города несли аннамиты⁴⁰ из Индокитая. Постепенно ряды полицейских здесь пополняли русские эмигранты.

Самым надменными и высокомерными обитателями иностранного Шанхая, были англичане. Их сообщество состояло, за редким исключением, из «разночинцев» и авантюристов. Большинство английской «знати» Шанхая у себя на родине в социальном положении не поднялось бы выше мелкого торговца на Истсайде в Лондоне. В колонии же эти «разночинцы» обрели то, что не могли найти у себя на родине; здесь они стали белой костью, людьми голубой крови, чопорной, надменной колониальной аристократией. В привольных условиях колониального быта и особенностей английского владычества они создали для себя исключительные права и положение, способствовавшие их быстрому обогащению.

Мейсон был знаком с военным атташе при генеральном консульстве САСШ в Шанхае Петерсоном, но связываться с ним даже не стал пытаться. Он рассудил, что вряд ли Петерсон поднимет свою задницу, чтобы попытаться выяснить что-то о профессоре Берге. Бесплезно было бы обращаться и к английскому атташе – в основе таких просьб, как правило, лежали личные знакомства и связи.

Мейсон хмыкнул: для того чтобы разнюхать что-то про профессора Берга, ему придется обращаться к тем же японцам. Тем самым, которые горячо этого Берга и рекомендуют ...

Похоже, у него оставался только один путь – не считая, разумеется, своего личного визита в Шанхай, на который начальство никогда не даст разрешения.

Вздыхнув, Мейсон отставил стакан с бренди и взял лист бумаги. Не слишком профессионально, конечно, обращаться с подобной просьбой к женщине, да еще и к кузине. И сам процесс будет не слишком быстрым, разумеется: о том, чтобы послать личное письмо по каналам дипломатической или военной связи, не могло быть и речи.

---

³⁹ Английский писатель, один из самых преуспевающих прозаиков 1930-х годов, автор 78 книг, а заодно и агент английской разведки.

⁴⁰ Так прежде именовали нынешних вьетнамцев.

* * *

Андрей, отправленный за «наглядной агитацией» по тектонике, вернулся часа через три почти с пустыми руками. Единственной его добычей было несколько плакатов с показом строения земной коры.

– Понимаешь, отец, есть у них в одной из лабораторий шикарные штучки. Трудно объяснить – что-то вроде большого глобуса с вырезом. Вроде как ломоть из арбуза вырезан, и на место его можно вставлять. Пособия есть и современные, и старинные, китайские – но продавать их не хотят ни в какую! Пытался узнать, где можно заказать или купить – да все без толку... Может, из Европы выписать?

– Это потребует уймы времени, которого у нас нет. Не будет же Мейсон ждать полгода, чтобы организовать проверку, – вздохнул Агасфер и тут же насторожился. – А где Безухий и Линь? Они же вроде с тобой отправились?

– Они по-китайски между собой что-то «почирикали» и ушли куда-то сами. Сказали, что к вечеру вернутся...

– Понятно, – повторил Агасфер. – Как бы Безухий после тебя налет на ту лабораторию не совершил... Он человек не слишком церемонный.

Он как в воду глядел. Как только стемнело, к воротам особняка на Бабблинг-роуд подъехала конная упряжка, и несколько кули под руководством Безухого быстро начали заносить во двор громадные свертки, накрытые тканью. Вышедший на шум Агасфер поскорее прикрыл ворота, заглянул под покрывала и тут же взял Безухого в оборот:

– Ху, где ты раздобыл эти глобусы, макеты и прочее? Только не ври! Ты был с Андреем в университете, и когда там хватятся пропажи, то придут прямо сюда!

Безухий криво усмехнулся:

– Не надо беспокоиться, Берг! Я не вор! Андрей показал мне то, что тебе нужно, и я стал искать по своим каналам. Шанхай – город большой, и в нем живет много ученых чудачков.

– И ты нашел все это не в университете? – допытывался Берг.

– Ну, туда мне тоже пришлось вернуться, – признался Безухий. – Я вернулся и уговорил того мудака, который отказался продавать Андрею большой шар, уступить его мне. Не беспокойся, Берг: он получил достаточно, чтобы не кричать о пропаже...

Агасфер поглядел на невозмутимого китайца долгим взглядом и под конец вздохнул: как бы там ни было, больше Безухий ничего не расскажет.

– А как ты хочешь затащить эту круглую штуку в дом? – немного погодя поинтересовался Безухий. – В дверь он не пройдет. Шар неразборный, я поглядел по дороге. Может, попробовать распилить?

– Жалко, – вздохнул Агасфер. – Завтра я попрошу Линя найти рабочих, чтобы вынули из восточной стены дома пару рам, кирпичей сколько надо. Потом каменщики все аккуратно заделают. А тебя, Ху, я попрошу найти других мастеров. Хороших: за пару-тройку месяцев нам надо будет изготовить два тарантаса с «секретами». В России нашу экспедицию наверняка будут не единожды обыскивать, поэтому я планировал в обычных с виду повозках предусмотреть тайники.

– Для золота? – скептически улыбнулся Безухий.

– Никакого золота из России я вывозить не собираюсь, Ху. Еще чего не хватало – воевать с Совдепией, становиться на одну доску с контрабандистами! Если, Бог даст, найдем – переложим в схроны, обозначим их, а дальше пусть золотом наши японские «друзья» занимаются. А тайники нужны для оружия – оно нам там очень и очень потребуется!

– Я могу найти в Шанхае оружие, – оживился Безухий. – Сколько угодно и какое хочешь! Только скажи, что именно нужно?

Агасфер усмехнулся:

– Сначала я хочу поговорить с теми умельцами, которые будут делать для нас тарантасы или повозки – какого размера тайники они смогут оборудовать там? Хотелось бы пару пулеметов – но я плохо разбираюсь в современном вооружении, и не знаю, есть ли достаточно портативные пулеметы, которые легко спрятать. Ну, и карабины, пистолеты, боеприпасы – с этим, конечно, полегче.

– Ты прав, – согласился Безухий. – Но сначала давай решим с телегами. Если хочешь, съездим завтра в мастерскую, где делают обычные повозки и телеги. Поглядим, поговорим. Когда-то я имел дело с хозяином этой мастерской – думаю, он не забыл Безухого...

– А если забыл, ты живо ему напомнишь? – хмыкнул Агасфер. – Ладно, шучу. Съездим. Давай, отдыхай пока. А я осматрюсь в кабинете, прикину – что там можно убрать, что переставить – чтобы вся эта красота удачно поместилась...

Зайдя в кабинет, Агасфер устроился в любимом кресле у камина. И хотя вечер был теплым, решил разжечь его. Огонь, как и вода, был той субстанцией, на которую можно глядеть бесконечно.

С той поры, как он в одночасье, на своих глазах потерял Настеньку, Агасфер не переставал остро чувствовать свое одиночество. Днем его отвлекали всякие хлопоты, разговоры, общение с окружающими. А ночью Агасфер оставался один, и одиночество наваливалось на него всей тяжестью. Так тоскливо ему не было даже в японской тюрьме – там с ним были неотрывные воспоминания о живой Насте и малыше, была надежда на освобождение.

Одиночество еще раз больно стукнуло его в сердце после прощального письма Лаврова. Одновременно с ним пришла горечь от сознания своей ненужности: размышляя над скупыми строчками письма и сухим уведомлением нового начальника РО Генштаба Русской армии, присланным в ответ на запрос камергера Павлова, Агасфер винил в этой ненужности себя. Плохо работал – вот с ним и распрощались...

Несколько месяцев Бергу пришлось прожить на Сахалине – самой страшной каторге империи. Это дало Агасферу массу впечатлений и разных знакомств – начиная с местной знаменитости, единственного исправившегося экс-каторжника, ставшего миллионщиком Ландсберга и кончая не менее известной личностью – Сонькой Золотая Ручка⁴¹. На Сахалине Агасфера с Настей снова нашел японский резидент по имени Осама...

Семью Бергов тайно вывезли в Японию и тут же разлучили: спецслужба Третьего отдела Императорского Генштаба Японии нашла много работы для своего нового агента-европейца Агасфера в Токио. А Настя и малыш остались на северном японском острове Хоккайдо в положении заложников его успешной работы.

Агасфер снова был один. В далеком Санкт-Петербурге Лавров рвал на себе волосы от вполне ожидаемой ошибки молодой русской разведслужбы: удачно внедрив агента в тыл врага, связь с ним Разведочное отделение наладить просто не успело...

Потом японцы перебросили Агасфера в китайский Шанхай. Приступив там к выполнению рискованного задания, он сумел найти возможность для связи с Петербургом. В Шанхае действовал дипломатический резидент МИДа Павлов. Из Китая в Петербург протянулась тонкая ниточка связи.

Агасфер сумел добыть и передать через Павлова в Петербург сверхсекретные сведения – можно сказать, прямо из императорского дворца микадо. Добытые им в Шанхае данные могли в корне изменить ход мирных русско-японских переговоров в Портсмуте⁴²: правительство Японии приказало своей делегации отказаться от последних территориальных притязаний на остров Сахалин. Агасфер ожидал, что сообщенные им данные помогут русской делегации выиг-

---

⁴¹ См. роман Вячеслава Каликинского «Чужое лицо».

⁴² См. роман Вячеслава Каликинского «В полном отрыве».

рать на мирных переговорах дипломатический спор с Японией и найдут отражение в договоре, который стороны должны были подписать через несколько дней.

Шифровка успела дойти до личного кабинета Николая II в Царском Селе. Однако русский монарх, поблагодарив ставшего полковником Лаврова за усердие его агента Агасфера, все же принял свое решение... Решение, в результате которого юг острова Сахалин был на долгие годы потерян для России... В итоговых документах мирной конференции сообщенные Агасфером сведения никакого отражения не получили. Выходило, что российское правительство, словно не услышало его донесения или не придавало ему значения. А может, и не поверило...

Когда Андрей подрост, Берг отправил его учиться в Европу – сначала в Британский Оксфорд, потом в Италию. А когда в Европе стало беспокойно, настоял на немедленном возвращении сына. Тот не противился – только сообщил, что вместе с ним в Шанхай едет старый знакомый отца.

Андрей за время десятилетней разлуки с отцом возмужал, оказался по меньшей мере на три дюйма выше и шире в плечах. Словно поддразнивая отца, в разговоре он переходил с английского на французский, с итальянского на испанский и греческий языки.

Агасфер с удовольствием глядел на такого знакомого и в то же время незнакомого сына: наверное, таким был и он сам в годы учебы вольноопределяющимся при Саперном лейб-гвардии батальоне в Петербурге.

– Да, а где же этот твой «один человек», которому я должен быть рад? – спохватился, наконец, Агасфер, озираясь по сторонам и не видя вблизи ни одной юбки.

– Ах да, совсем забыл! – лукаво прищурился Андрей, легко вытаскивая из толпы пассажиров худого и совершенно лысого человека. – Вас надо знакомить, отец? Или обойдетесь без этих формальностей?

Каково же было изумление Агасфера, когда он узнал в сыновнем «сюрпризе» Евстратия Медникова⁴³...

– Позвольте представиться: Эжен Мади, мсье, – на плохом французском представился Медников и тут же рассмеялся, показав совершенно не пострадавшие от возраста зубы. – Впрочем, я слышал, что в Шанхае властям совершенно плевать на подданство и национальность хороших людей. Не так ли, мой старый друг? Ну, что? Будем обниматься, или мне отправляться обратно?

На этот вопрос можно было ответить единственным образом, и Агасфер невольно охнул, попав в совершенно не старицкие крепкие объятия старого друга.

– У вас, мистер Берг, насколько я наслышан, тут детективное бюро? – не отставал Медников. – А вот с квалифицированными сотрудниками наверняка плоховато. Что ж, я со старых друзей лишку не возьму.

– Считаю, принят, – Агасферу удалось, наконец, вырваться из крепких объятий Медникова. – Вот уж сюрприз так сюрприз!

Берг с Медниковым, перебывая друг друга, расспрашивали друг друга об общих друзьях и знакомых, о давних событиях в России и вообще о том, что произошло за время, прошедшее после отъезда Агасфера из Санкт-Петербурга.

Евстратий не стал скрывать от старого друга ничего – начиная с покушения на главу русской делегации на портсмутских переговорах Витте, организованном ближайшим окружением Николая II. О том, что, организовав охрану Витте в его долгой поездке, Лавров нажил смертельного врага в лице петербургского генерал-губернатора Трепова. О гибели подпоручика Новицкого. О том, что, не имея возможности прямо обвинить Лаврова в организации защиты

---

⁴³ Герой предыдущих романов Вячеслава Каликинского Евстратий Медников – некогда глава знаменитого летучего отряда Петербургской охранки. Позже – правая рука начальника Разведочного отделения Генерального штаба полковника Владимира Лаврова.

Витте, Трепов своей властью сменил начальника Разведочного отделения, отправив Лаврова на прежнее место службы, в Тифлис. И что тот, желая Агасферу только добра, успел удалить его имя из списка действующих агентов и отправить его досье в архив Главного штаба. Попади это досье в руки Трепова и начальника Охранного отделения Герасимова – последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

– А полковник Герасимов?

– Тому повезло. В 1909 году был снят с должности, в 1914 году вышел в отставку. Новые-то, большевики, его вроде в оборот взяли в 1917 году, после переворота. А потом, слышал, выпустили из тюрьмы и даже разрешили эмиграцию. Нынче, если не помер, живет в Берлине, служит бухгалтером в мастерской дамского платья. А знаешь, кто владелец этого пошивочного ателье? Его собственная супруга: после революционных событий той удалось каким-то образом опередить супруга и скрыться из России. Тьфу!

– Удивительное дело! Выпустили, говоришь? Никогда бы не подумал, – невесело усмехнулся Агасфер. – Сколько он пересажал большевиков, сколько к ним своих провокаторов в камеры подсаживал, а потом в каторгу отправлял...

– Не знаю, Бергуша, как они с Герасимовым помирились...

– Боюсь спрашивать о Лаврове Владимире Николаевиче, Евстратий. С ним-то как?

– Поначалу все было вроде хорошо. Через год после тифлисской «ссылки» его вернули в Петербург, на «живую» работу. Ну, ты понимаешь – какую?

– Догадываюсь...

– В 1911 году Лаврову дали генерал-майора и тут же подписали его прошение об отставке. Однако на самом деле наш генерал-майор получил новое секретное задание. Во Францию настропалился, и меня с собой позвал. Как ты понимаешь, Бергуша, отставка-то липовой была. В Париже Володя возглавил «Организацию № 30» – не слышал? И меня туда же пристроил – хоть я экзамена на офицерский чин так и не сдал. Так не слышал о такой организации?

Агасфер отрицательно покачал головой.

– Об этой «конторе» вообще мало кто знал, – вздохнул Медников. – Не только в России и Франции – даже те, кто в ней работал, не знали конкретных масштабов своей деятельности. И я, грешник, всего не знал. Ну, по способности, конечно, служил – на подхвате, как говорится. Догадываюсь, что Лавров организовывал и координировал всю русскую агентурную работу против Германии. А через год после начала войны, весной 1915 года, исчез, бедолага.

Медников перекрестился, вздохнул.

– Как исчез? – не понял Агасфер.

– А как люди исчезают? Выехал из дома на службу, а до конторы не доехал. Автомобиль его через два дня из Сены выловили, – Медников снова перекрестился. – Думаю, германцы до него добрались-таки...

– Жалко! – искренне пожалел Агасфер. – Хороший человек был... А я тут живу, в полном отрыве, ничего ни про кого не знаю.

Появление сына и Медникова в Шанхае немного скрасило одиночество Берга. Отвлекала от грустных мыслей и работа в детективном бюро. Однако Агасфер стал ловить себя на том, что, общаясь с Андреем, он боялся оставаться с ним наедине. Боялся, прежде всего, неизбежных вопросов о маме. А тот молчал – то ли щадил отца, то ли себя самого...

В коридоре раздались быстрые шаги, распахнулась дверь – и Агасфер, как в зеркало, уже с удовольствием глядел на свое молодое отражение: точно таким, наверное, он и сам был в годы учебы вольноопределяющимся при Саперном лейб-гвардии батальоне.

– Укрылся в своей «берлоге», отец? – Андрей легкой пружинистой походкой, свойственной только молодости, пересек кабинет, обнял отца за плечи, слегка потянул носом, прикоснулся виском к его виску. – Признавайся: сколько выкурил сегодня?

– За день только две, Андрей, – усмехнулся Берг, накрыв широкой ладонью обнявшую его руку. И, ощутив кожей ладони, что необычные затвердения на суставах пальца сына стали больше и тверже, поднес его кисть к глазам.

Андрей мягко высвободил руку, поинтересовался:

– Ну, как? Придумал уже, где разместить то, что мы с Безухим раздобыли?

– Да тут и думать особо не надо, – вздохнул Агасфер. – Сдвинем второй диван подальше в угол, уберем пару шкафов...

– Ну, а когда ты расскажешь о том, что происходит в мире? В России? – Андрей побарабанил пальцами по внушительной стопе газет, занимающей весь угол отцовского стола. – У меня, признаться, для чтения времени почти не остается.

– На газеты ориентироваться не стоит, – пожал плечами Агасфер. – Там пишут то, что хочется видеть их издателям. Общее представление, конечно, имеется: в России голод, хаос и бардак. Пока ясно одно: красные неумолимо движутся на восток, им помогают партизаны, которым до чертиков надоело воевать. Зашевелился в Чите и атаман Семенов: ему не слишком помогло подкрепление каппелевцев. Пишут, что с бароном Унгерном он тоже «расплевался»: тот попытался взять Забайкалье с юга, но потерпел поражение и увел остатки своей дивизии в Монголию...

– Думаешь, прогнозы верны, и к лету следующего года в Забайкалье будет спокойнее? Что мы сможем там работать?

Агасфер неопределенно пожал плечами: всякое может быть...

– И все равно, как бы там не сложилось, Андрей, мне очень не хочется брать тебя с собой.

– Но придется! – Андрей обнял отца за плечи, слегка тряхнул. – Ты уже в возрасте, куда без меня денешься? Кстати, отец: у нас почему-то нет фотографии моей мамы. Почему? Иногда мне даже страшно становится: я почти забыл ее лицо!

– Я как раз думал об этом перед твоим приходом, сынок, – признался Агасфер. – И для меня это тоже больно и странно... Не успели сфотографироваться как-то, все на потом откладывали.

Агасфер промолчал, вернулся от окна за стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.